3

Д. Хармс

ГУМАНИТАРНОЕ АГЕНТСТВО
«АКАДЕМИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ»

Д. ХАРМС

Д. ХАРМС

Полное собрание сочинений

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ 1997

ГУМАНИТАРНОЕ АГЕНТСТВО
«АКАДЕМИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ»

Д. ХАРМС

Полное собрание сочинений

Том 3

Произведения для детей

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ 1997

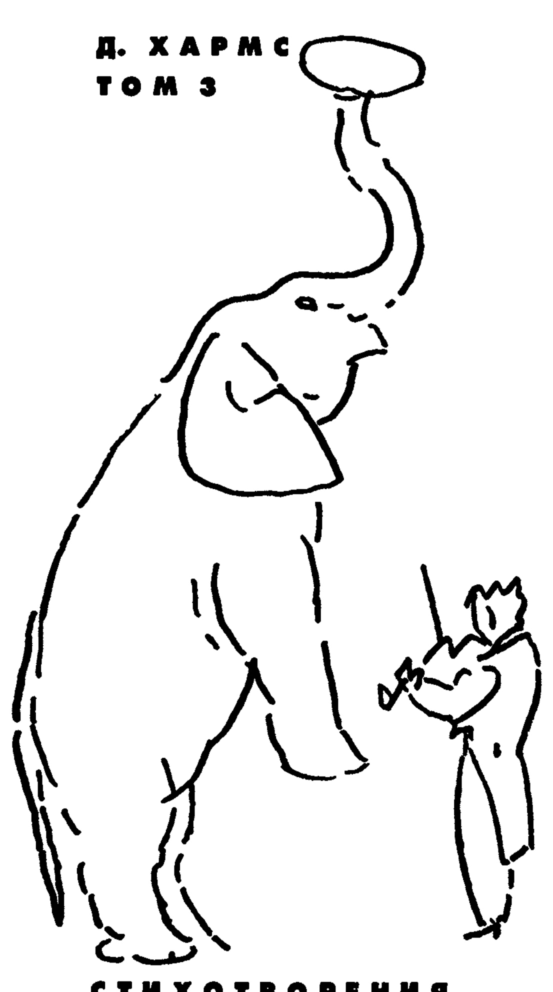
ISBN 5-7331-0060-5

Подготовка текста А.В.Коскелло и Д.В.Сажина

Составление, подготовка текста и примечания В.Н.Сажина

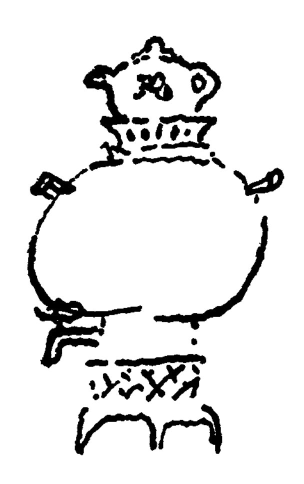
Художник В.В.Бродский

Д. ХАРМС
ТОМ 3

СТИХОТВОРЕНИЯ

1
ИВАН ИВАНЫЧ САМОВАР

Иван Иваныч Самовар
Был пузатый самовар,
Трехведерный самовар.

В нем качался кипяток,
Пыхал паром кипяток,
Разъяренный кипяток;

Лился в чашку через кран,
Через дырку прямо в кран,
Прямо в чашку через кран.

Утром рано подошел,
К самовару подошел,
Дядя Петя подошел.

8

Дядя Петя говорит:
«Дай-ка выпью, говорит,
Выпью чаю», говорит.

К самовару подошла,
Тетя Катя подошла,
Со стаканом подошла.

Тетя Катя говорит:
«Я конечно, говорит,
Выпью тоже», говорит.

Вот и дедушка пришел,
Очень старенький пришел,
В туфлях дедушка пришел.

Он зевнул и говорит:
«Выпить разве, говорит,
Чаю разве», говорит.

Вот и бабушка пришла,
Очень старая пришла,
Даже с палочкой пришла.

И подумав говорит:
«Что-ли выпить, говорит,
Что-ли чаю», говорит.

Вдруг девченка прибежала,
К самовару прибежала —
Это внучка прибежала.

«Наливайте! — говорит,
Чашку чаю, говорит,
Мне послаще», говорит.

Тут и Жучка прибежала,
С кошкой Муркой прибежала,
К самовару прибежала,

Чтоб им дали с молоком,
Кипяточку с молоком,
С кипяченым молоком.

Вдруг Сережа приходил,
Всех он позже приходил.
Неумытый приходил.

«Подавайте! — говорит,
Чашку чая, говорит,
Мне побольше», говорит.

Наклоняли, наклоняли,
Наклоняли самовар,
Но оттуда выбивался
Только пар, пар, пар.

Наклоняли самовар
Будто шкап, шкап, шкап,
Но оттуда выходило
Только кап, кап, кап.

Самовар Иван Иваныч!
На столе Иван Иваныч!
Золотой Иван Иваныч!

Кипяточку не дает,
Опоздавшим не дает,
Лежебокам не дает.

ВСЁ

Д.Хармс
1928

2
ИВАН ТОПОРЫШКИН

Иван Топорышкин пошел
на охоту,
с ним пудель пошел,
перепрыгнув забор,
Иван, как бревно
провалился в болото,
а пудель в реке утонул
как топор.

Иван Топорышкин пошел
на охоту,
с ним пудель вприпрыжку
пошел, как топор.
Иван повалился бревном
на болото,
а пудель в реке перепрыгнул
забор.

Иван Топорышкин пошел
на охоту,
с ним пудель в реке
провалился в забор.

Иван как бревно
перепрыгнул болото,
а пудель вприпрыжку попал
на топор.

Даниил Хармс
1928

3
ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЕЖА

<1>

Пришел к парикмахеру
Колька Карась.
— Садитесь, — сказал
парикмахер, смеясь.

Но вместо волос он увидел
ежа
И кинулся к двери, крича
и визжа.

Но Колька проказник
не долго тужил
И тете Наташе ежа
подложил.

А тетя Наташа, увидев ежа,
Вскочила, как мячик,
от страха визжа.
Об этих проказах услышал
отец:

— Подать мне ежа! — он
вскричал наконец.

А Колька, от смеха трясясь
и визжа,
Принёс напечатанный номер
«Ежа».

<2>

— Помогите! Караул!
Мальчик яблоки стянул!

— Я прошу без разговора
Отыскать немедля вора!

Ванька с Васькой караулят,
А старушка спит на стуле.

— Что же это? Это что ж?
Вор не вор, а просто еж!

— До чего дошли ежи!
Стой! Хватай! Лови! Держи!

...Еж решился на грабеж,
Чтоб купить последний
«Еж»!

1928

4

— Отчего ты весел, Ваня?
— У меня Ежи в кармане.

За ежом пошел я в лес,
только еж в карман не влез.

— Что ты, Ваня, все поешь?
— У меня в кармане «Еж».

Вот и мне попался еж!
От такого запоешь!

— Ты соврал, курносый
Ванька!
Где твой еж? А ну,
достань-ка.

— Это правда, а не ложь,
посмотрите, вот он — «Еж»!

1928

5
ПОЧЕМУ

ПОЧЕМУ:

Повар и три поварёнка,
повар и три поварёнка,
повар и три поварёнка
выскочили на двор?

ПОЧЕМУ:

Свинья и три поросёнка,
свинья и три поросёнка,
свинья и три поросёнка
  спрятались под забор?

ПОЧЕМУ:

Режет повар свинью,
поварёнок — поросёнка,
поварёнок — поросёнка,
поварёнок — поросёнка?

  Почему, да почему?
  — Чтобы сделать ветчину.

Д.Хармс
1928

6
ТЕАТР

Музыканты забренчали,
Люди в зале замолчали.

Посмотри на Арлекина-
                              Кольку!

Вот он с Ниной-Коломбиной
Пляшет польку.

«Динь-динь-дили-дон»,
Вот кот Спиридон.

15

Что за шум вдалеке?
Глянь-ка:

На Коньке Горбунке
Едет Ванька!

Распроклятого буржуя
В три минуты уложу я.

Девчонка комсомолка
Не боится волка.

Из ковра и двух зонтов
Для спектакля змей готов.

У Петрушки
                    Палка,

Мне Марфушку
                    Жалко.

Спящая красавица
Спит не просыпается.

Вот пред вами вся орава.
Браво! браво! браво! браво!

1928

7

Уж я бегал бегал бегал
и устал
Сел на тумбочку, а бегать
перестал

вижу по небу летит
  галка,
а потом ещё летит
  галка,
а потом ещё летит
  галка,
а потом ещё летит
  галка
Почему я не летаю?
Ах как жалко!

Надоело мне сидеть
Захотелось полететь

Разбежался я подпрыгнул
Крикнул Эй!
Ногами дрыгнул.
Давай ручками махать
Давай прыгать и скакать.

меня сокол охраняет
сзади ветер подгоняет
снизу реки и леса
сверху тучи-небеса.

Надоело мне летать
Захотелось погулять

топ
топ
топ
топ
Захотелось погулять.

Я по садику гуляю
я цветочки собираю
я на яблыню влезаю
в небо яблоки бросаю
в небо яблоки бросаю
на удачу на авось
прямо в небо попадаю
прямо в облако насквозь.

Надоело мне бросаться
Захотелось покупаться
буль
буль
буль
буль
Захотелось покупаться.

Посмотрите
Посмотрите
как плыву я под водой
как я дрыгаю ногами,
помогаю головой.

Народ кричит с берега:

Рыбы рыбы рыбы рыбы
рыбы жители воды
эти рыбы

даже рыбы
хуже плавают чем ты!

Я говорю:

Надоело мне купаться
плавать в маленькой реке
лучше прыгать, кувыркаться
и валяться на песке.

мне купаться надоело
я на берег и бегом
и направо и налево
бегал прямо и кругом
Уж я бегал бегал бегал
и устал
сел на тумбочку, а бегать
перестал

и т.д.

Даниил Хармс
1929 май 17

8
О ТОМ, КАК ПАПА ЗАСТРЕЛИЛ МНЕ ХОРЬКА

Как-то вечером домой
Возвращался папа мой.
Возвращался папа мой
Поздно по полю домой
Папа смотрит и глядит —
На земле хорёк сидит.
На земле хорёк сидит
И на папу не глядит.

Папа думает: «Хорёк —
Замечательный зверёк.
Замечательный зверёк,
Если только он хорёк».

А хорёк сидел, сидел
И на папу поглядел.
И на папу поглядел
И уж больше не сидел.

Папа сразу побежал,
Он винтовку заряжал,
Очень быстро заряжал,
Чтоб хорёк не убежал.

А хорёк бежит к реке,
От кустов невдалеке,
А за ним невдалеке
Мчится папа к той реке.

Папа сердится, кричит
И патронами бренчит,
И винтовочкой бренчит,
— Подожди меня! — кричит,

А хорёк, поднявши хвост,
Удирает через мост.
Мчится с визгом через мост,
К небесам поднявши хвост.

Папа щелкает курком,
Да с пригорка кувырком
Полетел он кувырком
И — в погоню за хорьком.

А ружьё в его руках
Загремело — тарарах!
Как ударит — тарарах!
Так и прыгнуло в руках.

Папа в сторону бежит,
А хорёк уже лежит.
На земле хорёк лежит
И от папы не бежит.

Тут скорее папа мой
Потащил хорька домой.
И принес его домой,
Взяв за лапку, папа мой.

Я был рад, в ладоши бил,
Из хорька себе набил
Стружкой чучело набил,
И опять в ладоши бил.

Вот перед вами мой хорёк
На странице поперёк.
Нарисован поперёк
Перед вами мой хорёк.

Даниил Хармс
1929

9

Кто из вас прочитал,
Кто из вас не читал
Приключенья в последнем
«Еже»?
Ты еще не читал,
Он еще не читал, –
Ну а мы прочитали уже,

Интересный рассказ
Специально про вас
Напечатан в последнем
«Еже»,
Пионерский приказ
Специально для вас
Напечатан в последнем
«Еже».

Мы считаем, что «Еж»
Потому и хорош,
Что его интересно читать.
Все рассказы прочтешь,
И еще раз прочтешь,
А потом перечтешь их опять.

Как портной без иглы,
Как столяр без пилы,
Как румяный мясник без
ножа,
Как трубач без трубы,
Как избач без избы —
Вот таков пионер без «Ежа».

1929

10

ГА — РА — РАР!

Бегал Петька по дороге,
по дороге,
по панели,
бегал Петька
по панели
и кричал он:
— Га-ра-рар!
Я теперь уже не Петька,
разойдитесь,
разойдитесь!
Я теперь уже не Петька,
я теперь автомобиль.

А за Петькой бегал Васька
по дороге,
по панели,
бегал Васька
по панели
и кричал он:
— Ду-ду-ду!

Я теперь уже не Васька,
сторонитесь!
сторонитесь!
Я теперь уже не Васька,
я почтовый пароход.

А за Васькой бегал Мишка
по дороге,
по панели,
бегал Мишка
по панели
и кричал он:
— Жу-жу-жу!
Я теперь уже не Мишка,
берегитесь!
берегитесь!
Я теперь уже не Мишка,
Я советский самолёт.

Шла корова по дороге,
по дороге,
по панели,
шла корова
по панели
и мычала:
— Му-му-му!
Настоящая корова,
с настоящими
рогами,
шла навстречу по дороге,
всю дорогу заняла.

— Эй, корова,
ты, корова,
не ходи сюда, корова,
не ходи ты по дороге,
не ходи ты по пути.
— Берегитесь! — крикнул
Мишка,
— Сторонитесь! — крикнул
Васька,
— Разойдитесь! — крикнул
Петька
и корова отошла.

Добежали,
добежали
до скамейки
у ворот
пароход
с автомобилем
и советский
самолёт,
самолёт
с автомобилем
и почтовый
пароход.

Петька прыгнул на скамейку,
Васька прыгнул на скамейку,
Мишка прыгнул на скамейку,
на скамейку у ворот.
— Я приехал! — крикнул
Петька.
— Стал на якорь! — крикнул
Васька.

— Сел на землю! — крикнул
Мишка,
и уселись отдохнуть.

Посидели,
посидели
на скамейке
у ворот
самолёт
с автомобилем
и почтовый
пароход,
пароход
с автомобилем
и советский
самолёт.

— Кроем дальше! — крикнул
Петька.
— Поплывем! — ответил
Васька,
— Полетим! — воскликнул
Мишка,
и поехали опять.
И поехали, помчались
по дороге,
по панели,
только прыгали, скакали
и кричали:
— Жу-жу-жу!

Только прыгали, скакали
по дороге,
по панели,

только пятками сверкали
и кричали:
— Ду-ду-ду!
Только пятками сверкали
по дороге,
по панели,
только шапками кидали
и кричали:
— Га-ра-рар!

ВСЁ

Даниил Хармс
7—16 октября 1929

11
ВЕСЕЛЫЕ ЧИЖИ

Посвящается 6-му
Ленинградскому
детдому

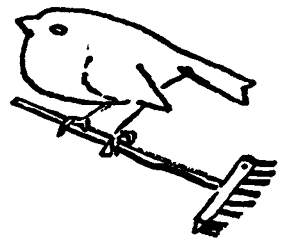
Жили в квартире
Сорок четыре,
Сорок четыре веселых чижа:
Чиж — судомойка,
Чиж — поломойка,

Чиж — огородник,
Чиж — водовоз,
Чиж за кухарку,
Чиж за хозяйку,
Чиж на посылках,
Чиж — трубочист.

Печку топили,
Кашу варили
Сорок четыре веселых чижа:
Чиж — с поварёшкой,
Чиж — с кочерёжкой,

Чиж — с коромыслом,
Чиж — с решетом,
Чиж накрывает,
Чиж созывает,

Чиж разливает,
Чиж раздает.

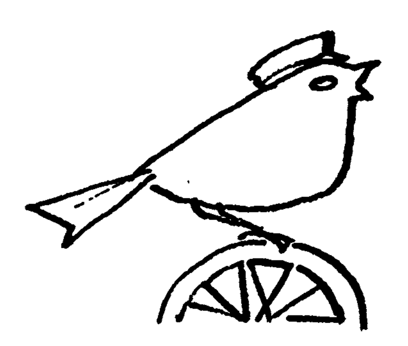
Кончив работу,
Шли на охоту,
Сорок четыре веселых чижа:
Чиж — на медведя,
Чиж — на лисицу,
Чиж — на тетерку,
Чиж — на ежа,
Чиж — на индюшку,
Чиж — на кукушку,
Чиж — на лягушку,
Чиж — на ужа.

После охоты
Брались за ноты
Сорок четыре веселых чижа.
Дружно играли:
Чиж — на рояли,
Чиж — на цимбале,
Чиж — на трубе,
Чиж — на тромбоне,
Чиж на гармони,

Чиж — на гребенке,
Чиж — на губе!

Ездили всем домом
К зябликам знакомым
Сорок четыре веселых чижа:
Чиж — на трамвае,
Чиж — на моторе,
Чиж — на телеге,
Чиж — на возу,
Чиж — в таратайке,
Чиж — на запятках,
Чиж — на оглобле,
Чиж — на дуге!

Спать захотели,
Стелют постели
Сорок четыре веселых чижа:
Чиж — на кровати,
Чиж — на диване,
Чиж — на корзине,
Чиж — на скамье,
Чиж — на коробке,
Чиж — на катушке,
Чиж — на бумажке,
Чиж — на полу.

Лежа в постели,
Дружно свистели
Сорок четыре веселых чижа:
Чиж: трити-тити,
Чиж: тирли-тирли,
Чиж: дили-дили,
Чиж: титити,
Чиж: тики-тики,
Чиж: тики-рики,
Чиж: тюти-люти,
Чиж: тю-тю-тю!

1930

12
МИЛЛИОН

Шёл по улице отряд,
Сорок мальчиков подряд:
раз, два,
три, четыре,
и четырежды четыре,
и четыре на четыре,
и еще потом четыре.

В переулке шёл отряд:
Сорок девочек подряд.
Раз, два,
три, четыре
и четырежды четыре,
и четыре на четыре,
и еще потом четыре.

Да как встретилися вдруг
стало восемьдесят вдруг!
Раз, два,
три, четыре,
и четыре
на четыре,
на четырнадцать
четыре,
и еще потом четыре.

А на площадь повернули,
а на площади стоит
не компания,
не рота,

не толпа,
не батальон,
и не сорок,
и не сотня,
а почти что миллион!

Раз, два, три, четыре,
и четырежды
четыре
сто четыре
на четыре,
полтораста
на четыре,
двести тысяч
на четыре,
и еще потом четыре!

ВСЁ.

Даниил Хармс
29 июня 1930 года

13
ВРУН

Вы знаете?
Вы знаете?
Вы знаете?
Вы знаете?

Ну, конечно, знаете!
Ясно, что вы знаете!

Несомненно,
Несомненно,

Несомненно знаете!

Нет! нет! нет! нет!
Мы не знаем ничего,
Не слыхали ничего,
Не слыхали, не видали
И не знаем
Ничего!

А вы знаете, что у?
А вы знаете, что па?
А вы знаете, что пы?
Что у папы моего
Было сорок сыновей.
Было сорок здоровенных
И не двадцать
И не тридцать,
Ровно сорок сыновей!
Ну! ну! ну! ну!
Врешь! врешь! врешь!
врешь!
Еще двадцать,
Еще тридцать,
Ну еще туда-сюда,
А уж сорок,
Ровно сорок —
Это просто ерунда!

А вы знаете, что со?
А вы знаете, что ба?
А вы знаете, что ки?
Что собаки-пустолайки
Научилися летать?
Научились, точно птицы,

(Не как звери,
Не как рыбы)
Точно ястребы летать!
Ну! Ну! Ну! Ну!
Врешь! Врешь! Врешь!
Врешь!
Ну, как звери,
Ну, как рыбы,
Ну еще туда-сюда,
А как ястребы,
Как птицы,
Это просто ерунда!

А вы знаете, что на?
А вы знаете, что не?
А вы знаете, что бе?
Что на небе
Вместо солнца
Скоро будет колесо?
Скоро будет золотое,
(Не тарелка,
Не лепешка),
А большое колесо!
Ну! Ну! Ну! Ну!
Врешь! Врешь! Врешь!
Врешь!
Ну, тарелка,
Ну, лепешка,
Ну, еще туда-сюда,
А уж если колесо —
Это просто ерунда!

А вы знаете, что под?
А вы знаете, что мо?

А вы знаете, что рем?
Что под морем-океаном
Часовой стоит с ружьем?
Часовой стоит под морем
(Не с дубиной,
Не с метелкой),
А с заряженным ружьем!
Ну! Ну! Ну! Ну!
Врешь! Врешь! Врешь!
Врешь!
Ну, с дубиной,
Ну, с метелкой,
Ну, еще туда-сюда,
А с заряженным ружьем —
Это просто ерунда!

А вы знаете, что до?
А вы знаете, что но?
А вы знаете, что са?
Что до носа
Ни руками,
Ни ногами
Не достать,
Что до носа
Ни руками,
Ни ногами
Не доехать,
Не допрыгать,
Что до носа
Не достать!
Ну! Ну! Ну! Ну!
Врешь! Врешь! Врешь!
Врешь!

Ну, доехать,
Ну, допрыгать,
Ну, еще туда-сюда,
А достать его руками —
Это —
Просто
Ерунда!

Даниил Хармс
1930

14
НОЧЬ

Дремлет сокол. Дремлют
пташки.
Дремлют козы и барашки,
А в траве в различных позах
Спят различные букашки.

Дремлет мостик над водой,
Дремлет кустик молодой.
Пятаков Борис Петрович
Дремлет кверху бородой.

<1931>

15

Буря мчится. Снег летит.
Ветер воет и свистит.
Буря страшная ревет,
Буря крышу с дома рвет.

Крыша гнется и грохочет.
Буря плачет и хохочет.
Злится буря, точно зверь,
Лезет в окна, лезет в дверь.

<1931>

16
МИША ГРИШУ ВЫЗЫВАЕТ

На соревнование
Миша Гришу
вызывает.
Вот тебе задание:
кто скорей узнает,
как бить
молотком,
как рубанком
стругать,
научиться без запинки
книги разные читать.
И тебя я вызываю,
вызываю, мой отец,
будь ударником в колхозе
в самом деле, наконец.

Д.Х.
1931

17
ВЛАС И МИШКА

В колхозе у нас
Есть колхозник Влас
И лодырь Мишка –
У каждого трудкнижка.
А посмотрим их трудкнижки
А посмотрим их делишки:
Влас и сеял и пахал,
Мишка только отдыхал.
Власу осенью награда,
Мишке – кукиш.
Так и надо!

Как колхозники будут делить
урожай?

Д.Хармс
1931

18
СДАЙ В СРОК

Хлеб сдай,
лён сдай,
хлопок сдай
в срок!
Знай, знай, знай, –
это будет впрок.
Нам заводы помогают
нам заводы высылают
ситец, косы и косилки,
трактора и молотилки,

обувь крепкую из кожи.
Ты заводу вышли тоже,
только быстро,
только дружно,
ровно к сроку
все, что нужно.

Д.Х.
1931

19
ЧТО МЫ ЗАГОТОВЛЯЕМ НА ЗИМУ

Мы работаем летом
в колхозах,
Разделившись на бригады.
В поле, в лесу, в огороде
и в саду между яблонь
и кустов смородины
мы бегаем
с лопатами, граблями,
лейками
в одних только синих
трусиках.
И солнце печет наши спины,
руки и шеи.

Теперь мы будем к зиме
делать запасы
и сдавать
в Плодовощсоюз.
Пусть оттуда

запасы пойдут
по рабочим
и детским
столовым.

Из малины и клубники
мы сварили варенье.
Чернику засушим
и будем зимой
черничные есть кисели.
Крыжовник и вишни
мы в банку положим,
пробку зальем сургучом,
чтоб туда не попали
микробы
и плесень.

Ягоды свежие будут лежать.
Мы банку откупорим
в марте.
Теперь давайте сушить
грибы,
нанизывать на нитку
их шапочки.
То-то будет зимой
грибная похлебка.
В этом боченке у нас
будут соленые грузди.
А в этом — соленые рыжики.
Эх, не забудьте, ребята,
к зиме насолить огурцов.

Вот перед вами боченок
светлозеленых огурчиков.

Залейте их крепким
рассолом
и листик дубовый
киньте туда.
К зиме огурцы потемнеют,
важными станут и толстыми.
Смотри,
когда будешь их кушать,
держи огурец над тарелкой,
чтоб не закапать штаны
огуречным рассолом.

А курам —
суши тараканов;
лови их летом
на печке.
Зимой будут куры клевать
их с большим
аппетитом.

А если,
купаясь летом в реке,
ты найдешь на берегу
простую зеленую глину,
то запаси этой глины
побольше.
Будешь зимой
лепить из нее человечков.
И, может быть,
вылепишь ты
себя самого,
пионера на летней работе.
Да так хорошо

и так умело,
что тебя отольют из чугуна
или из бронзы
и поставят в музее
на первое место.

А люди скажут:
«Смотрите —
Это новый, советский
художник».

Даниил Хармс
1931

20
ЛЫЖНАЯ ПРОГУЛКА В ЛЕС

Когда на улице мороз,
а в комнате пылает печь,
Когда на улице так больно щиплет
нос
и снег спешит на шапку лечь.
И под ногами снег хрустит
и падает за воротник
и белый снег в лицо летит
и человек весь белый в миг.
Тогда мы все бежим бегом
на зимнюю площадку, —
Кто свитр подпоясывает кушаком,
кто второпях натягивает тёплую
перчатку.
Вожатый дышет на морозе паром
и раздаёт нам лыжи.

Мы надеваем лыжи и становимся
по парам.
Вперёд становится кто ростом
ниже,
а сзади тот, кто ростом выше.
И вот:
Вожатый сам на лыжи влез,
он поднял руку, крикнул: «в ход!»
и мы бежим на лыжах в лес.
Бежим на лыжах с снежных гор.
мы по полю бежим

с холмов бежим во весь опор
хохочем и визжим.
И снег летит нам прямо в рот
И Петька, самый младший пионер,
кидается снежком.
Кричит вожатый: «Поворот!»
Но круто поворачиваться мы
на лыжах не умеем и
поворачиваемся пешком.

Вот мы в лесу, в лесу сосновом
Бежим на лыжах мы гуськом. И снег
визжит,
Вот пень с дуплом — уютное
жилище совам,
Вот дерево поваленное ветром
поперёк пути лежит
Вот белка пролетела в воздухе
над нами
Вот галка села на сосну и с ветки
снег упал,
«Глядите заяц!» крикнул Петька
замахав руками
И верно заяц проскакал.

Мы бегаем в лесу, кричим ау,
хватаем снег в охапку,
Мы бегаем в лесу поодиночке
и гуськом и в ряд.
Мелькают между сосен наши шапки
И щёки наши разгорелись и горят.
И мы несёмся там и тут
И силы наши всё растут.

Мы сквозь кусты и чащи лупим.
Мы комсомольцам не уступим!

Даниил Хармс
4 декабря 1931 года

21

Мы забрались в траву и оттуда
кричим:
Астроном! Астроном! Астроном!
Он стоит на крыльце с телескопом
в руках,
С телескопом в руках на крыльце.
И глядит с удивленьем вперёд
и назад,
И глядит с удивленьем вперёд
и назад,
И глядит с удивленьем вперёд.

Мы кричим: посмотри! Мы кричим:
посмотри!
Посмотри, астроном, в телескоп!
Он обводит глазами таинственный
сад,
Телескоп за подставку берет
И глядит с удивленьем вперёд
и назад
И глядит с удивленьем вперёд
и назад
И глядит с удивленьем вперёд.

<Середина 1930-х>

22
КРЫСАКОВ И ДВЕ СОБАЧКИ

<1>

Любитель маленьких щенков
Иван Иваныч Крысаков.

Он каждый вечер ровно
в пять
Идет на улицу гулять.

— Погасла трубка. Не беда.
Ее зажжем мы без труда.

В кармане книжка и пакет,
И только спичек нет как нет.

— Иван Иваныч, погляди —
Табак и спички позади.

— Друзья мои, я очень рад,
Вот вам в награду
мармелад.

Иван Иваныч Крысаков
Берет за пазуху щенков,
Приносит их к себе домой
И ставит на пол пред собой.

— Отныне, милые друзья,
Вы заживете у меня.

— Но, чур, не прыгать, не
скакать,
Когда я буду рисовать.

Иван Иваныч вдруг зевнул,
В кровать зарылся и заснул,

И двое маленьких щенят
В ногах хозяина храпят.

<2>

Иван Иваныч Крысаков
Проснулся весел и здоров.

Мольберт подвинул, и чуть
свет
Рисует тетушкин портрет,

А два приятеля в углу
Кончают завтрак на полу.

Но из-за кости мозговой
Вдруг начинают страшный
бой.

Уже вцепился в Бома Бим,
Как вихрь он бросился
за ним.

И от него несчастный Бом
Визжа спасается бегом.

— Держи его!
Прыжок, другой...
— Иван Иваныч, что с тобой?

— Куда девался твой
портрет?
Увы, на шею он надет.

И горько плачут две собаки:
Вот до чего доводят драки.

1935

23
НОВЫЙ ГОРОД

Скажи, товарищ,
Неужели
Четыре года не пройдут,
Как этот лес
И холм зеленый,
И это поле —
Вдруг исчезнут?
Скажи, товарищ,
Неужели
Когда-нибудь
На холм зелёный
Взойдёт разведчик молодой
С мохнатой сумрачной
собакой,
И люди шумною толпой
Зелёный холм
Возьмут атакой?

Раскинут лагерь.
Смех и говор.
Горит костер.
И ловкий повар
Уже в котле мешает ложкой,
Уже протоптанной дорожкой
Бежит с ведром к реке
посланец,
Уже раскрыт походный
ранец,
И вынут плед оттуда прочь, —
Должно быть, скоро будет
ночь...

Смотри! Прошло четыре
года,
Зажёгся новый день, и вот:
Преображенная природа
Над миром заново встаёт.
Бежит с холма трамвай
шумливый,
Сады раскинуты кругом,
И над толпою торопливой
Советский флаг шумит
крылом.

Машины пилят, рубят, роют,
Одни поют, другие воют,
Трамбуют, режут, пашут,
сеют,
Стоят, ползут, летают, реют.
И там, где раньше в лес
дремучий

50

Вела звериная тропа,
Бросая в небо дыма тучи,
Стоит высокая труба.
А рядом дом,
За ним другой.
Железный мост,
Вися дугой
Через овраг, —
Огнями блещет.
А там,
В овраге,
Бурно плещет
И зло бурлит
Поток подземный,
Ревёт
И пеной воду мутит,
И точно вихрь
Турбину крутит!

Скажи, товарищ,
Неужели
Здесь был когда-то лес
дремучий,
И поле, с ветрами играя,
Травой некошеной шуршало;
И среди поля холм зеленый
Стоял, как поля страж
зеленый,
Скучал, томился и не ведал
Великой участи своей?

Даниил Хармс
1935

24

Жил-был музыкант Амадей
Фарадон,
Амадей Николай Фарадон.
Когда он на флейте играл
тю-лю-лю,
лягушки плясали
турлим
тю-лю-лю,
турлим
тю-лю-лю,
турлим!
Когда он играл на трубе
ту-ру-ру,
собаки плясали
фарлай
ту-ру-ру,
фарлай
ту-ру-ру,
фарлай!
Когда он на цитре играл
динь ди ринь,
цыплята плясали
тундрун
динь ди ринь,
тундрун
динь ди ринь,
тундрун!
Когда Николай Амадей
Фарадон
играл на литаврах
дун дун

  дири дон,
коровы плясали
  дун дун
  дири дон,
  дун дун
  дири дон,
  дун дун.

<Ноябрь 1935>

25
ЧТО ЭТО ЗНАЧИТ?

У трамвайной остановки
Я задумчиво стоял.
У трамвайной остановки
Я трамвая поджидал.

Вдруг смотрю,
Смотрю — и вижу:
Храбрый Шульц бежит рыча,
А за ним
Все ближе, ближе
Мчится Якли хохоча.

Скачет Марли,
Скачет Ергли
В полосатом колпаке,
Скачет Михель,
Ганс
И Вейтли
С толстой палкою в руке.

Боб, соломинка и уголь
Мчатся быстро впопыхах.
Серый волк бежит угрюмо
С Красной Шапочкой
в зубах.

А за ним
Быстрее лани
В шляпе с лентой и пером,
В темно-бархатном кафтане
Гулливер бежит бегом.

А за ним
Руками машут
И бегут,
Смотрите, —
Вон,
Ваня Мохов
С Умной Машей,
А за Машей
Скачет слон.

А за ними
По дороге
Мчится с криками народ.
Я стою, расставив ноги,
Широко разинув рот.

Это что, скажите, значит?
Объясните,
Отчего
Все бегут, летят и скачут —
Почему
И для чего?

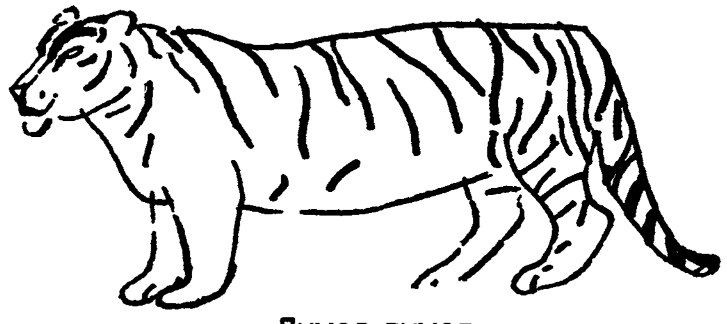
— Все бегут, летят и скачут,—
Отвечает мне народ, —
Потому что
Это значит:
Наступает Новый год.
Потому что
Это значит —
Новый год уже настал:
Значит, все бегут и скачут
Подписаться на журнал.

Тут и я калоши скинул,
От волненья задрожал,
Шапку на уши надвинул
И за ними побежал.

1935

26
ТИГР НА УЛИЦЕ

Я долго думал откуда
на улице взялся тигр.

Думал-думал,
Думал-думал,

Думал-думал,
Думал-думал,
В это время ветер дунул,
И я забыл, о чем я думал.

Так я и не знаю, откуда
на улице взялся тигр.

Карл Иванович Шустерлинг
1936

27
МЫ СПЕШИМ СЕГОДНЯ В ШКОЛУ

На стене часы у нас
Прозвонили восемь раз.
В это время я проснулся
И глаза открыл как раз.
Я проснулся —
И тотчас же
В брюки сунул две ноги.
Потянулся —
И тотчас же
Прыгнул прямо в сапоги!
А потом схватил рубашку,
Сунул руки в рукава,
Сунул голову в рубашку,
Но застряла голова.
Наконец, надев рубашку,
Я на улицу бегу,
А тужурку и фуражку
Надеваю на ходу.

Я фуражку
И тужурку
Надеваю
На ходу,
Потому что
День
Сегодня
Самый
Лучший
День
В году.
Потому что
День сегодня
Самый лучший день в году,
Потому что
Я сегодня
В школу
В первый раз бегу.
Я войду сегодня в школу,
Прямо в школу
В первый раз!
Я войду —
Часы ударят
В колокольчик девять раз.
Эй вы, люди, расступитесь!
Пропустите, люди, нас!
Мы бежим сегодня в школу,
Прямо в школу —
В первый класс!

Даниил Хармс
1936

28
ИЗ ДОМА ВЫШЕЛ ЧЕЛОВЕК
Песенка

Из дома вышел человек
С дубинкой и мешком,
  И в дальний путь,
  И в дальний путь
Отправился пешком.

Он шел все прямо и вперед
И все вперед глядел.
  Ни спал, ни пил,
  Ни пил, ни спал,
Ни спал, ни пил, ни ел.

И вот однажды на заре
Вошел он в темный лес
  И с той поры,
  И с той поры,
И с той поры исчез.

Но если как-нибудь его
Случится встретить вам,
  Тогда скорей,
  Тогда скорей,
Скорей скажите нам.

Д.Хармс
1937

29
КОШКИ

Однажды по дорожке
Я шел к себе домой;
Смотрю и вижу: кошки
Сидят ко мне спиной.

Я крикнул: «Эй, вы, кошки!
Пойдемте-ка со мной,
Пойдемте по дорожке,
Пойдемте-ка домой.

Скорей пойдемте, кошки,
А я вам на обед
Из лука и картошки
Устрою винегрет».

— Ах, нет! — сказали кошки. —
Останемся мы тут! —
Уселись на дорожке
И дальше не идут.

Д.Хармс
1937

30

Это резвый конь ребенок,
И не конь еще пока,
Это только жеребенок
  35-го полка,
  35-го полка.

Год пройдет обыкновенный,
И сквозь пыли облака
Вдруг поскачет конь
военный,
Рыжий конь в сбруе
ременной
35-го полка,
35-го полка.

Даниил Хармс
1938

31
«ОЧЕНЬ СТРАШНАЯ ИСТОРИЯ»

Доедая с маслом булку,
Братья шли по переулку.
Вдруг на них из закоулка
Пес большой залаял гулко.

Сказал младший: «Вот
напасть,
Хочет он на нас напасть.
Чтоб в беду нам не попасть,
Псу мы бросим булку
в пасть».

Все окончилось прекрасно.
Братьям сразу стало ясно,
Что на каждую прогулку
Надо брать с собою... булку.

1938

32
ИГРА

Пуговка, веревочка,
Палочка-выручалочка!

Пряткой будет Женька!
Прячься хорошенько!

Где мы все и сколько нас,
Долго нам рассказывать.

Только очень просим вас
Женьке не подсказывать.

Хармс
1938

33
СЧИТАЛКА

Динь, день,
Дили-день!
То ли ночь,
А то ли день?
Что за чудо —
  Чудеса?
Скрыла туча
  Небеса!

Динь, дон,
Дили-дон!
Отвечает
Спиридон:

Это по небу
Плывет
Наш родной
Аэрофлот!

Д.Хармс
1938

34
Я САМЫЙ ХРАБРЫЙ

Я сказал, поднявши лапу:
Ну-ка, прыгнем через папу.

В это время папа сел –
Я и прыгнуть не поспел.

Я немного разбежался,
В это время папа встал.

Тут я прыгнуть отказался,
Потому что я устал.

Д.Хармс
1938

35
УДИВИТЕЛЬНАЯ КОШКА

Несчастная кошка порезала
лапу,
Сидит и ни шагу не может
ступить.

Скорей, чтобы вылечить
кошкину лапу,
Воздушные шарики надо
купить!

И сразу столпился народ
на дороге,
Шумит, и кричит, и на кошку
глядит.

А кошка отчасти идет
по дороге,
Отчасти по воздуху плавно
летит!

Д.Хармс
1938

36
В ГОСТЯХ
Придумай сказку

Мышь меня на чашку чая
Пригласила в новый дом.

Долго в дом войти не мог я,
Все же влез в него с трудом.

А теперь вы мне скажите:
Почему и отчего

Нет ни дома, и ни чая,
Нет буквально ничего!

Даниил Хармс
1938

37
ПЕСЕНКА ПРО ПОГРАНИЧНИКА

Пусть метель
  И пурга
Мы не пустим
  Врага!
На границах у нас
  Все отличники.
Ни в метель,
  Ни в пургу
Не пробраться
  Врагу!
День и ночь на-чеку
  Пограничники!

Пограничник
  Стоит,
Нашу землю
  Хранит.
Он стоит притаясь,
  Не шевелится.
Встретить пулей
  Готов
Пограничник
  Врагов,
А кругом и пурга,
  И метелица!

Кто-то там
  Вдалеке,
По замерзшей
  Реке

Потихоньку бежит,
  Озирается.
Это, видно,
  Шпион.
В нашу родину
  Он
Сквозь метель и пургу
  Пробирается.

Пусть метель
  И пурга,
Мы не пустим
  Врага!
На границах у нас
  Все отличники.
Ни в метель,
  Ни в пургу
Не пробраться
  Врагу!
День и ночь на-чеку
  Пограничники!

День и ночь на-чеку
  Пограничники!

Даниил Хармс
1938

38
ПЕРВОМАЙСКАЯ ПЕСНЯ

Да, сегодня раньше всех,
Раньше всех,
Да, сегодня раньше всех
Встанем я и ты —
Для того, чтоб нам попасть,
Нам попасть,
Для того, чтоб нам попасть
В первые ряды.

Мы к трибуне подойдем,
Подойдем,
Мы к трибуне подойдем
С самого утра,
Чтобы крикнуть раньше всех,
Раньше всех,
Чтобы крикнуть раньше всех
Сталину «ура».

Чтобы крикнуть всей земле,
Всей земле,
Чтобы крикнуть всей земле
Много-много раз:
Нет врага на всей земле,
Всей земле,
Нет врага на всей земле
Страшного для нас.

Потому что, если враг,
Если враг,

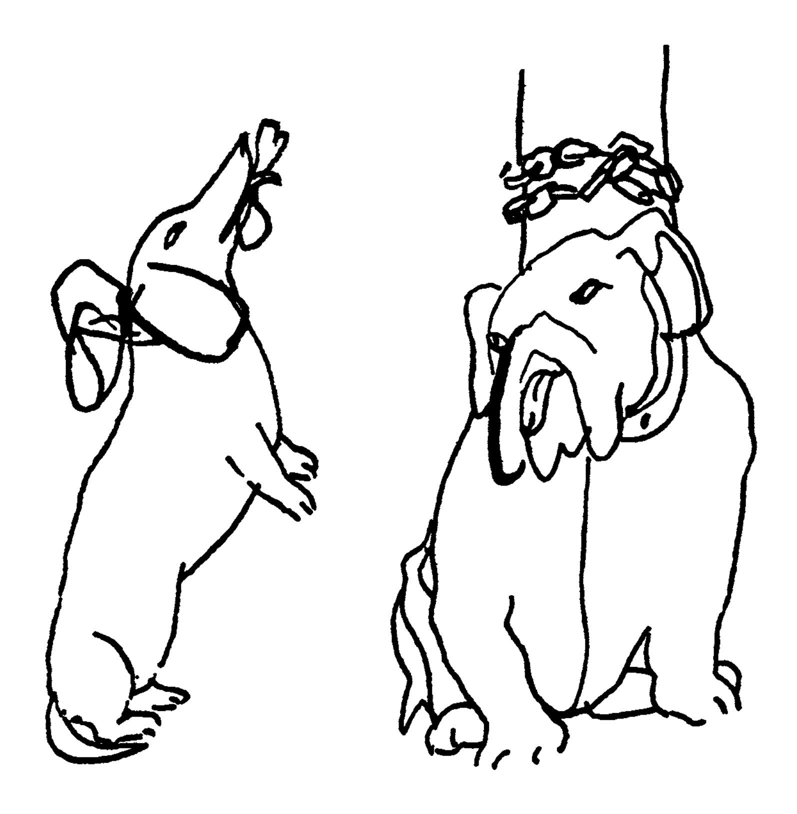
Потому что, если враг
Вдруг и нападет, —
Ворошилов на коне,
На коне,
Ворошилов на коне
В бой нас поведет.

Да, сегодня раньше всех,
Раньше всех,
Да, сегодня раньше всех
Встанем я и ты —
Для того, чтоб нам попасть,
Нам попасть,
Для того, чтоб нам попасть
В первые ряды.

Даниил Хармс
1939

39
БУЛЬДОГ И ТАКСИК

Над косточкой сидит
бульдог,
Привязанный к столбу.
Подходит таксик маленький,
С морщинками на лбу.
«Послушайте, бульдог,
бульдог! —
Сказал незваный гость. —
Позвольте мне, бульдог,
бульдог,
Докушать эту кость».

Рычит бульдог на таксика:
«Не дам вам ничего!» —
Бежит бульдог за таксиком,
А таксик от него.

Бегут они вокруг столба.
Как лев, бульдог рычит.
И цепь стучит вокруг столба,
Вокруг столба стучит.

Теперь бульдогу косточку
Не взять уже никак.

А таксик, взявши косточку,
Сказал бульдогу так:
«Пора мне на свидание,
Уж восемь без пяти.
Как поздно! До свидания!
Сидите на цепи!»

Д.Хармс
1939

40
ЖУРАВЛИ И КОРАБЛИ

Я на камне сижу
И на море гляжу,
А по морю плывут корабли.
Я на травке лежу
И на небо гляжу,
А по небу летят журавли.

И кричат журавли:
— Вон плывут корабли,
Поднимаются мачтами
к нам.
Ты взойди на корабль
И за нами плыви,
И за нами плыви
по волнам. —

Я кричу кораблям,
Я кричу журавлям.
— Нет, спасибо! — я громко
кричу. —

Вы плывите себе!
И летите себе!
Только я никуда не хочу. —

Мне кричат журавли:
— Так оставь корабли!
Мы на крыльях тебя
понесем.
Все покажем тебе
И расскажем тебе,
И расскажем тебе
обо всем. —

— Нет, спасибо! — кричу. —
Уж я не полечу.
Лучше вы возвращайтесь
ко мне.
Я отсюда
Совсем
Никуда
Не хочу!
Я останусь в Советской
Стране!

Д.Хармс
1939

41
ВЕСЕЛЫЙ СКРИПАЧ

Проходит Володя
И тихо хохочет.

Володя проходит
И грабли волочит.

Потом достает
Из кармана калач,

И две собачонки
Проносятся вскачь.

И пристально смотрит
Скрипач на песок,
И к скрипке привычно
Склоняет висок.

И думают люди:
«Вот это игра!
Мы слушать готовы
Всю ночь до утра!»

Даниил Хармс
1939

42

На этой странице
Странные птицы
Странно летают!
А тут:

Странные люди
Стоят очень странно,
И странные пальмы растут.

И странное солнце
Блестит над страною
И странная светит луна
Но мы улыбнемся
И скажем с тобою:
Бумажная это страна.

<1930-е>

43

Жил на свете
Мальчик Петя,
Мальчик Петя
  Пинчиков
И сказал он:
Тётя тётя,
Дайте тётя
  Блинчиков

Но сказала тётя Пете:
Петя Петя Пинчиков!
Не люблю я когда дети
Очень клянчут блинчиков.

<1930-е>

44
ДВОРНИК — ДЕД МОРОЗ

В шубе, в шапке,
в душегрейке
Дворник трубочку курил,
И, усевшись на скамейке,
Дворник снегу говорил:

«Ты летаешь или таешь?
Ничего тут не поймешь!
Подметаешь, разметаешь,
Только бестолку метёшь!
Да к чему ж я говорю?
Сяду я да покурю».

Дворник трубку курит,
курит...
И глаза от снега щурит,
И вздыхает, и зевает,
И внезапно засыпает.

«Глянь-ка, Маня! — крикнул
Ваня. —
Видишь, чучело сидит
И глазами-угольками
На метлу свою глядит.

Это вроде снежной бабки
Или просто дед Мороз.
Ну-ка, дай ему по шапке,
Да схвати его за нос!»

А оно как зарычит!
Как ногами застучит!
Да как вскочит со скамейки,
Да по-русски закричит:

«Будет вам ужо мороз —
Как хватать меня за нос!»

Даниил Хармс
1940

45
ЧТО ЭТО БЫЛО?

Я шел зимою вдоль болота
В галошах,
В шляпе
И в очках.
Вдруг по реке пронесся
кто-то
На металлических
Крючках.

Я побежал скорее к речке,
А он бегом пустился в лес,
К ногам приделал две
дощечки,
Присел,
Подпрыгнул
И исчез.

И долго я стоял у речки
И долго думал, сняв очки:

«Какие странные
Дощечки
И непонятные
Крючки!»

Даниил Хармс
1940

46

Искала старушка букашек
в цветах
И ловко ловила букашек
сачком.
Но крепко держала старушка
в руках
Лекарство и ключик, и палку
с крючком.

Однажды старушка копалась
в цветах
И вскрикнула вдруг,
завертевшись волчком:
— Исчезли! Пропали!
Да где ж они? Ах!
Лекарство, и ключик,
и палка с крючком!

И с места не может
старушка сойти,
Кричит: «Помогите!»
И машет сачком.
Скорей помогите старушке
найти

Лекарство, и ключик,
и палку с крючком!

1940

47
КОРАБЛИК

По реке плывет кораблик,
Он плывет издалека.
На кораблике четыре
Очень храбрых моряка.

У них ушки на макушке,
У них длинные хвосты.
И страшны им только кошки,
Только кошки да коты!

Даниил Хармс
1940

48
ВЕСЕЛЫЙ СТАРИЧОК

Жил на свете старичок
Маленького роста
И смеялся старичок
Чрезвычайно просто:
«Ха-ха-ха
Да хе-хе-хе,
Хи-хи-хи
Да бух-бух!
Бу-бу-бу
Да бе-бе-бе,

Динь-динь-динь
Да трюх-трюх!»
Раз, увидя паука,
Страшно испугался,
Но, схватившись за бока,
Громко рассмеялся:
«Хи-хи-хи
Да ха-ха-ха,
Хо-хо-хо
Да гуль-гуль!
Ги-ги-ги
Да га-га-га,
Го-го-го
Да буль-буль!»
А увидя стрекозу,
Страшно рассердился,
Но от смеха на траву
Так и повалился.
«Гы-гы-гы
Да гу-гу-гу,
Го-го-го
Да бах-бах!
Ой, ребята,
Не могу!
Ой, ребята,
Ах, ах!»

Даниил Хармс
1940

49
СТРАННЫЙ БОРОДАЧ

Бал веселый!
Бал парадный!
Шумный,
Пестрый,
Маскарадный!
Вход для школьников
открыт,
Для дошкольников —
Закрыт.

Вот смотри:
Стоят у входа
Коля с Петей.
Но смотри:
Одному четыре года,
А другому только три.

Говорят они: — Пустите! —
Но швейцар им: — Нет,
друзья,
Вы сначала подрастите,
А таких пустить нельзя. —

Коля с Петей прочь
отходят...
Вдруг к швейцару с булавой
Гражданин один подходит
С очень длинной бородой.

— Я на бал иду. Пустите.
Где тут вход? Я не пойму.

— Гражданин, сюда
пройдите, —
Говорит швейцар ему.

Бал гремит, шумит,
грохочет,
Все кругом несется вскачь,
Только громче всех топочет
Очень странный бородач.

Все танцующие люди
Собрались вокруг него.
Вот несут к нему на блюде
Ледяное эскимо.

Стихла музыка.
И вдруг
Закричали все вокруг:
— Эй, глядите-ка! Глядите!
У него две пары рук! —

Понемногу,
Постепенно
Всем понятно стало всё,
Что ведь это,
Несомненно,
Коля с Петей.

Вот и всё.

Д.Хармс
1940

50

ЛИСА И ЗАЯЦ

Жили-были два друга: зайчик Серый Хвостик и лисица Рыжий Хвостик.

Построили они себе домики и стали друг к другу в гости ходить.

Чуть только лисица к зайчику не идет, зайчик бежит к лисице и кричит:

«Рыжий Хвостик! Что с тобой?»

А если зайчик к лисице не идет, лисица к зайчику бежит и кричит:

«Серый Хвостик! Что с тобой?»

Как-то зайчик Серый Хвостик
Прибежал к лисице в гости.
    «Отвори-ка!» Тук! Тук! Тук!
    Вдруг он слышит: «Что за стук?
Видишь: поздно, скоро ночь.
Уходи-ка лучше прочь!»
    Зайчик думает: «Постой,
    Я ведь тоже не простой!»
Вот лисица Рыжий Хвостик
Прибегает к зайцу в гости.
    «Отвори-ка!» Тук! Тук! Тук!
    Отвечает зайчик вдруг:
«Нет, голубушка, шалишь,
Слишком рано ты стучишь!»
    И с тех пор два лучших друга
    Вечно злятся друг на друга.

Даниил Хармс
1940

51

ЛИСА И ПЕТУХ

Лиса поймала петуха
И посадила в клетку.
— Я откормлю вас,
Ха-ха-ха!
И съем вас
Как конфетку.

Ушла лисица,
Но в замок
Забыла сунуть ветку.
Петух
Скорей
Из клетки
Скок!
И спрятался
За клетку.
Не видя в клетке петуха,
Лисица влезла в клетку.
Петух же крикнул:
— Ха-ха-ха!
И запер дверь на ветку.

1941

52

ЦИРК ПРИНТИНПРАМ

невероятное представление
новая программа

Сто коров,
Двести бобров,
Четыреста двадцать

Учёных комаров
Покажут сорок
Удивительных
Номеров.

Четыре тысячи петухов
И четыре тысячи индюков
  Разом
  Выскочат
Из четырех сундуков.

Две свиньи
Спляшут польку.
Клоун Петька
Ударит клоуна Кольку.
Клоун Колька
Ударит клоуна Петьку.
Учёный попугай
Съест мочёную
  Редьку.

Четыре тигра
Подерутся с четырьмя львами.
  Выйдет Иван Кузьмич
  С пятью головами.
  Силач Хохлов
Поднимет зубами слона.
  Потухнут лампы
  Вспыхнет луна.

Загорятся под куполом
Электрические звёзды.
Учёные ласточки
Совьют золотые гнёзда.

Грянет музыка,
И цирк закачается...
На этом, друзья,
Представление
наше
КОНЧАЕТСЯ.

Даниил Хармс
1941

53
КТО КОГО ПЕРЕХИТРИЛ?

Вот сидят четыре зайца,
Я капкан поставлю тут,
И в капкан четыре зайца
Моментально попадут.

Ой! Ой! Ой! Ой!
Сам в капкан попал ногой!
— Зайцы, зайцы,
Поглядите!
Подойдите!
Помогите!

Надо мной смеются зайцы:
— Хи-хи-хи
Да ха-ха-ха!
Ты совсем теперь не
страшен,
Не страшнее, чем блоха! —

Тут я разом как вскочу!
Как их за уши схвачу!
И с восторгом
Очень громко
Во весь голос закричу:
— Вот вам, зайцы, и блоха!
Не уйдете! Ха-ха-ха!

Даниил Хармс
1941

54

Еду-еду на коне —
Просто восхитительно!

Вон козел бежит ко мне
Очень уж стремительно!

Вдруг верхом я на козле —
Это удивительно!

Д.Хармс
1941

55
НЕОЖИДАННЫЙ УЛОВ

Сын сказал отцу: — Отец,
Что же это наконец?
Шесть часов мы удим, удим,
Не поймали ничего.
Лучше так сидеть не будем
Неизвестно для чего.

— Замолчишь ты наконец! —
Крикнул с яростью отец.
От вскочил, взглянул на небо...
Сердце так и ухнуло!
И мгновенно что-то с неба
В воду с криком бухнуло.

Сын, при помощи отца,
Тащит на берег пловца,
А за ним на берег рыбы
Так и лезут без конца!
Сын доволен. Рад отец.
Вот и повести конец.

Даниил Хармс
1941

56

Девять
Картин
Нарисовано
Тут.
Мы разглядели их
В девять
Минут.
Но если б
Их было
Не девять,
А больше,
То мы
И глазели
На них бы
Подольше.

1941

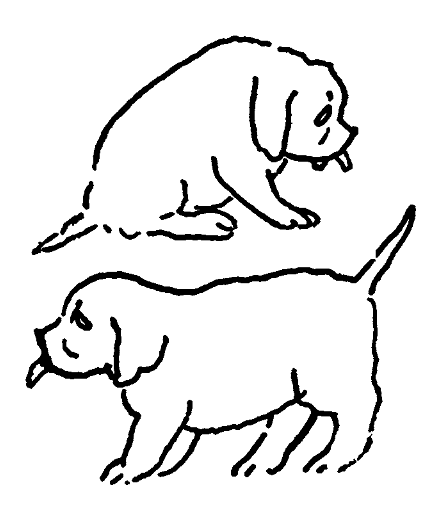
85

Д. ХАРМС
ТОМ 3

ПЕРЕВОДЫ

57
В. Буш
ПЛИХ И ПЛЮХ

Глава первая

Каспар Шлих, куря табак,
Нес под мышкой двух собак.

«Ну! — воскликнул Каспар
Шлих, —
Прямо в речку брошу их!»

Хоп! взлетел щенок дугой,
Плих! и скрылся под водой.

Хоп! взлетел за ним другой,
Плюх! и тоже под водой.

Шлих ушел, куря табак;
Шлиха нет, и нет собак.

Вдруг из леса, точно ветер,
Вылетают Пауль и Петер,
И тотчас же с головой
Исчезают под водой.
Не прошло и двух минут,
Оба к берегу плывут,
Вылезают из реки,
А в руках у них щенки.

Петер крикнул: «Это мой!»
Пауль крикнул: «Это мой!»
«Ты будь Плихом!»
«Ты будь Плюхом!»
«А теперь бежим домой!»
Петер, Пауль, Плих и Плюх
Мчатся к дому во весь дух.

Глава вторая

Папа Фиттих рядом с мамой,
Мама Фиттих рядом с папой,
На скамеечке сидят,
Вдаль задумчиво глядят.

Вдруг мальчишки прибежали
И со смехом закричали:
«Познакомьтесь: Плюх
и Плих!
Мы спасли от смерти их!»

«Это что ещё за штуки?» —
Грозно крикнул папа Фиттих.

Мама взяв его за руки,
Говорит: «Не надо бить их!»
И к столу детей ведёт.
Плих и Плюх бегут вперёд.

Что такое?
Что такое?
Где похлёбка?
Где жаркое?

Две собаки Плюх и Плих
Съели всё за четверых.

Каспар Шлих, куря табак,
Увидал своих собак.

«Ну! — воскликнул Каспар
Шлих, —
Я избавился от них!

Бросил в речку их на дно,
А теперь мне всё равно!»

Глава третья

Ночь.
Луна.
Не дует ветер.
На кустах не дрогнет лист.

Спят в кроватях
Пауль и Петер,
Слышен только
Храп и свист.

Плих и Плюх
Сидели тихо,
Но, услыша
Свист и храп,

Стали вдруг
Чесаться лихо
С громким стуком
Задних лап.

Почесав
зубами спины
И взглянув
с тоской вокруг,
На кровати
Под перины
Плих и Плюх
Полезли вдруг.

Тут проснулись оба брата
И собак прогнали прочь.

На полу сидят щенята.
Ах, как долго длится ночь!

Скучно без толку слоняться
Им по комнате опять, —
Надо чем-нибудь заняться,
Чтобы время скоротать.

Плих штаны зубами тянет,
Плюх играет сапогом.

Вот и солнце скоро встанет.
Посветлело всё кругом.

«Это что ещё за штуки!» —
Утром крикнул папа Фиттих.

Мама, взяв его за руки,
Говорит: «Не надо бить их!
Будь хорошим.
Не сердись.
Лучше завтракать садись!»

Светит солнце.
Дует ветер.
А в саду,
Среди травы,
Стали рядом
Пауль и Петер.
Полюбуйтесь каковы!

Грустно воют Плюх и Плих,
Не пускают цепи их.

Плих и Плюх в собачьей
будке
Арестованы на сутки.

Каспар Шлих, куря табак,
Увидал своих собак.
«Ну, — воскликнул Каспар
Шлих, —
Я избавился от них!
Бросил в речку их, на дно,
А теперь мне всё равно!»

Глава четвертая

Мышку, серую плутовку,
Заманили в мышеловку.

Эй, собаки,
Плюх и Плих!
Вот вам завтрак на двоих!

Мчатся псы и лают звонко;
Ловят быстрого мышонка,
А мышонок не сдаётся,
Прямо к Паулю несётся.
По ноге его полез
И в штанах его исчез.

Ищут мышку Плюх и Плих,
Мышка прячется от них.

Вдруг завыл от боли пёс,
Мышь вцепилась Плюху
в нос!

Плих на помощь подбегает,
А мышонок прыг назад,

Плиха за ухо хватает
И к соседке мчится в сад.

А за мышкой во весь дух
Мчатся с лаем Плих и Плюх.

Мышь бежит,
За ней собаки.
Не уйти ей от собак.
На пути
Левкои,
Маки,
Георгины
И табак.

Псы рычат
И громко воют,
И ногами
Землю роют,
И носами
Клумбу роют,
И рычат,
И громко воют.

В это время Паулина,
Чтобы кухню осветить,
В лампу кружку керосина
Собиралась перелить,

Вдруг в окошко поглядела
И от страха побледнела,

Побледнела,
Задрожала,
Закричала:
«Прочь скоты!
Всё погибло.
Всё пропало.
Ах, цветы, мои цветы!»

Гибнет роза,
Гибнет мак,
Резеда и георгин!

Паулина на собак
Выливает керосин.
Керосин
Противный,
Жгучий,
Очень едкий
И вонючий!

Воют жалобно собаки,
Чешут спины
И бока.
Топчут розы,
Топчут маки,
Топчут грядки табака.

Громко взвизгнула соседка
И, печально крикнув: «У-у-у!»,
Как надломленная ветка,
Повалилась на траву.

Каспар Шлих, куря табак,
Увидал своих собак,

И воскликнул Каспар Шлих:
«Я избавился от них!
Я их выбросил давно,
И теперь мне всё равно!»

Глава пятая

Снова в будке Плюх и Плих.
Всякий скажет вам про них:
«Вот друзья, так уж друзья!
Лучше выдумать нельзя!»

Но известно, что собаки
Не умеют жить без драки.

Вот в саду, под старым
дубом,
Разодрались Плих и Плюх.

И помчались друг за другом
Прямо к дому во весь дух.

В это время мама Фиттих
На плите пекла блины.
До обеда покормить их
Просят маму шалуны.

Вдруг из двери мимо них
Мчатся с лаем Плюх и Плих.

Драться в кухне мало места:
Табурет, горшок и тесто
И кастрюля с молоком
Полетели кувырком.

Пауль кнутиком взмахнул,
Плиха кнутиком стегнул.
Петер крикнул:
«Ты чего
Обижаешь моего?
Чем собака виновата?»
И кнутом ударил брата.
Пауль тоже рассердился,
Быстро к брату подскочил,
В волоса его вцепился
И на землю повалил.

Тут примчался папа Фиттих
С длинной палкою в руках.
«Ну, теперь я буду бить их!»
Закричал он впопыхах.

«Да, — промолвил Каспар
Шлих, —
Я давно побил бы их.
Я побил бы их давно!
Мне-то, впрочем,
всё равно!»

Папа Фиттих на ходу
Вдруг схватил сковороду,
И на Шлиха блин горячий
Нахлобучил на ходу.

«Ну, — воскликнул Каспар
Шлих, —
Пострадал и я от них.
Даже трубка и табак
Пострадали от собак!»

Глава шестая

Очень, очень, очень, очень
Папа Фиттих озабочен...
«Что мне делать? —
говорит. —
Голова моя горит.
Петер — дерзкий мальчуган,
Пауль — страшный грубиян,
Я пошлю мальчишек
в школу,
Пусть их учит Бокельман!»

Бокельман учил мальчишек,
Палкой по столу стучал,

Бокельман ругал мальчишек
И как лев на них рычал.

Если кто не знал урока,
Не умел спрягать глагол, —

Бокельман того жестоко
Тонкой розгою порол.

Впрочем, это очень мало
Иль совсем не помогало,
Потому что от битья
Умным сделаться нельзя.
Кончив школу кое-как,
Стали оба мальчугана
Обучать своих собак
Всем наукам Бокельмана.

Били, били, били, били,
Били палками собак,
А собаки громко выли,
Но не слушались никак.

«Нет, — подумали друзья, —
Так собак учить нельзя!
Палкой делу не помочь!
Мы бросаем палки прочь».

И собаки в самом деле
Поумнели в две недели.

**Глава седьмая
и последняя**

Англичанин мистер Хопп
Смотрит в длинный
телескоп.
Видит горы и леса
Облака и небеса,

Но не видит ничего,
Что под носом у него.
Вдруг о камень он
споткнулся,
Прямо в речку окунулся.

Шел с прогулки папа
Фиттих,
Слышит крики: «Караул!»
«Эй, — сказал он, —
посмотрите,
Кто-то в речке утонул».

Плих и Плюх помчались сразу,
Громко лая и визжа.
Видят — кто-то долговязый
Лезет на берег дрожа.

«Где мой шлем и телескоп?»
Восклицает мистер Хопп.

И тотчас же Плих и Плюх
По команде в воду бух!
Не прошло и двух минут,
Оба к берегу плывут.

«Вот мой шлем и телескоп!»
Громко крикнул мистер Хопп
И прибавил: «Это ловко!
Вот что значит дрессировка!
Я таких собак люблю,
Я сейчас же их куплю.
За собачек сто рублей
Получите поскорей!»

«О! — воскликнул папа
Фиттих, —
Разрешите получить их!»

«До свиданья! До свиданья!
До свиданья, Плюх и Плих!»
Говорили Пауль и Петер,
Обнимая крепко их.

«Вот на этом самом месте
Мы спасли когда-то вас,

Целый год мы жили вместе,
Но расстанемся сейчас».

Каспар Шлих, куря табак,
Увидал своих собак.
«Ну и ну! — воскликнул он, —
Сон ли это, иль не сон?
В самом деле, как же так?
Сто рублей за двух собак!
Мог бы стать я богачом,
А остался не при чём».

Каспар Шлих ногою топнул,
Чубуком о землю хлопнул,
Каспар Шлих рукой махнул —
Бух!
И в речке утонул.

Трубка старая дымится,
Дыма облачко клубится.
Трубка гаснет наконец.
Вот и повести
конец.

1936

58
В. Буш
КАК ВОЛОДЯ БЫСТРО ПОД ГОРУ ЛЕТЕЛ

На салазочках Володя
Быстро под гору летел.

На охотника Володя
Полным ходом налетел.

Вот охотник
И Володя
На салазочках сидят,
Быстро под гору летят.
Быстро под гору летели —
На собачку налетели.

Вот собачка,
И охотник,
И Володя
На салазочках сидят,
Быстро под гору летят.
Быстро под гору летели —
На лисичку налетели.

Вот лисичка,
И собачка,
И охотник,
И Володя
На салазочках сидят,
Быстро под гору летят.
Быстро под гору летели
И на зайца налетели.

Вот и заяц
И лисичка,
И собачка,
И охотник,
И Володя
На салазочках сидят,
Быстро под гору летят.

Быстро под гору летели —
На медведя налетели!

И Володя с той поры
Не катается с горы.

1936

59

Л. Квитко

ТАНКИСТ

Сын сказал: «Послушай,
мама,
Я танкистом стать хочу.
Я тогда фашистов, мама,
В пух и в прах расколочу».

— Да, сынок, — сказала
мать, —
Ты танкистом должен стать. —
Сын сказал: «Конечно, мама,
Я танкистом должен стать.

Я ведь знаю, что фашисты
Лезут к нам со всех боков —
Дай им то, подай им это...
Вот бы дать им тумаков».

— Да, дружок, — сказала
мать, —
Тумаков им надо дать. —

Сын ответил: «Верно, мама,
Тумаков им надо дать.

Надо взрослым стать,
конечно,
Чтобы пули слать врагу.
Надо детям ждать, конечно,
Только ждать я не могу».

— Да, мой друг, — сказала
мать, —
Надо, надо подождать. —
Сын ответил: «Верно, мама,
Только очень трудно ждать.

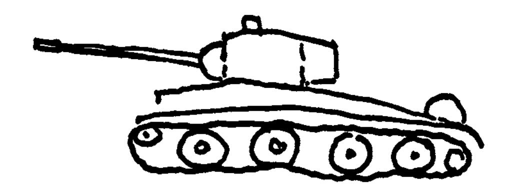
Если вдруг мне скажет
маршал:
«Кем ты, мальчик, хочешь
стать?»
Я скажу: «Товарищ маршал,
Я танкистом должен стать».

— Да, родной, — сказала
мать, —
Ты танкистом должен стать. —
Сын ответил: «Верно, мама,
Непременно должен стать.
Как мы двинем на фашистов
Наши танки через ров...
Знаешь, мама, бить
фашистов
Я всегда, всегда готов».

104

Мать сказала: — Бить врагов
Будь, сынок, всегда готов. —
Сын сказал: «Конечно, мама,
Я всегда, всегда готов».

1938

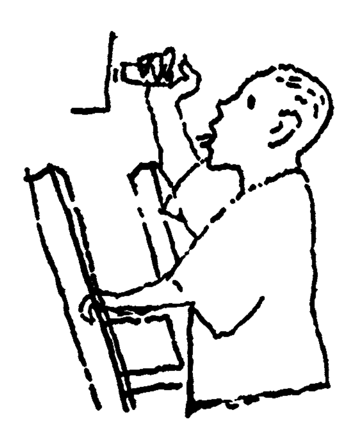
105

Д. ХАРМС
ТОМ 3

ПРОЗА

60
ОЗОРНАЯ ПРОБКА

В 124-м Детском доме, ровно в 8 часов вечера, зазвонил колокол.

Ужинать! Ужинать! Ужинать! Ужинать!

Девчонки и мальчишки бежали вниз по лестнице в столовую. С криком и топотом и хохотом каждый занимал свое место.

Сегодня на кухне дежурят Арбузов и Рубакин, а также учитель Павел Карлович или Палкарлыч.

Когда все расселись, Палкарлыч сказал:

— Сегодня на ужин вам будет суп с клецками.

Арбузов и Рубакин внесли котел, поставили его на табурет и подняли крышку. Палкарлыч подошёл к котлу и начал выкрикивать имена.

— Иван Мухин! Нина Веревкина! Федул Карапузов!

Выкликаемые подходили, Арбузов наливал им в тарелку суп, а Рубакин давал булку. Получивший то и другое шёл на свое место.

— Кузьма Паровозов! — кричал Палкарлыч. — Михаил Топунов! Зинаида Гребешкова! Громкоговоритель!

Громкоговорителем звали Сережу Чикина за то, что он всегда говорил во весь дух, а тихо разговаривать не мог.

Когда Сережка-Громкоговоритель подошел к котлу, — вдруг стало темно.

— Электричество потухло! — закричали на разные голоса.

— Ай, ай, ай, ты смотри, что ты делаешь! — громче всех кричал Громкоговоритель.

— Громкоговоритель в супе купается, — кричал Кузьма Паровозов.

— Смотри, не подавись клецками, — кричал Петр Сапогов.

— Тише, сидите на местах! — кричал Палкарлыч.

— Отдай мне мою булку! — кричала Зинаида Гребешкова.

Но тут стало опять светло.

— Электричество загорелось! — закричал Кузьма Паровозов.

— И без тебя вижу, — отвечала ему Зинаида Гребешкова.

— А я весь в супе, — кричал Громкоговоритель.

Когда немного поуспокоились, Палкарлыч опять начал выкрикивать:

— Петр Сапогов! Мария Гусева! Николай Пнёв!

На другой день вечером, когда Палкарлыч показывал детям новое гимнастическое упражнение, вдруг стало опять темно.

Федул Карапузов, Нина Веревкина и Николай Пнёв, повторяя движения Палкарлыча, поскользнулись в темноте и упали на пол.

Петр Сапогов, воспользовавшись темнотой, ударил Громкоговорителя кулаком в спину.

Кругом кричали:

— Опять потухло! Опять потухло! Принесите лампу! Сейчас загорится!

И действительно электричество опять загорелось.

— Это ты меня ударил? — спросил Громкоговоритель.

— И не думал, — отвечал Сапогов.

— Тут что-то неладно, — сказал Палкарлыч. — Ты, Мухин, и ты, Громкоговоритель, сбегайте в соседний дом и узнайте: если там электричество не тухло, как у нас, то надо будет позвать монтера.

Мухин и Громкоговоритель убежали и, скоро вернувшись, сказали, что, кроме как в Детском доме, электричество не тухло.

На третий день, с самого утра, по всему Детскому дому ходил монтер с длинной двойной лестницей-стремянкой. Он в каждой комнате ставил стремянку, влезал на нее, шарил рукой по потолку, по стенам, зажигал и тушил разные лампочки, потом зачем-то бежал в прихожую, где над вешалкой висел счетчик и мраморная дощечка с пробками. Следом за монтером ходили несколько мальчишек и с любопытством

смотрели, что он делает. Наконец монтер, собираясь уходить, сказал, что пробки были не в порядке, и от легкой встряски электричество могло тухнуть. Но теперь все хорошо, и по пробкам можно бить хоть топором.

— Прямо так и бить? — спросил Петр Сапогов.

— Нет, это я пошутил, — сказал монтер, — но во всяком случае теперь электричество не погаснет.

Монтер ушел. Петр Сапогов постоял на месте, потом пошел в прихожую и долго глядел на счетчик и пробки.

— Что ты тут делаешь? — спросил его Громкоговоритель.

— А тебе какое дело, — сказал Петька Сапогов и пошел на кухню.

Пробило 2 часа, потом 3, потом 4, потом 5, потом 6, потом 7, потом 8.

— Ну, — говорил Палкарлыч, — сегодня мы не будем сидеть в темноте. У нас были пробки не в порядке.

— А что такое пробки? — спросила Мария Гусева.

— Пробки, это их так называют за их форму. Они ...

Но тут электричество погасло, и стало темно.

— Потухло! — кричал Кузьма Паровозов.

— Погасло! — кричала Нина Веревкина.

Сейчас загорится! — кричал Громкоговоритель, отыскивая в потьмах Петьку Сапогова, чтобы, как-бы невзначай, дать ему подзатыльник. Но Петька не находился. Минуты через полто-

ры электричество опять загорелось. Громкоговоритель посмотрел кругом. Петьки нет как нет.

— Завтра позовём другого монтера, — говорил Палкарлыч. — Этот ничего не понимает.

«Куда бы мог пропасть Петька? — думал Громкоговоритель. — На кухне он, кажись, сегодня не дежурит. Ну ладно, мы с ним еще посражаемся».

На четвертый день позвали другого монтера. Новый монтер осмотрел провода, пробки и счетчик, слазил на чердак и сказал, что теперь-то уж все в исправности.

Вечером, около 8 часов, электричество потухло опять.

На пятый день электричество потухло, когда все сидели в клубе и рисовали стенгазету. Зинаида Гребешкова рассыпала коробочку с кнопками. Михаил Топунов кинулся помогать ей собирать кнопки, но тут-то электричество и погасло, и Михаил Топунов с разбега налетел на столик с моделью деревенской избы-читальни. Изба-читальня упала и разбилась. Принесли свечу, чтобы посмотреть, что произошло, но электричество загорелось.

На шестой день в стенгазете 124-го Детского дома появилась картинка; на ней были нарисованы человечки, стоящие с растопыренными руками, и падающий столик с маленьким домиком. Под картинкой была подпись:

Электричество потухло
Раз, два, три, четыре, пять.

Только свечку принесли —
Загорелося опять.

Но, несмотря на это, вечером электричество все-таки потухло.

На седьмой день в 124-ый Детский дом приезжали какие-то люди. Палкарлыч водил их по дому и рассказывал о капризном электричестве. Приезжие люди записали что-то в записные книжки и уехали.

Вечером электричество потухло.

Ну, что тут поделаешь!

На восьмой день, вечером, Сергей Чикин, по прозванию Громкоговоритель, нес линейки и бумагу в рисовальную комнату, которая помещалась внизу около прихожей. Вдруг Громкоговоритель остановился. В прихожей, через раскрытую дверь, он увидел Петра Сапогова. Петр Сапогов, на ципочках, то и дело оглядываясь по сторонам, крался к вешалке, под которой висел счетчик и мраморная дощечка с пробками. Дойдя до вешалки, он еще раз оглянулся и, схватившись руками за вешалочные крючки, а ногами упираясь о стойку, быстро влез наверх и повернул одну пробку. Все потухло. Во втором этаже послышался визг и крик.

Минуту спустя электричество опять зажглось, и Петр Сапогов спрыгнул с вешалки.

— Стой! — крикнул Громкоговоритель, бросая линейки и хватая за плечо Петьку Сапогова.

— Пусти, — сказал Петька Сапогов.

— Нет, не пущу. Это ты зачем тушишь электричество?

— Не знаю, — захныкал Петька Сапогов.

— Нет, врешь! Знаешь! — кричал Громкоговоритель. — Из-за тебя меня супом облили. Шпана ты этакая.

— Честное слово, тогда не я тушил электричество, — завертелся Петька Сапогов. — Тогда оно само тухло. А вот когда монтер сказал, что по пробкам хоть топором бей, — ничего, я вечером и попробовал одну пробку ударить. Рукой, слегка. А потом взял ее да повернул. Электричество и погасло. С тех пор я каждый день тушу. Интересно. Никто починить не может.

— Ну и дурак! — сказал Громкоговоритель. — Смотри у меня; если еще раз потушишь электричество, я всем расскажу. Мы устроим товарищеский суд и тебе не поздоровится. А пока, чтобы ты помнил, получай! — и он ударил Петьку Сапогова в правую лопатку.

Петр Сапогов пробежал два шага и шлепнулся, а Громкоговоритель поднял бумагу и линейки, отнёс их в рисовальную комнату и, как ни в чём не бывало, пошел наверх.

На следующий, девятый, день Громкоговоритель подошел к Палкарлычу.

— Товарищ учитель, — сказал он, — разрешите мне починить электричество.

— А ты разве умеешь? — спросил Палкарлыч.

— Умею.

— Ну, валяй, попробуй, авось никому не удавалось, а тебе удастся.

Громкоговоритель побежал в прихожую, влез на вешалку, поковырял для вида около счетчика, постукал мраморную дощечку и слез обратно.

И что за чудо! С того дня в 124-ом Детском доме электричество горит себе и не тухнет.

Д.Баш
1928

61
О ТОМ, КАК КОЛЬКА ПАНКИН ЛЕТАЛ В БРАЗИЛИЮ, А ПЕТЬКА ЕРШОВ НИЧЕМУ НЕ ВЕРИЛ

1

Колька Панкин решил прокатиться куда-нибудь подальше.

— Я поеду в Бразилию, — сказал он Петьке Ершову.

— А где эта Бразилия находится? — спросил Петька.

— Бразилия находится в Южной Америке, — сказал Колька, — там очень жарко, там водятся обезьяны и попугаи, растут пальмы, летают колибри, ходят хищные звери и живут дикие племена.

— Индейцы? — спросил Петька.

— Вроде индейцев, — сказал Колька.

— А как туда попасть? — спросил Петька.

— На аэроплане или на пароходе, — сказал Колька.

— А ты на чем поедешь? — спросил Петька.

— Я полечу на аэроплане, — сказал Колька.

— А где ты его возьмешь? — спросил Петька.

— Пойду на аэродром, попрошу, мне и дадут, — сказал Колька.

— А кто же это тебе даст? — спросил Петька.

— А у меня там все знакомые, — сказал Колька.

— Какие же это у тебя там знакомые? — спросил Петька.

— Разные, — сказал Колька.

— Нет у тебя там никаких знакомых, — сказал Петька.

— Нет, есть! — сказал Колька.

— Нет, нет! — сказал Петька.

— Нет, есть!

— Нет, нет!

— Нет, есть!

— Нет! Нет!

Колька Панкин и Петька Ершов решили пойти на следующее утро на аэродром.

2

Колька Панкин и Петька Ершов на следующий день рано утром вышли из дому. Идти на аэродром было далеко, но так как погода была хорошая и денег на трамвай не было, то Колька и Петька пошли пешком.

— Обязательно поеду в Бразилию, — сказал Колька.

— А письма писать мне будешь? — спросил Петька.

— Буду, — сказал Колька, — а как обратно

приеду, привезу тебе обезьяну.

— А птицу привезешь? — спросил Петька.

— И птицу привезу, — сказал Колька, — какую хочешь — колибри или попугая?

— А какая лучше? — спросил Петька.

— Попугай лучше, он может разговаривать, — сказал Колька.

— А петь может? — спросил Петька.

— И петь может, — сказал Колька.

— По нотам? — спросил Петька.

— По нотам не может. А вот ты что-нибудь споешь, а попугай повторит, — сказал Колька.

— А ты обязательно привезешь мне попугая? — спросил Петька.

— Обязательно, — сказал Колька.

— А ну, как нет? — сказал Колька.

— Сказал, что привезу, значит привезу, — сказал Колька.

— А не привезешь! — сказал Петька.

— А привезу! — сказал Колька.

— А нет! — сказал Петька.

— А да! — сказал Колька.

— А нет!

— А да!

— А нет!

— А да!

— А нет!

Но тут Колька Панкин и Петька Ершов пришли на аэродром.

3

На аэродроме было очень интересно. Аэропланы друг за другом бежали по земле, а по-

том — раз, два, три — оказывались уже в воздухе, — сначала низко, а потом выше, а потом еще выше, а потом, покружившись на одном месте, улетали и совсем. На земле стояло еще штук восемь аэропланов, готовых тоже разбежаться и улететь. Колька Панкин выбрал один из них и, указывая Петьке Ершову, сказал:

— В Бразилию я полечу на этом вот аэроплане.

Петька снял кепку и почесал голову. Надел кепку опять и спросил:

— А аэроплан этот тебе дадут?

— Дадут, — сказал Колька, — у меня там знакомый авиатор.

— Знакомый? А как его зовут? — спросил Петька.

— Очень просто — Павел Иванович, — сказал Колька.

— Павел Иванович? — переспросил Петька.

— Ну да, — сказал Колька.

— И ты его попросишь? — спросил Петька.

— Конечно. Вот пойдем вместе, ты услышишь, — сказал Колька.

— А если он тебе не даст аэроплана? — спросил Петька.

— Ну, как не даст! Попрошу, так даст, — сказал Колька.

— А если ты не попросишь? — спросил Петька.

— Попрошу, — сказал Колька.

— А испугаешься! — сказал Петька.

— Нет, не испугаюсь, — сказал Колька.

— Слабо! — сказал Петька

— Нет, не слабо! — сказал Колька.

— Слабо! — сказал Петька.

— Нет, не слабо! — сказал Колька.

— Слабо!

— Нет, не слабо!

— Слабо!

— Нет, не слабо!

Колька Панкин и Петька Ершов побежали к авиатору.

4

Авиатор стоял около аэроплана и промывал в бензине, налитом в маленькое корытце, какие-то винтики. Сам он был одет во все кожаное, а рядом на земле лежали кожаные перчатки и кожаный шлем.

Колька Панкин и Петька Ершов подошли.

Авиатор достал из бензина винтики, положил их на краешек аэроплана, а в бензин положил новые винтики и стал их мыть.

Колька посмотрел-посмотрел и сказал:

— Здрасте, Павел Иванович!

Авиатор посмотрел сначала на Кольку, потом на Петьку, а потом опять отвернулся. Колька же постоял-постоял и снова сказал:

— Здрасте, Павел Иванович.

Авиатор посмотрел тогда сначала на Петьку, потом на Кольку, а потом сказал, почесы-

вая одной ногой другую ногу:

— Меня зовут не Павел Иванович, а Константин Константинович, и никакого Павла Ивановича я не знаю.

Петька прыснул в кулак, Колька ударил Петьку, Петька сделал серьезное лицо, а Колька сказал авиатору:

— Константин Константинович, мы с Петькой Ершовым решили лететь в Бразилию, не одолжите ли вы нам ваш аэроплан?

Авиатор начал хохотать:

— Ха-ха-ха ха-ха-ха! Это вы что же — серьезно решили лететь в Бразилию?

— Да, — сказал Колька.

— А вы полетите с нами? — спросил Петька.

— А вы что же думали, — закричал авиатор, — что я вам так машину дам? Нет, шалишь. Вот если вы мне заплатите, то в Бразилию свезти я вас могу. Что вы мне за это дадите?

Колька пошарил в карманах, но ничего не нашел.

— Денег у нас нет, — сказал он авиатору, — может быть, вы нас так свезете?

— Нет, так не повезу, — сказал авиатор и отвернулся что-то чинить в аэроплане.

Вдруг Колька взмахнул руками и закричал:

— Константин Константинович! Хотите перочинный ножик?

Очень хороший, в нем три ножа. Два, правда, сломанные, но один зато целый и очень острый. Я раз как-то ударил им в дверь и прямо насквозь прошиб.

— Когда же это было?— спросил Петька.

— А тебе что за дело? Зимой было! — рассердился Колька.

— А какую же это дверь ты прошиб насквозь? — спросил Петька.

— Ту, которая от чулана, — сказал Колька.

— А она вся целая, — сказал Петька.

— Значит, поставили новую, — сказал Колька.

— Нет, не ставили, дверь старая, — сказал Петька.

— Нет, новая, — сказал Колька.

— А ты мне ножик отдай, — сказал Петька, — это мой ножик, я тебе дал его только веревку с бельем перерезать, а ты и совсем взял.

— Как же это так — твой ножик? — Мой ножик, — сказал Колька.

— Нет, мой ножик! — сказал Петька.

— Нет, мой! — сказал Колька.

— Нет, мой! — сказал Петька.

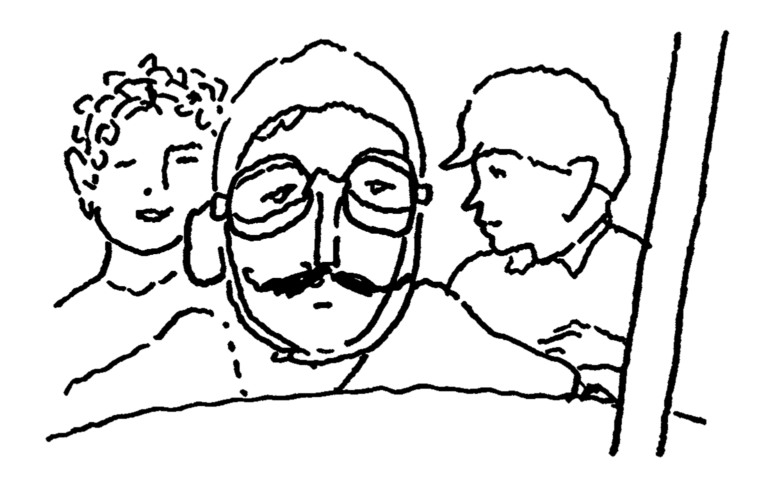
— Нет, мой!

— Нет, мой!

— Ну, ладно, шут с вами, — сказал авиатор, — садитесь, ребята, в аэроплан, полетим в Бразилию.

5

Колька Панкин и Петька Ершов летели на аэроплане в Бразилию. Это было здорово интересно. Авиатор сидел на переднем сиденьи, был виден только его шлем. Все было очень хорошо, да мотор шумел очень уж и говорить трудно было. А если выглянуть из аэроплана на землю, то ух, как просторно, — дух захватывает! А на земле все маленькое-маленькое и не тем боком друг к другу повернуто.

— Петь-ка! — кричит Колька, — смотри, какой город ко — ря — вень — кий!

— Что — о — о ? — кричит Петька.

— Го — род! — кричит Колька.

— Не слы-шу! — кричит Петька.

— Что — о — о? — кричит Колька.

— Скоро ли Брази-лия? — кричит Петька.

— У какого Васи-ли-я? — кричит Колька.

— Шапка улете-ла-а! — кричит Петька.

— Сколько! — кричит Колька.

— Вчера-а! — кричит Петька.

— Северная Америка! — кричит Колька.

— На-ви-да-ри-ди-и-и! — кричит Петька.

— Что? — кричит Колька.

Вдруг в ушах стало пусто и аэроплан начал опускаться.

6

Аэроплан попрыгал по кочкам и остановился.

— Приехали, — сказал авиатор.

Колька Панкин и Петька Ершов огляделись.

— Петька, — сказал Колька, — гляди, Бразилия-то какая!

— А это Бразилия? — спросил Петька.

— Сам-то, дурак, разве не видишь? — сказал Колька.

— А что это там за люди бегут? — спросил Петька.

— Где? А, вижу, — сказал Колька. — Это туземцы, дикари.

Видишь, у них белые головы. Это они сделали себе прическу из травы и соломы.

— Зачем? — спросил Петька.

— Так уж, — сказал Колька.

— А смотри, по-моему, это у них такие волосы, — сказал Петька.

— А я тебе говорю, что это перья, — сказал Колька.

— Нет, волосы! — сказал Петька.

— Нет, перья! — сказал Колька.

— Нет, волосы!

— Нет, перья!

— Нет, волосы!

— Ну, вылезайте из аэроплана, — сказал авиатор, — мне лететь нужно.

7

Колька Панкин и Петька Ершов вылезли из аэроплана и пошли навстречу туземцам. Туземцы оказались небольшого роста, грязные и белобрысые. Увидя Кольку и Петьку, туземцы ос-

тановились. Колька шагнул вперед, поднял правую руку и сказал:

— Оах! — сказал он им по-индейски.

Туземцы открыли рты и стояли молча.

— Гапакук! — сказал им Колька по-индейски.

— Что это ты говоришь? — спросил Петька.

— Это я говорю с ними по-индейски, — сказал Колька.

— А откуда ты знаешь индейский язык? — спросил Петька.

— А у меня была такая книжка, по ней я и выучился, — сказал Колька.

— Ну ты, ври больше, — сказал Петька.

— Отстань! — сказал Колька. — Инам кос! — сказал он туземцам по-индейски.

Вдруг туземцы засмеялись.

— Кэрэк эри ялэ, — сказали туземцы.

— Ара токи, — сказал Колька.

— Мита? — спросили туземцы.

— Брось, пойдем дальше, — сказал Петька.

— Пильгедрау! — крикнул Колька.

— Пэркиля! — закричали туземцы.

— Кульмэгуинки! — крикнул Колька.

— Пэркиля, пэркиля! — кричали туземцы.

— Бежим! — крикнул Петька, — они драться хотят.

Но было уже поздно. Туземцы кинулись на Кольку и стали его бить.

— Караул! — кричал Колька.

— Пэркиля! — кричали туземцы.

— «Мм-ууу», — мычала корова.

8

Избив как следует Кольку, туземцы, хватая и бросая в воздух пыль, убежали. Колька стоял встрепанный и сильно измятый.

— Пе-пе-пе-пе-петька, — сказал он дрожащим голосом. — Здорово я тузе-зе-зе-земцев разбил. Одного сю-сю-сю-сюда, а другого ту-ту-ту-туда

— А не они тебя побили? — спросил Петька.

— Что ты! — сказал Колька. — Я как пошел их хватать: раз-два, раз-два, раз-два!

«Мм-ууу» — раздалось у самого колькиного уха.

— Ай! — вскрикнул Колька и побежал.

— Колька. Ко-олька-а-а! — кричал Петька.

Но Колька бежал без оглядки.

Бежали-бежали,

бежали-бежали,

бежали-бежали, и только добежав до леса, Колька остановился.

— Уф! — сказал он, переводя дух.

Петька так запыхался от бега, что ничего не мог сказать.

— Ну, и бизон! — сказал Колька, отдышавшись.

— А? — спросил Петька.

— Ты видел бизона? — спросил Колька.

— Где? — спросил Петька.

— Да ну, там. Он кинулся на нас, — сказал Колька.

— А это не корова была? — спросил Петька.

— Что ты, какая же это корова. В Бразилии нет коров, — сказал Колька.

— А разве бизоны ходят с колокольчиками на шее? — спросил Петька.

— Ходят, — сказал Колька .

— Откуда же это у них колокольчики? — спросил Петька.

— От индейцев. Индейцы всегда поймают бизона, привяжут к нему колокольчик и выпустят.

— Зачем? — спросил Петька.

— Так уж, — сказал Колька.

— Неправда, бизоны не ходят с колокольчиками, а это была корова, — сказал Петька.

— Нет, бизон! — сказал Колька.

— Нет, корова! — сказал Петька.

— Нет, бизон!

— Нет, корова!

— Нет, бизон!

— А где же попугаи? — спросил Петька.

9

Колька Панкин сразу даже растерялся.

— Какие попугаи? — спросил он Петьку Ершова.

— Да ты же обещал поймать мне попугаев, как приедем в Бразилию. Если это Бразилия, то должны быть и попугаи, — сказал Петька.

— Попугаев не видать, зато вон сидят колибри, — сказал Колька.

— Это вон там на сосне? — спросил Петька.

— Это не сосна, а пальма, — обиделся Колька.

— А на картинках пальмы другие, — сказал Петька.

— На картинках другие, а в Бразилии такие, — рассердился Колька. — Ты смотри, лучше, колибри какие.

— Похожи на наших воробьев, — сказал Петька.

— Похожи, — согласился Колька, — но меньше ростом.

— Нет, больше! — сказал Петька.

— Нет, меньше! — сказал Колька.

— Нет, больше! — сказал Петька.

— Нет, меньше! — сказал Колька.

— Нет, больше!

— Нет, меньше!

— Нет, больше!

— Нет, меньше!

Вдруг за спинами Кольки и Петьки послышался шум.

10

Колька Панкин и Петька Ершов обернулись.

Прямо на них летело какое-то чудовище.

— Что это? — испугался Колька.

— Это автомобиль, — сказал Петька.

— Не может быть! — сказал Колька. — Откуда же в Бразилии автомобиль?

— Не знаю, — сказал Петька, — но только это автомобиль.

— Не может быть! — сказал Колька.

— А я тебе говорю, что автомобиль! — сказал Петька.

— Нет, не может быть, — сказал Колька.

— Нет, может!

— Нет, не может!

— Ну, теперь видишь, что это автомобиль? — спросил Петька.

— Вижу, но очень странно, — сказал Колька.

Тем временем, автомобиль подъехал ближе.

— Эй, вы, ребята, — крикнул человек из автомобиля. — Дорога в Ленинград направо или налево?

— В какой Ленинград? — спросил Колька.

— Как в какой! Ну, в город как проехать? — спросил шофер.

— Мы не знаем, — сказал Петька, а потом вдруг заревел.

— Дяденька, — заревел он, — свези нас в город.

— Да вы сами-то что, из города? — спросил шофер.

— Ну да, — ревел Петька, — с Моховой улицы.

— А как же вы сюда попали? — удивился шофер.

— Да вот Колька, — ревел Петька, — обещал в Бразилию свезти, а сам сюда привез.

— В Брусилово... Брусилово... Постойте, Брусилово это дальше, это где-то в Черниговской губернии, — сказал шофер.

— Чилиговская губерния... Чилийская республика... Чили... Это южнее, это там, где и Аргентина. Чили находится на берегу Тихого океана, — сказал Колька.

— Дяденька, — захныкал опять Петька, — свези нас домой.

— Ладно, ладно, — сказал шофер. — Садитесь, все равно машина пустая. Только Бруси-

лово не тут, Брусилово — это в Черниговской губернии.

И вот Колька Панкин и Петька Ершов поехали домой на автомобиле.

11

Колька Панкин и Петька Ершов ехали сначала молча. Потом Колька посмотрел на Петьку и сказал:

— Петька, — сказал Колька, — ты видел кондора?

— Нет, — сказал Петька. — А что это такое?

— Это п т и ц а , — сказал Колька.

— Большая? — спросил Петька.

— Очень большая, — сказал Колька.

— Больше вороны? — спросил Петька.

— Что ты! Это самая большая птица, — сказал Колька.

— А я ее не видал, — сказал Петька.

— А я видел. Она на пальме сидела, — сказал Колька.

— На какой пальме? — спросил Петька.

— На той, на которой и колибри сидела, — сказал Колька.

— Это была не пальма, а сосна, — сказал Петька.

— Нет, пальма! — сказал Колька.

— Нет, сосна! — сказал Петька, — пальмы растут только в Бразилии, а тут не растут.

— Мы и были в Бразилии, — сказал Колька.

— Нет, не были! — сказал Петька.

— Нет, были! — сказал Колька.

— Не-бы-ли, — закричал Петька.

— Были, были, были, бы-ли-и-и! — кричал Колька.

— А вон и Ленинград виднеется, — сказал шофер, указывая рукой на торчащие в небо трубы и крыши.

ВСЁ

Даниил Хармс
1928

62
17 ЛОШАДЕЙ

У нас в деревне умер один человек и оставил своим сыновьям такое завещание.

Старшему сыну оставляю 1/2 своего наследства,

среднему сыну оставляю 1/3 своего наследства, а

младшему сыну оставляю 1/9 своего наследства.

Когда этот человек умер, то после его смерти осталось всего только 17 лошадей и больше ничего. Стали сыновья 17 лошадей между собой делить.

«Я, — сказал старший, — беру 1/2 всех лошадей. Значит 17:2 это будет 8 1/2».

— «Как же ты 8 1/2 лошадей возьмешь? — спросил средний брат. — Не станешь же ты лошадь на куски резать?»

— «Это верно, — согласился с ним старший брат, — только и вам своей части не взять. Ведь

17 ни на 2, ни на 3, ни на 9 не делится!»

— «Так как же быть?»

— «Вот что, — сказал младший брат, — я знаю одного очень умного человека, зовут его Иван Петрович Рассудилов, он-то нам сумеет помочь».

— «Ну что ж, зови его», — согласились два другие брата.

Младший брат ушел куда-то и скоро вернулся с человеком, который ехал на лошади и курил коротенькую трубочку. «Вот, — сказал младший брат, — это и есть Иван Петрович Рассудилов».

Рассказали братья Рассудилову свое горе. Тот выслушал и говорит: «Возьмите вы мою лошадь, тогда у вас будет 18 лошадей и делите спокойно». Стали братья 18 лошадей делить.

Старший взял 1/2 — 9 лошадей,
средний взял 1/3 — 6 лошадей, а
младший взял 1/9 — 2 лошади.

Сложили братья своих лошадей вместе. 9+6+2, получилось 17 лошадей. А Иван Петрович сел на свою 18-ю лошадь и закурил свою трубочку.

«Ну что, довольны?» — спросил он удивленных братьев и уехал.

Д.Хармс
1928

63
ВО-ПЕРВЫХ И ВО-ВТОРЫХ

ВО-ПЕРВЫХ, запел я песенку и пошел.

ВО-ВТОРЫХ, подходит ко мне Петька и говорит: «Я с тобой пойду». — И оба мы пошли, напевая песенки.

В-ТРЕТЬИХ, идем и смотрим, стоит на дороге человек ростом с ведерко.

«Ты кто такой?» — спросили мы его. «Я — самый маленький человек в мире». — «Пойдем с нами». — «Пойдем».

Пошли мы дальше, но маленький человек не может за нами угнаться. Бегом бежит, а все-таки отстает. Тогда мы его взяли за руки. Петька за правую, я за левую. Маленький человек повис у нас на руках, едва ногами земли касается. Пошли мы так дальше. Идем все трое и песенки насвистываем.

В-ЧЕТВЕРТЫХ, идем мы и смотрим, лежит возле дороги человек, голову на пенек положил, а сам такой длины, что не видать, где ноги кончаются. Подошли мы к нему поближе, а он как вскочит на ноги, да как стукнет кулаком по пеньку, так пенек в землю и ушел. А длинный человек посмотрел вокруг, увидел нас и говорит: «Вы, — говорит, — кто такие, что мой сон потревожили?» — «Мы, — говорим мы, — веселые ребята. Хочешь с нами пойдем? — «Хоро-

шо», — говорит длинный человек, да как шагнет сразу метров на двадцать. «Эй, — кричит ему маленький человек, — обожди нас немного!» Схватили мы маленького человека и побежали к длинному. — «Нет, — говорим мы, — так нельзя, ты маленькими шагами ходи».

Пошел длинный человек маленькими шагами, да что толку? Десять шагов сделает и из вида пропадает. — «Тогда, говорим мы, пусть маленький человек тебе на плечо сядет, а нас ты подмышки возьми». Посадил длинный человек маленького себе на плечо, а нас подмышки взял и пошел.

— «Тебе удобно?» — говорю я Петьке. — «Удобно. А тебе?» — «Мне тоже удобно»,— говорю я. И засвистели мы веселые песенки. И длинный человек идет и песенки насвистывает, и маленький человек у него на плече сидит и тоже свистит — заливается.

В-ПЯТЫХ, идем мы и смотрим — стоит поперек нашего пути осел. Обрадовались мы и решили на осле ехать. Первым попробовал длинный человек. Перекинул он ногу через осла, а осел ему ниже колена приходится. Только хотел длинный человек на осла сесть, а осел взял да и пошел, и длинный человек со всего размаху на землю сел. Попробовали мы маленького человека на осла посадить. Но только осел несколько шагов сделал — маленький человек не удержался и свалился на землю. Потом встал и говорит: «Пусть длинный человек меня опять на плече понесет, а ты с Петькой на осле поез-

жай». Сели мы, как маленький человек сказал, и поехали. И всем хорошо. И все мы песни насвистываем.

В-ШЕСТЫХ, приехали мы к большому озеру. Глядим, у берега лодка стоит. — «Что ж, поедем на лодке?» — говорит Петька. Я с Петькой хорошо в лодке уселись, а вот длинного человека с трудом усадили. Согнулся он весь, сжался, коленки к самому подбородку поднял.

Маленький человек где-то под скамейкой сел, а вот ослу места-то и не осталось. Если бы еще длинного человека в лодку не сажать, тогда можно было бы и осла посадить. А вдвоем не помещаются. — «Вот что, — говорит маленький человек, — ты, длинный, вброд иди, а мы осла в лодку посадим и поедем». Посадили мы осла в лодку, а длинный человек вброд пошел, да еще нашу лодку на веревочке потащил. Осел сидит, пошевельнуться боится, верно, первый раз в лодку попал. А остальным хорошо. Едем мы по озеру, песни свистим. Длинный человек тащит нашу лодку и тоже песни поет.

В-СЕДЬМЫХ, вышли мы на другой берег, смотрим — стоит автомобиль. — «Что же это такое может быть?» — говорит длинный человек. — «Что это?» — говорит маленький человек. — «Это, — говорю я, — автомобиль». «Это машина, на которой мы сейчас и поедем», — говорит Петька. Стали мы в автомобиле рассаживаться. Я и Петька у руля сели, маленького человека спереди на фонарь посадили, а вот

длинного человека, осла и лодку никак в автомобиле не разместить. Положили мы лодку в автомобиль, в лодку осла поставили, все бы хорошо, да длинному человеку места нет. Посадили мы его в лодку — ослу места нет. Посадили мы в автомобиль осла и длинного человека — лодку некуда поставить.

Мы совсем растерялись, не знали, что и делать, да маленький человек совет подал: «Пусть, — говорит, — длинный человек в автомобиль сядет, а осла к себе на колени положит, а лодку руками над головой поднимет».

Посадили мы длинного человека в автомобиль, на колени к нему осла положили, а в руки дали лодку держать. — «Не тяжело?» — спросил его маленький человек. — «Нет, ничего», — говорит длинный. Я пустил мотор в ход, и мы поехали.

Все хорошо, только маленькому человеку впереди на фонаре сидеть неудобно, кувыркает его от тряски, как ваньку-встаньку. А остальным ничего. Едем мы и песни насвистываем.

В-ВОСЬМЫХ, приехали мы в какой-то город. Поехали по улицам. На нас народ смотрит, пальцами показывает: — «Это что, — говорит, — в автомобиле дубина какая стоит, себе на колени осла посадил и лодку руками над головой держит. Ха! ха! ха! А впереди-то какой на фонаре сидит. Ростом с ведерко! Вон его как от тряски-то кувыркает. Ха! ха! ха!»

А мы подъехали прямо к гостинице, лодку на землю положили, автомобиль поставили под на-

вес, осла к дереву подвязали и зовем хозяина. Вышел к нам хозяин и говорит: «Что вам угодно?» — «Да вот, — говорим мы ему, — переночевать нельзя ли у вас?» — «Можно», — говорит хозяин и повел нас в комнату с четырьмя кроватями. Я и Петька легли, а вот длинному человеку и маленькому никак не лечь. Длинному все кровати коротки, а маленькому не на что голову положить. Подушка выше его самого и он мог только стоя к подушке прислониться. Но так как мы все очень устали, то легли кое-как и заснули. Длинный человек просто на полу лег, а маленький на подушку весь залез, да так и заснул.

В-ДЕВЯТЫХ, проснулись мы утром и решили дальше путь продолжать. Тут вдруг маленький человек и говорит: «Знаете что? Довольно нам с этой лодкой да автомобилем таскаться. Пойдемте лучше пешком». — «Пешком я не пойду, — сказал длинный человек, — пешком скоро устанешь». — «Это ты-то, такая детина, устанешь?» — засмеялся маленький человек. — «Конечно, устану, — сказал длинный, — вот бы мне какую-нибудь лошадь по себе найти». — «Какая же тебе лошадь годится? — вмешался Петька. — Тебе не лошадь, а слона нужно». — «Ну, здесь слона-то не достанешь, — сказал я, — здесь не Африка». Только это я сказал, вдруг слышны на улице лай, шум и крики.

Посмотрели в окно, глядим — ведут по улице слона, а за ним народ валит. У самых слоновьих ног бежит маленькая собачонка и лает во всю

мочь, а слон идет спокойно, ни на кого внимания не обращает. «Вот, — говорит маленький человек длинному, — вот тебе и слон как раз. Садись и поезжай». — «А ты на собачку садись. Как раз по твоему росту», — сказал длинный человек. «Верно, — говорю я, — длинный на слоне поедет, маленький на собачке, а я с Петькой на осле». И побежали мы на улицу.

В-ДЕСЯТЫХ, выбежали мы на улицу. Я с Петькой на осла сели, маленький человек у ворот остался, а длинный за слоном побежал. Добежал он до слона, вскочил на него и к нам повернул. А собачка от слона не отстает, лает и тоже к нам бежит. Только до ворот добежала, тут маленький человек наловчился и прыгнул на собаку. Так мы все и поехали. Впереди длинный человек на слоне, за ним я с Петькой на осле, а сзади маленький человек на собачке. И всем нам хорошо и все мы песенки насвистываем.

Выехали мы из города и поехали, а куда приехали и что с нами приключилось, об этом мы вам в следующий раз расскажем.

Д.И.Хармс
1928

64
О ТОМ, КАК СТАРУШКА ЧЕРНИЛА ПОКУПАЛА

На Кособокой улице, в доме № 17 жила одна старушка. Когда-то жила она вместе со своим мужем и был у неё сын. Но сын вырос большой и уехал, а муж умер, и старушка осталась одна.

Жила она тихо и мирно, чаёк попивала, сыну письма посылала, а больше ничего не делала.

Дома же говорили про старушку, что она с луны свалилась.

Выйдет старушка другой раз летом на двор, посмотрит вокруг и скажет:

— Ах ты, батюшки, куда же это снег делся?

А соседи засмеются и кричат ей:

— Но, виданное ли дело, чтобы снег летом на земле лежал? Ты, что, бабка, с луны свалилась, что ли?

Или пойдет старушка в керосинную лавку и спросит:

— Почем у вас французские булки?

Приказчики смеются:

— Да что вы, гражданка, откуда же у нас французские булки? С луны вы что ли свалились!

Ведь вот какая была старушка!

Была раз погода хорошая, солнечная, на небе ни облачка. На Кособокой улице пыль поднялась. Вышли дворники улицу поливать из брезентовых кишок с медными наконечниками.

Льют они воду прямо в пыль, сквозь, навылет. Пыль с водой вместе на землю летит. Вот уж лошади по лужам бегут, и ветер без пыли летит пустой.

Из ворот 17-го дома вышла старушка. В руках у неё зонтик с большой блестящей ручкой, а на голове шляпка с черными блёстками.

— Скажите, — кричит она дворнику, — где чернила продаются?

— Что? — кричит дворник.

Старушка ближе:

— Чернила! — кричит.

— Сторонитесь! — кричит дворник, пуская струю воды.

Старушка влево и струя влево.

Старушка скорей вправо, и струя за ней.

— Ты что, — кричит дворник, — с луны свалилась, видишь, я улицу поливаю!

Старушка только зонтиком махнула и дальше пошла.

Пришла старушка на рынок, смотрит: стоит какой-то парень и продает судака большого и сочного, длиной с руку, толщиной с ногу. Подкинул он рыбу на руках, потом взял одной рукой за нос, покачал, покачал и выпустил, но упасть не дал, а ловко поймал другой рукой за хвост и поднес старушке.

— Вот — говорит, — за рупь отдам.

— Нет, — говорит старушка, — мне чернила...

А парень ей и договорить не дал.

— Берите, — говорит, — не дорого прошу.

— Нет, — говорит старушка, — мне чернила...

А тот опять:

— Берите, — говорит, — в рыбе пять с половиной фунтов весу, — и как бы от усталости взял рыбу в другую руку.

— Нет, — сказала старушка, — мне чернила нужны.

Наконец-то парень расслышал, что говорила ему старушка.

— Чернила? — переспросил он.

— Да, чернила.

— Чернила?

— Чернила.

— А рыбы не нужно?

— Нет.

— Значит, чернила?

— Да.

— Да вы что, с луны что ли свалились! — сказал парень.

— Значит нет у вас чернил, — сказала старушка и дальше пошла.

— Мяса парного пожалуйте! — кричит старушке здоровенный мясник, а сам ножом печенки кромсает.

— Нет ли у вас чернил? — спросила старушка.

— Чернила! — заревел мясник, таща за ногу свиную тушу.

Старушка скорей подальше от мясника, уж больно он толстый да свирепый, а ей уж торговка кричит:

— Сюда пожалуйте! Пожалуйте сюда!

Старушка подошла к её ларьку и очки надела. А торговка улыбается и протягивает ей банку с черносливами.

— Пожалуйте, — говорит, — таких нигде не найдете.

Старушка взяла банку с ягодами, повертела её в руках и обратно положила.

— Мне чернила нужны, а не ягоды, — говорит она.

— Какие чернила — красные или черные? — спросила торговка.

— Черные, — говорит старушка.

— Черных нет, — говорит торговка.

— Ну тогда красные, — говорит старушка.

— И красных нет, — сказала торговка.

— Прощайте, — сказала старушка и пошла.

Вот уж и рынок кончается, а чернил нигде не видать.

Вышла старушка из рынка и пошла по какой-то улице.

Вдруг смотрит — идут друг за дружкой, медленным шагом, пятнадцать ослов. На переднем осле сидит верхом человек и держит в руках большущее знамя. На других ослах тоже люди сидят и тоже в руках вывески держат.

«Это что же такое?» — думает старушка. «Должно быть, это теперь на ослах как на трамваях ездят». — Эй! — крикнула она чело-

веку, сидящему на переднем осле. — Обожди немного. Скажи, где чернила продаются?

А человек на осле не расслышал, видно, что старушка ему сказала, а поднял какую-то трубу с одного конца узкую, а с другого широкую, раструбом. Узкий конец приставил ко рту да как закричит туда, прямо старушке в лицо, да так, что за семь верст услыхать можно:

СПЕШИТЕ УВИДЕТЬ ГАСТРОЛИ ДУРОВА. В ГОСЦИРКЕ! В ГОСЦИРКЕ! МОРСКИЕ ЛЬВЫ — ЛЮБИМЦЫ ПУБЛИКИ. ПОСЛЕДНЯЯ НЕДЕЛЯ! БИЛЕТЫ ПРИ ВХОДЕ!

Старушка с испуга даже зонтик уронила. Подняла она зонтик да от страха руки так дрожали, что зонтик опять упал.

Старушка зонтик подняла, покрепче его в руках зажала, да скорей, скорей по дороге, да по панели повернула из одной улицы в другую и вышла на третью широкую и очень шумную.

Кругом народ куда-то спешит, а на дороге автомобили катят и трамваи грохочут.

Только хотела старушка на другую сторону перейти, вдруг:

— Тарар-арарар-арар-ррррр! — автомобиль орет.

Пропустила его старушка, только на дорогу ступила, а ей:

— Эй, берегись! — извозчик кричит.

Пропустила его старушка и скорей на ту сторону побежала. До середины дороги добежала, а тут:

Джен-джен! Динь-динь-динь! — трамвай несется.

Старушка было назад, а сзади:

Пыр-пыр-пыр-пыр! — мотоциклет трещит.

Совсем перепугалась старушка, но хорошо добрый человек нашелся, схватил он её за руку и говорит:

— Вы что, — говорит, — будто с луны свалились! Вас же задавить могут. И потащил старушку на другую сторону.

Отдышалась старушка и только хотела доброго человека о чернилах спросить, оглянулась, а его уж и след простыл.

Пошла старушка дальше, на зонтик опирается, да по сторонам поглядывает, где бы про

чернила узнать. А ей навстречу идет старичок с палочкой. Сам старенький и седенький. Подошла к нему старушка и говорит:

— Вы, видать, человек бывалый, не знаете ли, где чернила продаются?

Старичок остановился, поднял голову, подвигал своими морщинками и задумался. Постояв так немного, он полез в карман, достал кисетик, папиросную бумагу и мундштук. Потом медленно свернул папиросу и, вставив её в мундштук, спрятал кисетик и бумагу обратно и достал спички. Потом закурил папиросу и, спрятав спички, прошамкал беззубым ртом:

— Шешиши пошаются в макашише.

Старушка ничего не поняла, а старичок пошел дальше.

Задумалась старушка.

Чего это никто про чернила толком сказать ничего не может.

Не слыхали они о чернилах никогда что ли?

И решила старушка в магазин зайти и чернила спросить.

Там-то уж знают.

А тут рядом и магазин как раз. Окна большие, в целую стену. А в окнах всё книги лежат.

«Вот, думает старушка, сюда и зайду. Тут уж наверно чернила есть, раз книги лежат. Ведь книги-то, чай, пишутся чернилами».

Подошла она к двери, двери стеклянные и странные какие-то. Толкнула старушка дверь, а её саму что-то сзади подтолкнуло. Оглянулась, смотрит — на неё другая стеклянная дверь едет.

Старушка вперед, а дверь за ней. Всё вокруг стеклянное и всё кружится. Закружилась у ста-

рушки голова, идет она и сама не знает, куда идет. А кругом всё двери, двери, все они кружатся и старушку вперед подталкивают.

Топталась, топталась старушка вокруг чего-то, насилу высвободилась, хорошо еще, что жива осталась.

Смотрит старушка — прямо большие часы стоят и лестница вверх ведет. Около часов стоит человек. Подошла к нему старушка и говорит:

— Где бы мне про чернила узнать?

А тот к ней даже головы не повернул, показал только рукой на какую-то дверку, небольшую, решетчатую.

Старушка приоткрыла дверку, вошла в неё, видит — комната, совсем крохотная, не больше шкафа. А в комнатке стоит человек. Только хотела старушка про чернила его спросить...

Вдруг: Дзинь! Дджжжинн! и начал пол вверх подниматься.

Старушка стоит, шевельнуться не смеет, а в груди у неё будто камень расти начал. Стоит она и дышать не может.

Сквозь дверку чьи-то руки, ноги и головы мелькают, а вокруг гудит, как швейная машинка. Потом перестала гудеть и дышать легче стало. Кто-то дверку открыл и говорит:

— Пожалуйте, приехали, шестой этаж, выше некуда.

Старушка, совсем как во сне, шагнула куда-то выше, куда ей показали, а дверка за ней захлопнулась и комнатка-шкапик опять вниз поехала.

Стоит старушка, зонтик в руках держит, а сама отдышаться не может. Стоит она на лест-

нице, вокруг люди ходят, дверьми хлопают, а старушка стоит и зонтик держит.

Постояла старушка, посмотрела, что кругом делается, и пошла в какую-то дверь.

Попала старушка в большую, светлую комнату. Смотрит — стоят в комнате столики, а за столиками люди сидят. Одни, уткнув носы в бумагу, что-то пишут, а другие стучат на пишущих машинках. Шум стоит будто в кузнице, только в игрушечной.

Направо у стенки диван стоит, на диване сидит толстый человек и тонкий. Толстый что-то рассказывает тонкому и руки потирает, а тонкий согнулся весь, глядит на толстого сквозь очки в светлой оправе, а сам на сапогах шнурки завязывает.

— Да, — говорит толстый, — написал я рассказ о мальчике, который лягушку проглотил. Очень интересный рассказ.

— А я вот ничего выдумать не могу, о чем бы написать, — сказал тонкий, продевая шнурок через дырочку.

— А у меня рассказ очень интересный, — сказал толстый человек. — Пришел этот мальчик домой, отец его спрашивает, где он был, а лягушка из живота отвечает: ква-ква! Или в школе: учитель спрашивает мальчика, как по-немецки «с добрым утром», а лягушка отвечает: ква-ква! Учитель ругается, а лягушка: ква-ква-ква! Вот какой смешной рассказ, — сказал толстяк и потер свои руки.

— Вы тоже что-нибудь написали? — спросил он старушку.

— Нет, — сказала старушка, — у меня чернила все вышли.

Была у меня баночка, от сына осталась, да вот теперь кончилась.

— А что, ваш сын тоже писатель? — спросил толстяк.

— Нет, — сказала старушка, — он лесничий. Да только он тут не живет. Раньше я у мужа чернила брала, а теперь муж умер, и я одна осталась. Нельзя ли мне у вас тут чернил купить? — вдруг сказала старушка.

Тонкий человек завязал свой сапог и посмотрел сквозь очки на старушку.

— Как чернила? — удивился он.

— Чернила, которыми пишут, — пояснила старушка.

— Да ведь тут чернил не продают, — сказал толстый человек и перестал потирать свои руки.

— Вы как сюда попали? — спросил тонкий, вставая с дивана.

— В шкафу приехала, — сказала старушка.

— В каком шкафу? — в один голос спросили толстый и тонкий.

— В том, который у вас на лестнице вверх и вниз катается, — сказала старушка.

— Ах, в лифте! — рассмеялся тонкий, снова садясь на диван, так как теперь у него развязался другой сапог.

— А сюда вы зачем пришли? — спросил старушку толстый человек.

— А я нигде чернил найти не могла, — сказала старушка, — всех спрашивала, никто не знал. А тут, смотрю, книги лежат, вот и зашла сюда. Книги-то, чай, чернилами пишутся!

— Ха, ха, ха! — рассмеялся толстый человек. — Да вы прямо как с луны на землю свалились!

— Эй, слушайте! — вдруг вскочил с дивана тонкий человек. Сапога он так и не завязал, и шнурки болтались по полу. — Слушайте, — сказал он толстому, — да ведь вот я и напишу про старушку, которая чернила покупала.

— Верно, — сказал толстый человек и потер свои руки.

Тонкий человек снял свои очки, подышал на них, вытер носовым платком, одел опять на нос и сказал старушке:

— Расскажите вы нам о том, как вы чернила покупали, а мы про вас книжку напишем и чернил дадим.

Старушка подумала и согласилась.

И вот тонкий человек написал книжку:

О ТОМ, КАК СТАРУШКА ЧЕРНИЛА ПОКУПАЛА.

Д.Хармс
1928

65
«ДРУГ ЗА ДРУГОМ»

К нам в редакцию пришел человек в мохнатой шапке, в валеных сапогах и с огромной папкой под мышкой.

— Что вам угодно? — спросил его редактор.

— Я изобретатель. Моя фамилия Астатуров, — сказал вошедший. — Я изобрел новую детскую игру. Называется она «Друг за другом».

— Покажите, — сказал редактор.

Изобретатель развернул папку, достал из нее

картон и разложил его на столе. На картоне было нарисовано 32 квадрата: 16 желтых и 16 синих. Изобретатель достал из папки 8 картонных фигурок и поставил их перед доской.

— Вот, — сказал изобретатель, — видите восемь фигурок: четыре желтых и четыре синих. Называются они так: первая фигура изображает корову и называется «корова».

— Простите, — сказал редактор, — но ведь это не корова.

— Это не важно, — сказал Астатуров. — Вторая фигура — самовар и называется «врач», желтые и синие фигуры совершенно одинаковы.

— Позвольте, — сказал редактор, — но желтый врач совсем не похож на синего.

— Это не важно, — сказал Астатуров, — сейчас я вам объясню, как надо играть в эту игру. Играют двое. Сначала они расставляют фигуры по местам. Желтые фигуры на желтые квадраты, синие — на синие.

— Что же дальше? — спросил редактор.

— Дальше, — сказал Астатуров, — игроки начинают двигать фигуры. Первый — желтый самовар, второй — синий самовар. Постепенно фигуры идут навстречу друг другу и, наконец, меняются местами.

— А что же дальше? — спросил редактор.

— Дальше, — сказал Астатуров, — фигуры идут обратно в том же порядке.

— Ну и что же? — спросил редактор.

— Всё, — торжествующе сказал Астатуров.

— Поразительно глупая игра, — сказал редактор.

— То есть как глупая? — обиделся изобретатель.

— Да к чему же она? — спросил редактор.

— Для времяпровождения, — сказал изобретатель Астатуров.

Мы не выдержали и рассмеялись.

— Смеетесь, — сказал Астатуров, сердито собирая со стола фигуры и доску, — и без вас обойдусь. Пойду в Комитет по делам изобретений.

Астатуров хлопнул дверью и вышел.

— Товарищи, — сказал редактор, — хорошо бы сходить кому-нибудь из нас в Комитет по делам изобретений. Надо думать, что среди очень ценных изобретений попадаются и смешные. Ведь мы можем дать в журнал рассказ о таких же веселых изобретателях, как изобретатель Астатуров. Кто хочет идти?

— Я, — сказал я.

— Так идите же скорей, сейчас же, — крикнул редактор. — Кстати, узнайте об изобретателях вообще.

Я пришел в Комитет по делам изобретений при ВСНХ. Меня провели к сотруднику патентного отдела.

— Что вам угодно? — спросил сотрудник патентного отдела.

— Мне бы хотелось узнать, что надо изобретателю, чтобы делать значительные и полезные изобретения, — сказал я.

— Раньше всего, — сказал сотрудник, — давайте решим, что мы будем считать полезным и значительным изобретением, — с этими словами он порылся в кипе бумаг, которые лежали

по всей комнате, достал две бумажки и сказал:

— Я прочту вам две заявки на изобретения, поданные двумя изобретателями. Выслушайте их и скажите, какое из этих изобретений для нас более важное и полезное.

Я сел и приготовился слушать.

— Вот, — сказал сотрудник, — первое изобретение: изобретатель Лямзин. Изобретение называется «Солнцетермос»[1]. Изобретение состоит вот в чем: «два шара из стекла, один внутри другого, помещаются на высокой мачте. Устройство дает на весь мир ослепительный свет, от которого можно укрыться только плотными шторами». Теперь слушайте второе изобретение. Изобретатель Серебряков. Он изобрел способ производства картона из отбросов бумаги, опилок, древесной коры и мха.

— Конечно, — сказал я, — важнее и полезнее «Солнцетермос».

— Вы ошибаетесь, — сказал сотрудник. — Изобретение Серебрякова для нас и важнее и полезнее «Солнцетермоса».

— Почему? — удивился я.

— Очень просто, — ответил сотрудник. — «Солнцетермос» может быть и замечательная штука, но, во-первых, — оно не осуществимо, так как оно совершенно не подтверждено наукой, а во-вторых, оно нам сейчас и не нужно вовсе, тогда как производство картона из отбросов, если оно будет применено во всей бу-

---

[1] Все указанные изобретения действительно были поданы в Комитет по делам изобретений при ВСНХ. № заявки на «Солнцетермос» 2767 <прим. авт.>.

мажной промышленности, даст нам в год 23 миллиона рублей экономии, или — такое незначительное на вид изобретение, как золотник для паровоза, изобретенный Тимофеевым, даст нам в год экономии в пять миллионов рублей.

— Что же надо изобретателю, — сказал я, — чтобы дать полезные и нужные изобретения?

— Во-первых, — сказал сотрудник патентного отдела, — изобретателю надо много учиться. Мы часто видим у изобретателей стремление разрешить крупные задачи без достаточной для этого научной подготовки. — Во-вторых, — продолжал сотрудник, — изобретатель должен знать все, что сделано в его области до него, не то он может запоздать со своим изобретением лет на 50. Один изобретатель изобрел двухконечные спички, которые можно зажигать с двух концов. Изобретатель имел благую цель — экономию древесного материала. Но его труды пропали даром.

— Почему? — спросил я.

— Потому что такие спички изобрели уже в Германии 20 лет тому назад, — ответил сотрудник. — В-третьих, всякое изобретение должно быть экономно. Один человек изобрел способ механической разводки пилы. Способ сложный и дорогой. А к чему он? Разводка пилы от руки и проще, и удобней, и дешевле. Наконец, всякое изобретение должно быть разумно. К нам в год поступает свыше 20 000 заявок на изобретения. Среди очень ценных и полезных изобретений попадается немало изобретений вздорных и нелепых.

— Вот как раз это второе, о чем я хотел вас расспросить, — сказал я сотруднику патентного отдела.

— Кое-что я вам могу рассказать, — сказал сотрудник,— слыхали вы о таком Мясковском?

— Нет, — сказал я, — не слыхал.

— Замечательный человек этот Мясковский, — сказал сотрудник, — к нам от него поступает множество бесполезных и нелепых изобретений. Вот одно из них.

Сотрудник порылся в папках, нашел бумажку и прочел:

«Зонтик для работающих в поле. Делается он так: на деревянные стойки натягивается полотно. Стойки ставятся на колеса. Ты работаешь на поле и по мере работы на другом месте передвигаешь за собой палатку».

— Да зачем же это надо? — спросил я.

— То-то и оно-то, что не надо, — сказал сотрудник. — А вот вам изобретение другого такого же изобретателя: «способ раскроя платья: животное (изобретатель, по-видимому, подразумевает шкуру убитого животного) рубят на две части. Срезывается шея и хвост и получаются два пиджака. Один из них со стоячим воротником». Портных не надо, — сказал сотрудник, — а вот вам новый способ самосогревания.

— Какой же это способ, — спросил я.

— Способ простой, — ответил сотрудник, — проще быть не может.

Он достал другую бумажку и прочел: Способ самосогревания: дыши себе под одеяло, и тепло изо рта будет омывать тело. Одеяло же сшей в виде мешка.

Я захохотал.

— Это еще что, — сказал сотрудник, улыбаясь, — тут нам один человек принес способ окраски лошадей.

— Зачем же их красить, — спросил я.

— Ясно, что ни к чему, — сказал сотрудник, — но вы послушайте способ окраски: «чтобы окрасить лошадь в другой цвет, надо связать ей передние и задние ноги и опустить ее в чан с кипяченым молоком».

Я хохотал на всю комнату.

— Подождите, — крикнул сотрудник, — вы прочтите вот это объявление из американской газеты. Оно перепечатано в советском журнале «Изобретатель».

Я взял журнал и прочел следующее. «Ново! Небывало! Необходимо всем и каждому! Прибор, помещающийся на голове, при помощи которого шляпа снимается автоматически. Достаточно небольшого наклона головы, чтобы шляпа приветственно поднялась вверх. Незаменимо, когда обе руки заняты чемоданами».

Едва я успел дочитать до конца, как в комнату ворвался человек.

— Я опять к вам, — крикнул он сотруднику патентного отдела.

На лице сотрудника выразился испуг. Я оглянулся и увидел человека в мохнатой шапке, в валеных сапогах и с огромной папкой под мышкой. Я сразу узнал его — это был Астатуров. Но Астатуров, не замечая меня, подлетел к столу, разложил папку и крикнул:

— Я изобрел новую детскую игру «Друг за другом». Хочу получить на нее патент. Сейчас я

вам ее покажу.

— Да это и не надо, — сказал сотрудник. — Вы подайте заявку на патент и напишите объяснение.

Но Астатуров не слушал сотрудника, он уже расставил фигуры по местам и объяснял.

— Первая фигура изображает корову и называется «корова». Вторая — самовар и называется «самовар», третья — паровоз и называется «паровоз», четвертая человека и называется «врач».

— Хорошо, — сказал сотрудник, — но вы подайте письменное заявление.

Астатуров продолжал.

— Игроки начинают играть: первый игрок передвигает желтую корову, второй передвигает синюю, первый — желтый самовар, второй — синий... Постепенно фигуры идут навстречу друг другу, и, наконец, меняются местами...

— Да вы подайте же заявление, — перебил Астатурова сотрудник патентного отдела.

— Слушайте дальше, — кричал Астатуров, — переменявшись местами, фигуры идут обратно в том же порядке.

— Ну и что же? — спросил сотрудник.

— Всё, — торжествующе сказал Астатуров.

— Да какая же это игра? — сказал сотрудник патентного отдела. Но тут я не выдержал и рассмеялся.

— Смеетесь, — крикнул Астатуров, — и без вас обойдусь.

Он схватил свою шапку и выбежал из комнаты. Я кинулся следом за ним. Астатуров промчался по двум-трем улицам, и я видел, как он

завернул в большой магазин детских игрушек.

Я постоял немного на улице, а потом не вытерпел и заглянул в магазин.

Астатуров стоял перед прилавком и говорил:

— Третья фигура паровоз и называется «паровоз», четвертая — человек и называется «врач».

1930

66
ПРОФЕССОР ТРУБОЧКИН

<1>

В редакцию Чижа вошел человек маленького роста, с черной косматой бородой, в длинном черном плаще и в широкополой черной шляпе. Под мышкой этот человек держал огромный конверт, запечатанный зеленой печатью.

— Я — знаменитый профессор Трубочкин, — сказал тоненьким голосом этот странный человек.

— Ах, это вы профессор Трубочкин! — сказал редактор. — Мы давно ждем вас. Читатели нашего журнала задают нам различные вопросы. И вот мы обратились к вам, потому что только вы можете ответить на любой вопрос. Мы слыхали, что вы знаете все.

— Да, я знаю все, — сказал профессор Трубочкин. — Я умею управлять аэропланом, трамваем и подводной лодкой. Я умею говорить по-

русски, по-немецки, по-турецки, по-самоедски и по-фистольски. Я умею писать стихи, читать книжку, держа ее вверх ногами, стоять на одной ноге, показывать фокусы и даже летать.

— Ну, это уж невозможно, — сказал редактор.

— Нет, возможно, — сказал профессор Трубочкин.

— А ну-ка полетите, — сказал редактор.

— Пожалуйста, — сказал профессор Трубочкин и влез на стол. Профессор разбежался по столу, опрокинул чернильницу и банку с клеем, сбросил на пол несколько книг, порвал чью-то рукопись и прыгнул на воздух. Плащ профес-

сора распахнулся и защелкал над головой редактора, а сам профессор замахал руками и с грохотом полетел на пол.

Все кинулись к профессору, но профессор вскочил на ноги и сказал:

— Я делаю всё очень скоро. Я могу сразу сложить два числа любой величины.

— А ну-ка, — сказал редактор, — сколько будет три и пять?

— Четыре, — сказал профессор.

— Нет, — сказал редактор, — вы ошиблись.

— Ах да, — сказал профессор, — девятнадцать!

— Да нет же, — сказал редактор, — вы ошиблись опять. У меня получилось восемь.

Профессор Трубочкин разгладил свою бороду, положил на стол конверт с зеленой печатью и сказал:

— Хотите я вам напишу очень хорошие стихи?

— Хорошо, — сказал редактор.

Профессор Трубочкин подбежал к столу, схватил карандаш и начал быстро-быстро писать. Правая рука профессора Трубочкина стала вдруг мутной и исчезла.

— Готово, — сказал профессор Трубочкин, протягивая редактору лист бумаги, мелко-мелко исписанный.

— Куда девалась ваша рука, когда вы писали? — спросил редактор.

— Ха-ха-ха! — рассмеялся профессор. — Это когда я писал, я так быстро двигал рукой, что вы перестали ее видеть.

Редактор взял бумагу и начал читать стихи:

Жик жик жик.
Фок фок фок.
Рик рик рик.
Шук шук шук.

— Что это такое? — вскричал редактор, — я ничего не понимаю.

— Это по-фистольски, — сказал профессор Трубочкин.

— Это такой язык? — спросил редактор.

— Да, на этом языке говорят фистольцы, — сказал профессор Трубочкин.

— А где живут фистольцы? — спросил редактор.

— В Фистолии, — сказал профессор.

— А где Фистолия находится? — спросил редактор.

— Фистолия находится в Компотии, — сказал профессор.

— А где находится Компотия? — спросил редактор.

— В Чучечии, — сказал профессор.

— А Чучечия?

— В Бамбамбии.

— А Бамбамбия?

— В Тилипампампии.

— Простите, профессор Трубочкин, что с вами? — сказал вдруг редактор, вытаращив глаза. — Что с вашей бородой?

Борода профессора лежала на столе.

— Ах! — крикнул профессор, схватил бороду и бросился бежать.

— Стойте! — крикнул редактор.

— Держите профессора! — крикнул художник Тутин.

— Держите! держите! держите его! — закричали все и кинулись за профессором. Но профессора и след простыл.

В коридоре лежал плащ профессора, на площадке лестницы — шляпа, а на ступеньках — борода.

А самого профессора не было нигде.

По лестнице вниз спускался мальчик в серой курточке.

Редактор и художник вернулись в редакцию.

— Смотрите, остался конверт! — крикнул писатель Колпаков.

На столе лежал конверт, запечатанный зеленой печатью. На конверте было написано:

«В редакцию журнала „Чиж"».

Редактор схватил конверт, распечатал его, вынул из конверта лист бумаги и прочел:

«Здравствуй, редакция „Чижа".

Я только что вернулся из кругосветного путешествия. Отдохну с дороги и завтра приду к вам.

Я знаю всё и буду давать ответы на все вопросы ваших читателей.

Посылаю вам свой портрет. Напечатайте его на обложке „Чижа" № 7.

Это письмо передаст вам Федя Кочкин.

Ваш профессор Трубочкин».

— Кто это Федя Кочкин? — спросил писатель Колпаков.

— Не знаю, — сказал редактор.

— А кто же это был у нас и говорил, что он

профессор Трубочкин? — спросил художник Тутин.

— Не знаю. Не знаю, — сказал редактор. — Подождем до завтра, когда придет настоящий профессор Трубочкин и сам все объяснит. А сейчас я ничего не понимаю.

<2>

Писатель Колпаков, художник Тутин и редактор «Чижа» сидели в редакции и ждали знаменитого профессора Трубочкина, который знает решительно все.

Профессор обещал придти ровно в 12 часов, но вот уже пробило два, а профессора все еще нет.

В половине третьего в редакции зазвонил телефон. Редактор подошел к телефону.

— Я слушаю, — сказал редактор.

— Ба-ба-ба-ба-ба, — раздались в телефоне страшные звуки, похожие на пушечные выстрелы.

Редактор вскрикнул, выпустил из рук телефонную трубку и схватился за ухо.

— Что случилось? — крикнули писатель Колпаков и художник Тутин и кинулись в редактору.

— Оглушило, — сказал редактор, прочищая пальцем ухо и тряся головой.

— Бу-бу-бу-бу-бу! — неслось из телефонной трубки.

— Что же это такое? — спросил художник Тутин.

— А кто его знает, что это такое! — крикнул редактор, продолжая мотать головой.

— Подождите, — сказал писатель Колпаков, — мне кажется, я слышу слова.

Все замолчали и прислушивались.

— Бу-бу-бу... буду... бу-бу... больше... боль... валы балу... ту-бу-бу! — неслось из телефонной трубки.

— Да ведь это кто-то говорит таким страшным басом! — крикнул художник Тутин.

Редактор сложил ладони рупором, поднес их к телефонной трубке и крикнул туда:

— Алло! Алло! Кто говорит?

— Великан Бобов-бов-бов-бов! — послышалось из телефонной трубки.

— Что? — удивился редактор. — Великанов же не бывает!

— Не бывает, а я великан Бобов, — ответила с треском трубка.

— А что вам от нас нужно? — спросил редактор.

— Вы ждете к себе профессора Трррррубочкина? — спросил голос из трубки.

— Да, да, да! — обрадовался редактор. — Где он?

— Хра-хра-хра-хра-хра! — захохотала трубка с таким грохотом, что редактору, писателю Колпакову и художнику Тутину пришлось зажать свои уши.

— Это я! Это я! — хра!-хра!-хра! поймал профессора Трррррубочкина. И не пущу его к вам — ам-ам-ам! — кричал странный голос из трубки.

— Профессорррр Трррррубочкин мой врач рач-рач-рач, рык эрык кыкырык... — затрещало что-то в трубке и вдруг стало тихо. Из телефонной трубки шел дым.

— Этот страшный великан кричал так громко, что, кажется, сломал телефон, — сказал редактор.

— Но что ж с профессором? — спросил писатель Колпаков.

— Надо спасать профессора! — крикнул редактор. — Бежим к нему на помощь!

— Но куда? — спросил художник Тутин. — Мы даже не знаем, где живет этот великан Бобов.

— Что же делать? — спросил писатель Колпаков. Вдруг опять зазвонил телефон.

— Телефон не сломан! — крикнул редактор и подбежал к телефону.

Редактор снял телефонную трубку и вдруг опять повесил ее на крючок. Потом опять снял трубку, крикнул в нее:

— Алло! Я слушаю, — и отскочил от трубки шагов на пять.

В трубке что-то очень слабо защелкало. Редактор подошел ближе и поднес трубку к уху.

— С вами говорит Федя Кочкин, — послышалось из телефонной трубки.

— Да, да, я слушаю! — крикнул редактор.

— Профессор Трубочкин попал к великану Бобову. Я бегу спасать профессора Трубочкина. Ждите моего звонка. До свидания. — И редактор услышал, как Федя Кочкин повесил трубку.

— Федя Кочкин идет спасать профессора Трубочкина, — сказал редактор.

— А что же делать нам? — спросил писатель Колпаков.

— Пока нам придется только ждать.

<3>
Секретное письмо

Я, писатель Колпаков, получил сейчас телеграмму от Феди Кочкина. Федя сообщает, что он нашел профессора Трубочкина и великана Бобова, и послезавтра приведет их в редакцию. Я сказал об этом только художнику Тутину. Больше об этом никто ничего не знает. Вы, ребята, тоже молчите, никому не говорите, что скоро профессор Трубочкин придет в редакцию. Вот-то все удивятся! А я вам в 12-м номере «Чижа» расскажу, как все произошло.

Писатель Колпаков

<4>

В редакции «Чижа» был страшный беспорядок. На столах, на стульях, на полу и на подоконниках лежали кучи писем с вопросами читателей к профессору Трубочкину.

Редактор сидел на тюке писем, ел булку с маслом и раздумывал, — как ответить на вопрос: «почему крокодил ниже бегемота?»

Вдруг в коридоре раздался шум, топот, дверь распахнулась — и в редакцию вбежали писатель Колпаков и художник Тутин.

— Ура! Ура! — крикнул художник Тутин.

— Что случилось?

Тут дверь опять отворилась и в редакцию вошел мальчик в серой курточке.

— Это еще кто такой? — удивился редактор.

— Ура-а! — вскричали Колпаков и Тутин.

На шум в редакцию Чижа собрались люди со всего издательства. Пришли: водопроводчик

Кузьма, и типограф Петров, и переплетчик Рындаков, и уборщица Филимонова, и лифтер Николай Андреич, и машинистка Наталья Ивановна.

— Что случилось? — кричали они.

— Да что же это такое? — кричал редактор.

— Ура-а! — кричал мальчик в серой курточке.

— Ура-а! — подхватили писатель Колпаков и художник Тутин.

Никто ничего не мог понять.

Вдруг в коридоре что-то стукнуло раза четыре, что-то хлопнуло, будто выстрелило, и согнувшись, чтобы пролезть в дверь, вошел в редакцию человек такого огромного роста, что, когда он выпрямился, голова его почти коснулась потолка.

— Вот и я, — сказал этот человек таким страшным голосом, что задребезжали стекла, запрыгала на чернильнице крышка и закачалась лампа.

Машинистка Наталья Ивановна вскрикнула, переплетчик Рындаков спрятался за шкап, раздевальщик Николай Андреич почесал затылок, а редактор подошел к огромному человеку и сказал:

— Кто вы такой?

— Кто я такой? — переспросил огромный человек таким громким голосом, что редактор зажал уши и замотал головой.

— Нет, уж вы лучше молчите! — крикнул редактор.

В это время в редакцию вошел коренастый человек, с черной бородкой и блестящими глазами. Одет он был в кожаную куртку, на голове его была кожаная фуражка.

Войдя в комнату, он снял фуражку и сказал:

— Здравствуйте.

— Смотрите-ка! — крикнул типограф Петров, — его портрет был помещен в седьмом номере «Чижа».

— Да ведь это профессор Трубочкин! — крикнула уборщица Филимонова.

— Да, я профессор Трубочкин, — сказал человек в кожаной куртке. — А это мой друг великан Бобов, а этот мальчик — мой помощник, Федя Кочкин.

— Ура! — крикнул тогда редактор.

— Я был у великана Бобова, — сказал профессор. — Два месяца подряд мы вели с ним научный спор о том, кто сильнее: лев или тигр. Мы бы еще долго спорили, но пришел Федя Кочкин и сказал нам, что читатели «Чижа» ждут ответов на свои вопросы.

— Давно ждут, — сказал редактор и показал рукой на груды открыток и конвертов, больших пакетов и маленьких записок. — Видите, что у нас тут делается. Это все вопросы от наших читателей.

— Ну, теперь я на все отвечу, — сказал профессор Трубочкин. — Бобов, собери, пожалуйста, все эти конверты и бумажки, и снеси их, пожалуйста, ко мне на дом, пожалуйста.

Бобов засучил рукава, достал из кармана канат, связал из писем и пакетов четыре огромных тюка, взвалил их себе на плечи и вышел из редакции.

— Ну вот, — сказал профессор Трубочкин, — тут осталось еще штук двести писем. На эти я отвечу сейчас.

Профессор Трубочкин сел к столу, а Федя Кочкин стал распечатывать письма и класть их стопочкой перед профессором. Федя Кочкин делал это так быстро, что у всех присутствующих закружились головы, и они вышли из редакции в коридор.

Последним вышел редактор.

— Ура! — сказал редактор. — Теперь все наши читатели получат ответы на свои вопросы.

— Нет, не все, — сказали писатель Колпаков и художник Тутин, —

А ТОЛЬКО ТЕ,
КТО ПОДПИШЕТСЯ
НА «ЧИЖ»
НА
1934 ГОД.

1933

67

КАК МАША ЗАСТАВИЛА ОСЛА ВЕЗТИ ЕЕ В ГОРОД

Вот осел везет таратайку, а в таратайке едет Маша. Светит солнце. На деревьях растут яблоки.

Вдруг осел остановился.

Маша сказала ослу: «Ну, пожалуйста. Поезжай в город». А осел помахал хвостом и остался стоять на месте.

Маша показала ослу кнут и сказала: «Посмотри, что у меня есть». Но осел только пошевелил ушами и остался стоять на месте.

Тогда Маша выпрягла осла из таратайки. И опять запрягла его в таратайку, но только хвостом вперед.

Потом Маша достала ножницы и срезала у осла кусочек гривы. Осел с удивлением смотрел на Машу.

Маша села опять в таратайку и, сделав из гривы усы и бороду, наклеила их себе на лицо.

Осел вытаращил глаза и в ужасе начал пятиться.

Осел пятился и тащил за собой таратайку. И вот, таким образом, Маша и приехала в город.

Д.Хармс
1934

68

Одного мальчика спросили:

— Слушай, Вова, как ты можешь принимать рыбий жир? Это же так невкусно!

— А мне мама каждый раз, как выпью ложку рыбьего жира, даёт гривенник, — сказал Вова.

— А что же ты делаешь с этими гривенниками? — спросили Вову.

— А я кладу их в копилку, — сказал Вова.

— Ну а потом что же? — спросили Вову.

— А потом, когда у меня в копилке накапливается два рубля, — сказал Вова, — то мама вынимает их из копилки и покупает мне опять бутылку рыбьего жира.

<Середина 1930-х>

69

I

Однажды лев, слон, жирафа, олень, страус, лось, дикая лошадь и собака поспорили, кто из них быстрее всех бегает.

Спорили, спорили и чуть было не подрались.

Услыхал Гриша Апельсинов, что звери спорят, и говорит им:

— Эх вы, глупые звери! Зря вы спорите! Вы лучше устройте состязание. Кто первый вокруг озера обежит, тот значит и бегает быстрее всех.

Звери согласились, только страус сказал, что он не умеет вокруг озера бегать.

— Ну и не бегай, — сказал ему лось.

— А вот побегу, — сказал страус.

— Ну и беги! — сказал жираф.

Звери выстроились в ряд, Гриша Апельсинов махнул флажком и звери побежали.

II

Лев несколько скачков сделал, устал и пошёл под пальмами отдохнуть.

Остальные звери дальше бегут. Впереди всех страус несётся, а за ним лось и жирафа.

Вот страус испугался, чтобы его жирафа и лось не обогнали, повернул к ним голову и крикнул:

— Эй, слушайте! Давайте из озера всю воду выпьем! Все звери вокруг озера побегут, а мы прямо по сухому дну поперёк побежим и раньше всех прибежим!

— А ведь верно! — сказали лось и жирафа, остановились и начали из озера воду пить.

А страус подумал про себя:

— Вот дураки! Пускай они воду пьют, а я дальше побегу.

И страус побежал дальше, да только забыл голову повернуть и, вместо того, чтобы вперёд бежать, побежал обратно.

III

А лось и жирафа пили пили, пили пили, наконец, жирафа говорит:

— Я больше не могу.

И лось говорит:

— Я тоже больше не могу.

Побежали они дальше, да уж быстро бежать не могут. Так их от воды раздуло.

А слон увидел это и ну смеяться!

Стоит и смеётся! Стоит и смеётся!

А собаку по дороге блохи заели. Села она и давай чесаться!

Сидит и чешется! Сидит и чешется!

Так что первыми олень и дикая лошадь прибежали.

IV

А слон-то всё стоит и смеётся, стоит и смеётся!

V

А собака-то всё сидит и чешется, сидит и чешется!

VI

А жирафа-то всё бежит!

VII

А слон-то всё смеётся!

VIII

А собака-то всё чешется!

<Середина 1930-х>

70

ЗАЯЦ И ЁЖ

Однажды ёж оступился и упал в реку. Вода в реке была холодная и ёж очень озяб. Хотел ёж на солнце погреться, а погода была пасмурная, солнце было покрыто облаками.

Сел ёж на полянку и стал ждать, когда солнце из-за облаков выглянет.

Сидит ёж на полянке. С него вода капает. Холодно ему.

Вдруг видит — бежит по полянке заяц.

— Эй, заяц! — крикнул ёж. — Пойди-ка сюда!

Подошёл заяц к ежу и говорит:

— Ты чего меня звал?

— Вот, — говорит ёж, — я давно хотел с тобой поговорить. Все говорят, что ты трус. Как тебе не стыдно?

— Да ты что? — удивился заяц. — Зачем же ты меня обижаешь?

— Потому, — сказал ёж, — что ты трус и я хочу научить тебя, как храбрым стать.

— Я и без твоей помощи очень храбрый, — сказал заяц. — Я и так ничего не боюсь.

— Нет, — сказал ёж, — ты трус, а вот я...

Ёж вдруг замолчал, открыл рот, закрыл глаза и поднял голову.

Заяц посмотрел на ежа и испугался.

— Что это с ним? — подумал заяц. — Он, должно быть, сумасшедший!

Заяц прыгнул в сторону и спрятался в кусты.

А ёж дернул головой и вдруг чихнул: а п ч х и!

Потом ёж вытер лапкой нос, открыл глаза, посмотрел и видит: нету зайца.

— Вот так штука! — сказал ёж. — Куда же это он пропал? Эй, заяц, где ты?

А заяц сидит за кустом и молчит.

Ёж собрался домой пойти, но вдруг остановился, закрыл глаза, открыл рот, сначала немного, потом пошире, потом ещё шире и вдруг мотнул головой в сторону и громко чихнул: а п ч х и !

— Будьте здоровы! — сказал кто-то около ежа.

Ёж открыл глаза и увидел перед собой зайца.

— Где ты был? — спросил его ёж.

— Как, где был? — сказал заяц. — Нигде не был. Так всё тут и стоял.

— Не может быть, — сказал ёж, — я тебя не видел. Я тебя даже крикнул, а ты...

Ёж вдруг замолчал, вытянул вперёд свой нос, потом поднял его кверху, потом поднял его ещё выше, потом ещё выше, потом зажмурил глаза, поднял нос ещё выше и вдруг опустил его к самой земле и громко чихнул: а п ч х и !

— У меня, кажется, начинается насморк, — сказал ёж, открывая глаза. И вдруг увидел, что заяц опять исчез.

Ёж посмотрел кругом и почесал лапкой затылок.

— Нет, — сказал ёж. — Этот заяц просто... ап... ап... а п ч х и! — чихнул еж.

— Исполнение желаний! — сказал кто-то около ежа.

Ёж открыл глаза и увидел зайца.

— Да что же это такое? — сказал ёж, пятясь от зайца.

— А что? — спросил заяц.

— Послушай, — сказал ёж, — ты всё время был тут?

— Да, — сказал заяц, — я всё время тут стоял.

— Тогда я ничего не понимаю! — сказал ёж. — То ты исчезаешь, то опять... ап... ап... ап... а п ч х и !

Ёж осторожно открыл один глаз, но сейчас же закрыл его и открыл другой. Зайца не было.

— Он опять исчез! — сказал тихо ёж, открывая оба глаза.

— Это не заяц, а просто... ап... ап... ап... а п - ч х и !

— Будьте здоровы! — сказал заяц над самым ухом ежа.

— Караул! Спасите! — закричал ёж, сворачиваясь шариком и выставляя во все стороны свои острые иголки.

— Ты чего кричишь? — спросил заяц.

— Отстань! — закричал ёж. — Я на тебя смотреть боюсь!

Ты всё время исчезаешь! Я ничего не понимаю! Уходи прочь!

— Подожди, — сказал заяц, — ты хотел научить меня как храбрым стать.

И с этими словами заяц опять прыг в кусты.

— Чтобы стать храбрым, — сказал ёж, высовывая мордочку, но вдруг увидел, что заяц опять исчез.

— Ай-ай-ай! Опять... апчхи! опять исчез! — закричал ёж и кинулся бежать.

Бежит ёж, остановится, чихнёт и дальше бежит. Чихнёт и опять бежит.

А заяц выскочил из кустов и давай смеяться.

— Ха-ха-ха! — смеётся заяц. — Вот храбрец нашёлся! меня храбрости учить хотел! Ха-ха-ха!

Вот какую историю рассказал мне мой знакомый дрозд.

Он сам это всё видел. Потому что невдалеке на дереве сидел.

<Середина 1930-х>

71
СЕМЬ КОШЕК

Вот так история! Не знаю, что делать. Я совершенно запутался. Ничего разобрать не могу.

Посудите сами: поступил я сторожем на кошачью выставку.

Выдали мне кожаные перчатки, чтобы кошки меня за пальцы не цапали, и велели кошек по клеткам рассаживать и на каждой клетке надписывать — как которую кошку зовут.

— Хорошо, — говорю я, — а только как зовут этих кошек?

— А вот, — говорят, — кошку, которая слева, зовут Машка, рядом с ней сидит Пронька, потом Бубенчик, а эта Чурка, а эта Мурка, а эта Бурка, а эта Штукатурка.

Вот остался я один с кошками и думаю: «Выкурю-ка я сначала трубочку, а уж потом рассажу этих кошек по клеткам».

Вот курю я трубочку и на кошек смотрю.

Одна лапкой мордочку моет, другая на потолок смотрит, третья по комнате гуляет, четвертая кричит страшным голосом, еще две кошки друг на друга шипят, а одна подошла ко мне и меня за ногу укусила.

Я вскочил, даже трубку уронил.

— Вот, — кричу, — противная кошка! Ты даже и на кошку-то не похожа. Пронька ты, или Чурка, или, может быть, Штукатурка?

Тут вдруг я понял, что я всех кошек перепутал. Которую как зовут — совершенно не знаю.

— Эй, — кричу, — Машка! Пронька! Бубенчик! Чурка! Мурка! Бурка! Штукатурка!

А кошки на меня ни малейшего внимания не обращают.

Я им крикнул:

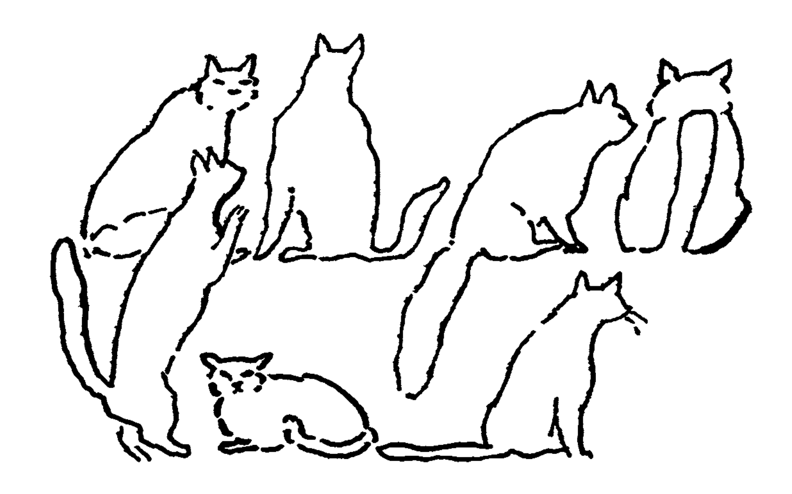
— Кис-кис-кис!

Тут все кошки зараз ко мне свои головы повернули.

Что тут делать?

Вот кошки забрались на подоконник, повернулись ко мне спиной и давай в окно смотреть.

Вот они все тут сидят, а которая тут Штукатурка и которая тут Бубенчик?

Ничего я разобрать не могу.

Я думаю так, что только очень умный человек сумеет отгадать, как какую кошку зовут.

Посмотри на эту картинку и скажи: которая кошка Машка, которая Пронька, которая Бубенчик, которая Чурка, которая Мурка, которая Бурка и которая Штукатурка.

1935

72
СКАЗКА

— Вот, — сказал Ваня, кладя на стол тетрадку, — давай писать сказку.

— Давай, — сказала Леночка, садясь на стул.

Ваня взял карандаш и написал:

«Жил-был король...»

Тут Ваня задумался и поднял глаза к потолку. Леночка заглянула в тетрадку и прочла, что написал Ваня.

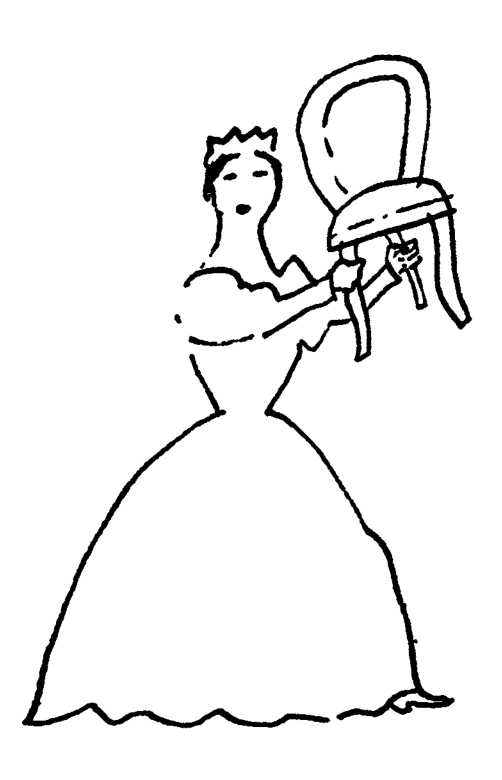
— Такая сказка уже есть, — сказала Леночка.

— А почём ты знаешь? — спросил Ваня.

— Знаю, потому что читала, — сказала Леночка.

— О чем же там говорится? — спросил Ваня.

— Ну, о том, как король пил чай с яблоками и вдруг подавился, а королева стала бить его по спине, чтобы кусок яблока выскочил из горла обратно. А король подумал, что королева дерется, и ударил ее стаканом по голове. Тут королева рассердилась и ударила короля тарелкой. А король ударил королеву миской. А королева ударила короля стулом. А король вскочил и ударил королеву столом. А королева повалила на короля буфет. Но король вылез из-под буфета и пустил в королеву короной. Тогда королева схватила короля за волосы и выбросила его в окошко. Но король влез обратно в комнату через другое окно, схватил королеву и запихал ее в печку. Но королева

вылезла через трубу на крышу, потом спустилась по громоотводу в сад и через окно вернулась обратно в комнату. А король в это время растапливал печку, чтобы сжечь королеву. Королева подкралась сзади и толкнула короля. Король полетел в печку и там сгорел.

— Вот и вся сказка, — сказала Леночка.

— Очень глупая сказка, — сказал Ваня. — Я хотел написать совсем другую.

— Ну, напиши, — сказала Леночка.

Ваня взял карандаш и написал:

«Жил-был разбойник...»

— Подожди! — крикнула Леночка. — Такая сказка уже есть.

— Я не знал, — сказал Ваня.

— Ну, как же, — сказала Леночка, — разве ты не знаешь о том, как один разбойник, спасаясь от стражи, вскочил на лошадь, да сразмаху перевалился на другую сторону и упал на землю. Разбойник выругался и опять вскочил на лошадь, но снова не рассчитал прыжка, перевалился на другую сторону и упал на землю. Разбойник поднялся, погрозил кулаком, прыгнул на лошадь и опять перемахнул через нее и полетел на землю. Тут разбойник выхватил из-за пояса пистолет, выстрелил из него в воздух и опять прыгнул на лошадь, но с такой силой, что опять перемахнул через нее и шлёпнулся на землю. Тогда разбойник сорвал с головы шапку, растоптал ее ногами и опять прыгнул на лошадь и опять перемахнул через нее, шлёпнулся на землю и сломал себе ногу. А лошадь отошла в сторону. Разбойник прихрамывая подбежал к лошади и ударил ее кулаком по лбу. Лошадь убежала. В это

время прискакали стражники, схватили разбойника и отвели его в тюрьму.

— Ну, значит, о разбойнике я писать не буду, — сказал Ваня.

— А о ком же будешь? — спросила Леночка.

— Я напишу сказку о кузнеце, — сказал Ваня.

Ваня написал:

«Жил-был кузнец...»

— Такая сказка тоже есть! — закричала Леночка.

— Ну? — сказал Ваня и положил карандаш.

— Как же, — сказала Леночка. — Жил-был кузнец. Вот однажды ковал он подкову и так взмахнул молотком, что молоток сорвался с рукоятки, вылетел в окно, убил четырех голубей, ударился о пожарную каланчу, отлетел в сторону, разбил окно в доме брандмейстера, пролетел над столом, за которым сидели сам брандмейстер и его жена, проломил стену в доме брандмейстера и вылетел на улицу. Тут он опрокинул на землю фонарный столб, сшиб с ног мороженщика и стукнул по голове Карла Ивановича Шустерлинга, который на минуточку снял шляпу, чтобы проветрить свой затылок. Ударившись об голову Карла Ивановича Шустерлинга, молоток полетел обратно, опять сшиб с ног мороженщика, сбросил с крыши двух дерущихся котов, перевернул корову, убил четырех воробьев и опять влетел в кузницу и прямо сел на свою рукоятку, которую кузнец продолжал еще держать в правой руке. Все это произошло так быстро, что кузнец ничего не заметил и продолжал дальше ковать подкову.

— Ну, значит, о кузнеце уже написана сказка, тогда я напишу сказку о себе самом, — сказал Ваня и написал:

«Жил-был мальчик Ваня...»

— Про Ваню тоже сказка есть, — сказала Леночка. — Жил-был мальчик Ваня, и вот однажды подошел он к ...

— Подожди, — сказал Ваня, — я хотел написать сказку про самого себя.

— И про тебя уже сказка написана, — сказала Леночка.

— Не может быть! — сказал Ваня.

— А я тебе говорю, что написана, — сказала Леночка.

— Да где же написана? — удивился Ваня.

— А вот купи журнал «Чиж» № 7, и там ты прочтешь сказку про самого себя, — сказала Леночка.

Ваня купил «Чиж» № 7 и прочитал вот эту самую сказку, которую только что прочитал ты.

Д.Хармс-Шардам
1935

73
ПРО СОБАКУ БУБУБУ

Жила была очень умная собака. Звали ее Бубубу.

Она была такая умная, что умела даже рисовать.

И вот однажды она нарисовала картину. Но никто не мог понять, что было на картине нарисовано.

Прибежала Мышка-Малышка, посмотрела на картинку, понюхала раму и сказала:

— Нет, я не знаю, что на картине нарисовано. Может быть, сыр, пи-пи-пи! А может быть — свечка, пю-пю-пю!

Пришел петух Ерофей. Встал на цыпочки, посмотрел на картину и сказал:

— Нет, я не знаю, что на картине нарисовано. Может быть, это пшенная каша, ку-ка-реку! А может быть — это деревянное корыто, ре-ку-ка-ре!

Пришла Уточка-Анюточка. Посмотрела на картину с одного бока и сказала:

— Кря-кря-кря!
Это завитушка,
Кря-кря-кря!
Может быть, лягушка.

А потом посмотрела на картину с другого бока и сказала:

— Кря-кря-кря!
Это не лягушка.
Кря-кря-кря!
Это завитушка!

Прибежала обезьяна Марья Тимофеевна, почесала бок, посмотрела на картину и сказала:

— Бал-бал-бал-бал.
Бол-бол-бол-бол.

— Эй! — крикнули обезьяне, — говори понятнее!

А она опять:

— Лок! вок! мок! рок!
Лук! Лак! Лик! Лек!

— А ну тебя! — крикнули обезьяне. — Непонятно ты говоришь!

А обезьяна почесала ногой затылок и убежала.

Наконец, пришел знаменитый художник Иван Иваныч Пнёв. Он долго ерошил волосы и смотрел на картину и наконец сказал:

— Нет, никто не знает, что нарисовано на картине, и я не знаю.

Тут вышла умная собака Бубубу, взглянула на свою картину и закричала:

— Ах-ах! Ав-ав! Да ведь картина-то повернута к вам не той стороной. Ведь вы смотрите на заднюю сторону картины. Вот смотрите!

И с этими словами собака Бубубу повернула картину.

Картина была такая замечательная, что мы решили напечатать ее в 1-м номере журнала «Чиж» 1936 года.

Д.Хармс
1935

74
ХРАБРЫЙ ЁЖ

Стоял на дворе ящик.

Подошли звери к ящику, стали его осматривать, обнюхивать и облизывать.

А ящик-то вдруг раз, два, три — и открылся.

А из ящика-то раз, два, три — змея выскочила.

Испугались звери и разбежались.

Один ёж не испугался, кинулся на змею и раз, два, три — загрыз ее. А потом сел на ящик и закричал: «Кукареку!»

Нет, не так! Ёж закричал: «ав-ав-ав!»

Нет, и не так! Ёж закричал: «мяу-мяу-мяу!»

Нет, опять не так! Я и сам не знаю как.

Кто знает, как ежи кричат?

1935

75

В прошлом году я был на ёлке у своих приятелей и подруг. Было очень весело.

На ёлке у Яшки — играл в пятнашки, на ёлке у Шурки — играл в жмурки, на ёлке у Нинки — смотрел картинки, на ёлке у Володи — плясал в хороводе, на ёлке у Лизаветы — ел шоколадные конфеты, на ёлке у Павлуши — ел яблоки и груши.

А в этом году пойду на ёлку в школу — там будет ещё веселее.

Ваня Мохов
<1935?>

76
ЛОМКА КОСТЕЙ

Был у меня приятель. Звали его Василий Петрович Иванов. В 10 лет он был уже ростом со шкаф, а к 15 годам он и в ширину так раздался, что стал на шкаф походить.

Мы с ним вместе в одной школе учились. В школе его так и звали «шкафом». Очень он был огромный.

И сила была в нем страшная. Мы на него всем классом нападали, а он нас, как щенят, раскидает в разные стороны, а сам стоит посередине и смеется.

Вышел однажды такой случай. Устроили мы в школе вечерний спектакль. И вот, во время самого спектакля, понадобилось зачем-то на сцену поставить кафедру. Кафедру надо было принести из класса, кафедра тяжелая, ну, конечно, обратились к Васе за помощью.

А надо сказать, что во всех классах лампочки были вывернуты, чтобы освещать зал и сцену. А потому в классах было темно.

Вася кинулся за кафедрой в класс, да в темноте вместо кафедры ухватился за печь, выломал ее из стены и выворотил в коридор. Потом пришлось этот класс ремонтировать и новую печь ставить. Вот какой сильный был мой приятель Вася Иванов.

Окончить школу Васе не удалось. К учению он был мало способен и сколько ни учился, так и не мог запомнить, сколько будет семью шесть. Память у него была плохая и сообразительность медленная.

Я из IV класса в V перешел, а Вася на второй год в IV остался. А потом и вовсе из школы ушел и уехал с родителями в Японию.

Вот в Японии-то с ним и произошел случай, о котором я хочу рассказать.

Приехал Вася с родителями в Японию. Родители решили Васю на какую-нибудь службу пристроить. Но служба не подыскивается. Разве если только грузчиком. Да уж очень это невыгодно.

Вот кто-то и сказал Васиным родителям: «Да вы, говорит, пристройте вашего сына борцом. Вон он какой у вас сильный. А японцы борьбу любят. Только они в этом деле большие мастера. Так что пусть ваш сын в их школе борцов поучится. И есть тут такая школа, где учитель японец, господин Курано, по-русски хорошо говорит. Так что вашему сыну там как раз удобно будет. Окончит школу и знаменитым борцом станет».

Обрадовались Васины родители.

— Где же, — говорят, — эта школа помещается?

— Там-то и там, — говорят им, — на такой-то японской улице.

Вот привели Васю родители в японскую школу борьбы. Вышел к ним старичок японец, маленький, желтенький, весь сморщенный, на сморчка похож, посмотрел на них и по-русски спрашивает:

— Вам кого, — спрашивает, — нужно?

— А нам, — говорят Васины родители, — нужно господина Курано, учителя японской борьбы.

Старичок японец посмотрел на Васю, ручки потер и говорит:

— Это я и есть Курано, мастер джиу-джитсу. А вы, я вижу, ко мне ученика привели.

— Ах! — говорят Васины родители, — вот он, наш сын. Научите его вашему искусству.

— Что ж, — говорит японский старичок, — видать, ваш сын довольно сильный молодой человек.

— О! — говорят Васины родители, — такой сильный, что просто ужас!

— Ну это, — говорит японский старичок, — еще не известно. А впрочем, если хотите, я могу взять его на испытание.

— Очень хотим, — говорят Васины родители. — Возьмите, пожалуйста.

И вот Вася остался на испытание у господина Курано, а Васины родители домой ушли.

— Идемте за мной, — сказал господин Курано и повел Васю за собой во внутренние комнаты.

Идет Вася за господином Курано и боится стену плечом задеть, чтобы дом не сломался, такой домик хрупкий, будто игрушечный.

Вот пришли они в комнату, устланную соломенными ковриками. Стены тоже соломенными ковриками обиты. А в комнате ученики господина Курано занимаются: хватают друг друга за руки, на пол валятся, опять вскакивают и друг друга через голову перебрасывают.

Господин Курано постоял немного, посмотрел, что-то по-японски полопотал, руками помахал и опять к Васе по-русски обращается:

— Пусть, — говорит, — мои ученики дальше занимаются, а мы с вами пойдемте вон в ту отдельную комнату.

Вошли они в пустую комнату, тоже обитую соломенными ковриками.

— Ну, — сказал господин Курано, — вы знаете, что такое джиу-джитсу?

— Нет, — говорит Вася, — не знаю.

— А это, — говорит господин Курано, — и есть наша наука борьбы. По-русски слово джиу-джитсу значит «ломка костей», потому что мы такие приемы знаем, что действительно одним ударом ладони даже берцовую кость сломать можем. Только вы не бойтесь, я вам костей ломать не буду.

— Да я и не боюсь, — сказал Вася, — я ведь крепкий.

— Ну, — говорит господин Курано, — на свою крепость вы особенно не надейтесь. Сейчас мы посмотрим, какая ваша крепость. Снимайте вашу куртку и засучите рукава. Я посмотрю, какие у вас на руках мускулы.

Вася снял куртку, засучил рукава и согнул руку. Мускулы на руке вздулись шарами. Японец ощупал Васину руку и покачал головой.

— Вот смотрите, — сказал господин Курано, — мы больше всего ценим вот этот мускул, который у вас довольно слабый.

С этими словами господин Курано засучил свой рукав и показал Васе свою худую и жилистую руку.

— Вот я руку сгибаю, — сказал господин Курано, — вы видите вот тут, сбоку на локте, ша-

рик. Это и есть мускул, который мы ценим больше всего. А у вас-то он слабый. Ну ничего. Со временем и у вас будет крепкий. А теперь возьмите меня под мышки и поднимите.

Вася взял господина Курано под мышки и поднял его легко, как маленький пустой самоварчик.

— Так, — сказал господин Курано, — теперь поставьте меня обратно на землю.

Вася поставил господина Курано на пол.

— Хорошо, — сказал господин Курано, — некоторая сила у вас имеется. А теперь ударьте меня.

— Хы-хы! — сказал Вася. — Как же это я вас ударю?

— А так, возьмите и ударьте! — сказал господин Курано.

— Мне как-то совестно! — сказал Вася.

— Ах! — с досадой сказал господин Курано. — Какие глупости! Говорят вам, ударьте меня! Ну? Ну, ударьте же!

Вася посмотрел на господина Курано. Это был маленький жиденький старичок, чуть не в два раза меньше Васи, с морщинистым личиком и прищуренными глазками. Один Васин кулак был не меньше головы господина Курано.

«Что же, — подумал Вася, — я его ударю, а он тут же и скончается».

— Ну же, ударьте меня! ударьте меня! — кричал господин Курано.

Вася поднял руку и нерешительно толкнул господина Курано в плечо.

Господин Курано слегка покачнулся.

— Это не удар! — крикнул он. — Надо бить сильнее!

Вася слегка ударил господина Курано в грудь.

— Сильнее! — крикнул господин Курано.

Вася ударил сильнее. Господин Курано покачнулся, но продолжал стоять на ногах.

— Сильнее! — крикнул он.

Вася ударил еще сильнее. Господин Курано сильнее покачнулся, но все же на ногах устоял.

«Ишь ты», — подумал Вася.

— Сильнее! — крикнул господин Курано.

«Ладно же», — подумал Вася, развернулся и что есть силы ударил кулаком господина Курано. Но господина Курано перед Васей не оказалось, и Вася, не встретив сопротивления, пробежал несколько шагов и стукнулся об стену.

— Ишь вьюн какой! — сказал Вася.

А господин Курано уже опять стоял перед Васей и, гримасничая лицом, говорил:

— Не унывайте же, молодой человек! Еще раз ударьте меня, да посильнее!

«Ах так! — подумал Вася, — я тебя, сморчок, сейчас пристукну! — и решил бить сильно, но осторожно, с расчетом, чтоб не упасть.

Вася размахнулся уже рукой, как вдруг сам получил в бок электрический удар. Вася вскрикнул и схватил господина Курано за шею. Но господин Курано нырнул куда-то вниз, и Вася вдруг потерял равновесие и, перелетев через японца, шлепнулся на пол.

— А! — крикнул Вася и вскочил на ноги. Но тут же получил по ногам удар и опять потерял равновесие.

Господин Курано схватил Васю за руки и дернул куда-то в сторону. Вася переступил ногами и опять почувствовал себя в устойчивом положении, но только собрался схватить господина Курано, как опять получил удар в бок и вдруг, очутившись головой вниз, чиркнул ногами по потолку и, перелетев через японца, опять шлепнулся на пол.

Вася вскочил, дико озираясь, но сейчас же опять полетел вокруг японца и очутился на полу в лежачем положении.

Совершенно ошалев, Вася вскочил с пола и кинулся к двери.

— Куда же вы? — крикнул ему господин Курано.

Но Вася выскочил в комнату, где занимались ученики господина Курано.

Растолкав их, он выбежал в коридорчик, а оттуда на улицу.

Домой Вася прибежал без куртки с всклокоченными волосами.

— Что с тобой? — вскрикнула Васина мама.

— Где твоя куртка? — вскричал Васин папа.

В Японии Васе не понравилось, и он вернулся обратно в Ленинград.

Теперь Василий Петрович Иванов живет в Ленинграде и служит в автобусном парке. Его работа заключается в том, что он перетаскивает с места на место испорченные автобусы.

Мне, как школьному товарищу, он рассказал историю с японским учителем джиу-джитсу, но вообще же рассказывать об этом он не любил.

<1935>

77
ПУШКИН

Вот однажды подошел ко мне Кирилл и сказал:

— А я знаю наизусть «Буря мглою небо кроет, вихри снежные крутя».

— Очень хорошо, —сказал я. — А тебе нравятся эти стихи?

— Нравятся, — сказал Кирилл.

— А ты знаешь, кто их написал? — спросил я Кирилла.

— Знаю, — сказал он.

— Кто? — спросил я Кирилла.

— Пушкин, — сказал Кирилл.

— А ты понимаешь, про что там написано? — спросил я.

— Понимаю, — сказал Кирилл, — там написано про домик и про старушку.

— А ты знаешь, кто эта старушка? — спросил я.

— Знаю, — сказал Кирилл, — это бабушка Катя.

— Нет, — сказал я, — это не бабушка Катя. Эту старушку зовут Арина Родионовна. Это няня Пушкина.

— А зачем у Пушкина няня? — спросил Кирилл.

— Когда Пушкин был маленький, у него была няня. И когда маленький Пушкин ложился спать, няня садилась возле его кроватки и рассказывала ему сказки или пела длинные русские песни. Маленький Пушкин слушал эти сказки и песни и просил няню рассказать или спеть ему ещё.

Но няня говорила: «Поздно. Пора спать». И маленький Пушкин засыпал.

— А кто такой Пушкин? — спросил Кирилл.

— Как же ты выучил стихи Пушкина наизусть и не знаешь, кто он такой! — сказал я. — Пушкин это великий поэт. Ты знаешь, что такое поэт?

— Знаю, — сказал Кирилл.

— Ну скажи, что такое поэт, — попросил я Кирилла.

— Поэт, это который пишет стихи, — сказал Кирилл.

— Верно, — сказал я, — поэт пишет стихи. А Пушкин великий поэт. Он писал замечательные стихи. Всё, что написал Пушкин, — замечательно.

— Ты говоришь, Пушкин был маленький, — сказал Кирилл.

— Нет, — сказал я. — Ты меня не так понял. Сначала Пушкин был маленький, как и все люди, а потом вырос и стал большим.

— А когда он был маленький, он писал стихи? — спросил Кирилл.

— Да, писал, — сказал я. — Но сначала он начал писать стихи по-французски.

— А почему он писал сначала по-французски? — спросил меня Кирилл.

— Видишь ли ты, — сказал я Кириллу. — В то время, когда жил Пушкин, в богатых домах было принято разговаривать на французском языке. И вот родители Пушкина наняли ему учителя французского языка. Маленький Пушкин говорил по-французски так же хорошо, как и по-русски, прочитал много французских книг и начал сам писать французские стихи. С родителями Пушкин говорил по-французски, с учителем по-французски, с сестрой тоже по-французски. Только с бабушкой и с няней маленький Пушкин говорил по-русски. И вот, слушая нянины сказки и песни, Пушкин полюбил русский язык и начал писать стихи по-русски.

В это время часы, висевшие на стене, пробили два часа.

— Ну, — сказал я Кириллу, — тебе пора идти гулять.

— Ой, нет, — сказал Кирилл. — Я не хочу гулять. Расскажи мне ещё про Пушкина.

— Хорошо, — сказал я, — я расскажу тебе о том, как Пушкин стал великим поэтом.

Кирилл забрался на кресло с ногами и приготовился слушать.

— Ну так вот, — начал я, — когда Пушкин под-

рос, его отдали в Лицей. Ты знаешь, что такое Лицей?

— Знаю, — сказал Кирилл, — это такой пароход.

— Нет, что ты! — сказал я. — Какой там пароход! Лицей — это так называлась школа, в которой учился Пушкин. Это была тогда самая лучшая школа. Мальчики, которые учились там, должны были жить в самом Лицее. Их учили самые лучшие учителя и Лицей посещали знаменитые люди.

В Лицее вместе с Пушкиным училось тридцать мальчиков. Многие из них были тоже молодыми поэтами и тоже писали стихи. Но Пушкин писал стихи лучше всех.

Пушкин писал очень много, а иногда бывали дни, когда он писал стихи почти всё время: и на уроке в классе, и на прогулке в парке и даже проснувшись утром в кровати он брал карандаш и бумагу и начинал писать стихи. Иногда ему стихи не удавались. Тогда он кусал от досады карандаш, зачеркивал слова и надписывал их вновь, исправлял стихи и переписывал их несколько раз. Но когда стихи были готовы, они получались всегда такие лёгкие и свободные, что казалось, будто Пушкин написал их безо всякого труда.

Лицейские товарищи Пушкина читали его стихи и заучивали их наизусть. Они понимали, что Пушкин становится замечательным поэтом. А Пушкин писал стихи всё лучше и лучше.

И вот однажды в Лицей на экзамен приехал старик Державин...

— А зачем он приехал? — спросил меня Кирилл.

— Ах да, — сказал я, — ведь ты, может быть, не знаешь, кто такой Державин. Державин тоже великий поэт, и до Пушкина думали, что Державин самый лучший поэт, царь поэтов.

Державин был уже очень стар. Он приехал в Лицей, уселся в кресло и на воспитанников Лицея смотрел сонными глазами.

Но когда вышел Пушкин и звонким голосом начал читать свои стихи, Державин сразу оживился. Пушкин стоял в двух шагах от Державина и громко и сильно читал свои стихи. Голос его звенел.

Державин слушал. В глазах его показались слёзы.

Когда Пушкин кончил, Державин поднялся с кресла и кинулся к Пушкину, чтобы обнять его и поцеловать нового замечательного поэта. Но Пушкин, сам не понимая, что он делает, повернулся и убежал. Его искали, но нигде не могли найти.

— А где же он был? — спросил меня Кирилл.

— Не знаю, — сказал я. — Должно быть, куда-нибудь спрятался. Уж очень он был счастлив, что его стихи понравились Державину!

— А Державин? — спросил меня Кирилл.

— А Державин, — сказал я, — понял, что ему на смену появился новый великий поэт, может быть, ещё более великий, чем он сам.

Кирилл сидел на кресле некоторое время молча. А потом вдруг неожиданно спросил меня:

— А ты видел Пушкина?

— И ты можешь посмотреть на Пушкина, — сказал я. — В этом журнале помещён его портрет.

— Нет, — сказал Кирилл, — я хочу посмотреть на живого Пушкина.

— Это невозможно, — сказал я. — Пушкин умер ровно сто лет тому назад. Теперь нам дорого всё, что осталось от Пушкина. Все его рукописи, каждая даже самая маленькая записка, написанная им, гусиное перо, которым он писал, кресло, в котором он когда-то сидел, письменный стол, за которым он работал, — всё это хранится в Ленинграде в Пушкинском музее.

<А в Селе Михайловском ещё до сих пор стоит маленький домик, в котором когда-то жила пушкинская няня Арина Родионовна. Про этот домик и про свою няню Пушкин писал стихи. Это те стихи, которые ты выучил сегодня наизусть>.

Хармс
18 декабря 1936 года

Д. ХАРМС
ТОМ 3

ДРАМАТИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

78
ЦИРК ШАРДАМ
Представление в 2-х действиях

I отделение

Вертунов (*вздыхает, сидит на просцениуме, подпирает голову рукой, опять вздыхает. На сцену выходит директор. Играет музыка. Директор кланяется. Музыка замолкает*).

Директор (*в публику*). Здравствуйте.

Вертунов (*печально*). Прощайте.

Директор (*в публику*). Кто сказал «прощайте»? Никто не сказал? Ну, хорошо...

Вертунов (*вздыхая*). Нет, нехорошо.

Директор. Кто сказал «нехорошо»? Никто не сказал? Та-ак...

Вертунов. Нет, не так.

Директор. Да что же это такое!?

Вертунов. Ох-ох-ох.

Директор. Кто это вздыхает? Где он? Может быть, он под стулом? Нет. Может быть, за стулом? Тоже нет. Эй, слушайте! где вы?

В е р т у н о в. Я тут.

Д и р е к т о р. Что вы тут делаете?

В е р т у н о в. Ничего я не делаю, а просто сижу.

Д и р е к т о р. Зачем же вы нам мешаете?

В е р т у н о в. Никому я не мешаю.

Д и р е к т о р. Как же не мешаете, когда не даете мне говорить!

В е р т у н о в. А вы себе говорите да говорите.

Д и р е к т о р. Послушайте! Разве вы не знаете, что это кукольный цирк и мы должны начинать наше представление. А вы тут сидите.

В е р т у н о в (*вскакивая*). Это кукольный цирк! Да ведь я вас уже второй месяц ищу! Думал, и не найду никогда. Вот радость-то! Нет уж, дозвольте, я вас поцелую. (*Целует директора*).

Д и р е к т о р (*отбиваясь*). Позвольте, позвольте. Кто вы такой и что вам нужно?

В е р т у н о в. Зовут меня Вертунов, и хочу я у вас на сцене выступать.

Д и р е к т о р. Что же вы на сцене делать будете?

В е р т у н о в. Да что прикажете, то и буду делать.

Д и р е к т о р. Гм... По канату ходить умеете?

В е р т у н о в. Нет, по канату ходить не умею.

Д и р е к т о р. Гм. А на руках по полу ходить умеете?

В е р т у н о в. Нет. Это тоже не умею.

Д и р е к т о р. Гм... Так что же вы умеете?

В е р т у н о в. Я, видите ли, умею летать.

Д и р е к т о р. Летать? Это как же летать?

В е р т у н о в. Ну, как летать. Знаете, просто так, по-обыкновенному: поднимусь от пола и полечу.

Д и р е к т о р. Ну, вы мне голову не морочьте. Человек летать не может.

В е р т у н о в. Нет, может.

Д и р е к т о р. Нет, не может.

В е р т у н о в. А я говорю, может!

Д и р е к т о р. А ну, полетите.

В е р т у н о в. Вот и полечу!

Д и р е к т о р. Ну, летите, летите!

В е р т у н о в. Вот и полечу!

Д и р е к т о р. Ну что же вы не летите?

В е р т у н о в. Я умею по-собачьи лаять. Может, вам нужен такой номер?

Д и р е к т о р. Ну, полайте.

В е р т у н о в. Ав-ав-ав-ав! (*Совершенно непохоже на собачий лай*).

Д и р е к т о р. Нет, такого номера нам не нужно.

В е р т у н о в. А может, нужно?

Д и р е к т о р. Говорят вам, не нужно.

В е р т у н о в. А может, все-таки...

Д и р е к т о р. Слушайте, сейчас мы начинаем наше представление. Прошу вас, уйдите со сцены.

В е р т у н о в. Я на одной ноге стоять умею. (*Становится на одну ногу*).

Д и р е к т о р. Уходите, уходите.

В е р т у н о в (*уходит, но из-за кулис говорит*). Я хрюкать умею: хрю-хрю-хрю. (*Совершенно непохоже на хрюканье*).

Директор. Уходите, говорят вам. (*Вертунов исчезает*). Ух, какой надоедливый! (*откашливается и говорит в публику*). Кхм, кхм... Начинаем наше цирковое представление...

Вертунов (*из-за кулис*). Я умею ржать. (*Директор оглядывается. Вертунов исчезает*).

Директор (*в публику*). Цирковое представление. Первое отделение на земле, второе под водой, а третье — пойдемте домой.

I
ГОНГ

Директор. Первым номером нашей программы знаменитый наездник Роберт Робертович Лепехин.

Никто не может укусить себя за локоть.

Никто не может спрятаться в спичечную коробку.

А также никто не может скакать на лошади лучше Роберта Робертовича Лепехина.

Музыка!

Играет музыка. Выезжает Роберт Робертович Лепехин. Начинается вольтижировка и джигитовка. Потом Лепехин соскакивает с лошади, раскланивается и убегает. На сцену выбегает клоун верхом на палке с лошадиной головой и с букетом цветов в руке.

Клоун. Браво, браво! Очень хорошо! Ыыыыы! Это я, а это букет! Ыыыыыыы! По-русски раз, два, три, а по-немецки: ейн, цвей, дрей. Ыыыыыы! Таблица умножения требует ум-

ственного напряжения. А мое такое положение, что мне не надо таблицы умножения! Ыыыыыы! (*Убегает*).

На сцену осторожно выходит Вертунов и, озираясь, идет к рампе.

Д и р е к т о р (*идет вперед, чтобы объявить номер*). Зачем вы опять тут?

В е р т у н о в. Да я хотел только показать, как муха летает.

Д и р е к т о р. Что? Как муха летает?

В е р т у н о в (*оживляясь*). А вот смотрите. Полное впечатление полета мухи. (*Семенит по сцене, машет часто руками и приговаривает:* тюк, тюк, тюк, тюк!).

Д и р е к т о р (*внушительно*). Моментально уйдите отсюдова.

Вертунов стоит, вытянув голову, смотрит на директора.

Д и р е к т о р (*топая ногой*). Уу!

Вертунов поспешно убегает.

II
ГОНГ

Д и р е к т о р. Следующим номером нашей программы выступит канатная балерина Арабелла Мулен-Пулен. Музыка!

Играет музыка. Выбегает Арабелла. Канат-

ный номер. Выходит клоун с букетом.

К л о у н. Браво, браво! Очень хорошо! Ыыыыыы! По-русски раз, два, три, а по-немецки: ейн, цвей, дрей! Ыыыыыы!

Арабелла раскланивается перед публикой. Клоун раскланивается перед Арабеллой, делает книксен. Арабелла убегает. Клоун падает. Выходит директор. Клоун встает и отходит в сторону.

III
ГОНГ

Д и р е к т о р. Следующим номером нашей программы воздушный акробат Володя Каблуков.

К л о у н. Следующим номером нашей программы воздушный акробат Сережа Петраков.

Д и р е к т о р (*громко и настойчиво*). Не Сережа Петраков, а Володя Каблуков!

К л о у н. Не Володя Каблуков, а Сережа Петраков!

Д и р е к т о р. Следующим номером нашей программы воздушный акробат

К л о у н. (*вместе*) } Володя Каблуков!
Сережа Петраков!

Д и р е к т о р.
К л о у н. (*вместе*) } Володя Каблуков!
Сережа Петраков!

Д и р е к т о р.
К л о у н. (*вместе*) } Володя Каблуков!
Сережа Петраков!

Играет музыка. Выходит акробат и начинает

свой номер. Директор стоит слева у рампы, клоун проходит потихоньку справа.

К л о у н. Браво, браво! Очень хорошо, Сережа Петраков!

Д и р е к т о р. Да это же не Сережа Петраков, а Володя Каблуков!

К л о у н. Замечательно, Сережа Петраков!

Д и р е к т о р. Да что же это такое? (*В публику*). Это Володя Каблуков! Честное слово — это Володя Каблуков.

В е р т у н о в (*за кулисами*). Дозвольте выступить. Я хожу на четвереньках и полное впечатление, будто ходит козел.

Д и р е к т о р (*отчаянным голосом*). Ах, нет, нет! Не надо! Уходите!

В е р т у н о в. Дозвольте выступить.

Д и р е к т о р. Потом, потом. Не сейчас. Уходите!

В е р т у н о в. А потом можно будет?

Д и р е к т о р. Потом, потом! Уходите!

Акробат продолжает свой номер. Играет музыка. Опасный момент. Музыка перестает играть. Барабанная дробь. Из-за кулис справа высовывается Вертунов. Акробат кончает номер, раскачивается, сидя на трапеции.

В е р т у н о в. Выступать?

Директор машет на Вертунова рукой. Но Вертунов выползает на сцену на четвереньках. Директор кидается к Вертунову.

Вертунов. Я козе-е-ел! Я козе-е-ел! Мэ-э! Мэ-э!

Директор (*шипит*). Убирайтесь вон! (*Толкает Вертунова*). Убирайтесь вон! О! Скандал! Какой скандал! Вон! Да что же это такое? Ооо!

IV
ГОНГ

Директор (*печальным голосом*). Следующим номером нашей программы партерные акробаты Крюкшин и Клюкшин. Музыка!

Играет музыка. Выходят партерные акробаты и начинают свой номер. Закончив номер, Крюкшин и Клюкшин раскланиваются и уходят. Выходит директор. Музыка смолкает.

Директор. Ну, этот номер прошел хорошо. И Вертунова не было.

V
ГОНГ

На сцену выходит Вертунов.

Директор (*не замечая Вертунова*). Следующим номером нашей программы Матильда Цердидас. Чудеса... (*Чихает*).

Вертунов. Будьте здоровы.

Директор (*не замечая Вертунова*). Благодарю вас. Чудеса дрессировки. Дрессированные звери. (*Чихает*).

Вертунов. Будьте здоровы.

Д и р е к т о р. Благодарю вас.

В е р т у н о в. Дозвольте выступить.

Д и р е к т о р (*с ужасом поворачиваясь к Вертунову*). Это опять вы?

В е р т у н о в. Я подпрыгивать умею.

Д и р е к т о р. Да что же это такое? Я же сказал вам, что вы нам не нужны. Уходите. Уходите. И не смейте больше приходить.

Музыка. Выбегает Матильда. Вертунов и директор уходят. Начинается дрессировка. Футбол.

Матильда раскланивается и уходит. Выходит директор. Директор заглядывает за кулисы, смотрит наверх и по сторонам.

Д и р е к т о р. Ну, пока нигде нет этого ужасного Вертунова, начнем скорее наш следующий номер.

VI
ГОНГ

Д и р е к т о р. Жонглер-филиппинец! Имя у него тоже филиппинское! Зовут его Ам гам глам Каба лаба Саба лаба Самба гиб чип либ Чики кики Кюки люки Чух шух Сдугр пугр Оф оф Прр.

Эй, музыка!

Играет музыка. Директор стоит в ожидании. На сцену выходит вместо жонглера Вертунов.

Д и р е к т о р (*в ужасе*). Опять Вертунов!

Музыка замолкает.

В е р т у н о в. Дозвольте выступить...

Д и р е к т о р. Я не могу вас выпустить, потому что сейчас выступает Ам гам глам Каба лаба Саба лаба Самба гиб чип либ Чики кики Кюки люки Чух шух Сдугр пугр Оф оф Прр.

В е р т у н о в. А вы сейчас выпустите меня, а потом пусть выступает Ам гам глам Каба лаба Саба лаба Самба гиб чип либ Чики кики Кюки люки Чух шух Сдугр пугр Оф оф Прр.

Д и р е к т о р. Нет, говорят вам. Сейчас выступит Ам гам глам Каба лаба Саба лаба Самба гиб чип либ Чики кики Кюки люки Чух шух Сдугр пугр Оф оф Прр.

Эй, музыка!

Директор гонит Вертунова. Оба уходят. На сцену выходит жонглер. Номер. Заканчивается номер, жонглер бросает на воздух большой шар. Шар на воздухе раскалывается и из него на парашюте спускается клоун с букетом в руке.

К л о у н. Браво, браво! Очень хорошо! Ыыыыыы!

Выходит директор.

Клоун протягивает букет жонглеру. Тот хочет взять букет, но клоун поворачивается к нему спиной и протягивает букет директору.

Д и р е к т о р. Это что?

К л о у н. Это букет.

Д и р е к т о р. Это кому?

К л о у н. Это вам.

Д и р е к т о р. Это от кого?

К л о у н. Это от меня, а это (ударяет директора букетом) от публики. Ыыыыыы!

Д и р е к т о р. Ах, мошенник! Грабитель! Нахал! Убью! Руки-ноги обломаю!

Музыка играет. Директор наскакивает на клоуна. Клоун на парашюте взлетает наверх. Музыка смолкает.

Д и р е к т о р (*оставшись один*). Какой нахал.

VII
ГОНГ

Д и р е к т о р. Следующим номером нашей программы ужасный силач Парамон Огурцов. Одной рукой может поднять семьдесят пять кило картошки. Однажды он сидел на табуретке в саду и ел порцию мороженого с вафлями. День был жаркий. Пели птицы и жужжали пчелы. Вдруг Парамона Огурцова укусил за ногу муравей. Парамон Огурцов вскочил, рассердился и со всего размаху ударил кулаком по табуретке. И табуретка исчезла. И только год спустя, когда в этом месте рыли колодец, нашли исчезнувшую табуретку под землей на глубине четырех с половиной метров. Вот с какой силой ударил по табуретке Парамон Огурцов! А вот и он сам.

Выходит силач и под музыку шагает вокруг сцены. Силач подходит к директору. Из-за силача выходит Вертунов.

Директор. О-ох! (*Падает. Музыка смолкает*).

Вертунов. Позвольте выступить. Умею слегка увеличиваться в росте.

Директор (*наскакивая*). Выступить? О! Пожалуйста! Становитесь вот сюда! Выступайте! Увеличивайтесь в росте! Ха-ха-ха! (*Демонически хохочет*).

Вертунов становится на указанное место лицом к публике. Директор что-то говорит силачу. Тот подходит и сзади ударяет Вертунова по голове. Вертунов проваливается. Играет музыка.

Директор. Ура! Ура! Провалился под землю! Ура! Больше нет Вертунова! Ура! (*Директор приплясывает под музыку. Силач показывает свой номер*).

Директор. А теперь антракт минут на десять для установки аквариума.

Потом опускается занавес.

Конец первого отделения.
Антракт.

II отделение

Играет музыка. Выходит директор. Кланяется. Музыка смолкает.

Д и р е к т о р. Ну вот. Начинаем наше второе отделение. Вертунова больше нет, и никто не будет мешать... (*Играет музыка*). Стойте. Подождите же. Да не играйте же. Я же не кончил говорить. (*Музыка смолкает*). Так вот, вы видите на сцене стеклянный аквариум, и артисты... (*Играет музыка*). Да подождите же. Стойте. (*Музыка смолкает*). Я же говорю. Так вот. Артисты наденут водолазные костюмы и будут... (*Играет музыка*). Да что же это такое! Перестаньте играть. (*Музыка смолкает*). Говорить не дают. (*В публику*). Артисты в водолазных костюмах спустятся в стеклянный аквариум, где и будут под водой проделывать свои номера. Вы увидите под водой в клетке дрессированную акулу. Это очень опасно. Аквариум может разбиться, и тогда вода зальет весь цирк. Но Вертунова нет, нам никто не будет мешать, а потому все пройдет благополучно. Итак, а...

После слов «свои номера» из-под пола начинает медленно вылезать Вертунов. Щека у него повязана в белый горошек платком. Директор его сначала не замечает. Но, заметив, обрывается на полуслове и молча стоит, вытянув вперед шею.

В е р т у н о в (*вылезая из-под земли, хриплым голосом*). Дозвольте выступить.

Директор молча стоит в столбняке.

(*Хрипло*). Меня по голове грохнули. Я провалился в подвал. Там я простудился и охрип. Но

все ж таки я еще петь могу. Дозвольте выступить.

Д и р е к т о р. Мне дурно. (*Падает без чувств на пол и головой разбивает аквариум. Звон разбитого стекла. На сцену течет вода. Играет музыка*).

В е р т у н о в. Ой! Ой! Вода! Пожар! Караул! Гра-а-бят! (*Убегает*).

Вода наполняет сцену. В аквариуме вода убывает, на сцене пребывает. Сцена «Затопление цирка». Словесная партитура. Шум воды. Играет музыка. За сценой голоса. Тишина. Сцена залита водой. Растут водоросли. Проплывают большие и маленькие рыбы. Наконец, из глубины выплывает директор.

Д и р е к т о р (*отдуваясь*). Брр. Брр. Пуф. Пуф. Пуф. Пуф. Вот так история. Пуф. Этот Вертунов довел меня до того, что я упал в обморок и, падая, разбил головой аквариум. Пуф. Пуф. Присяду отдохнуть.

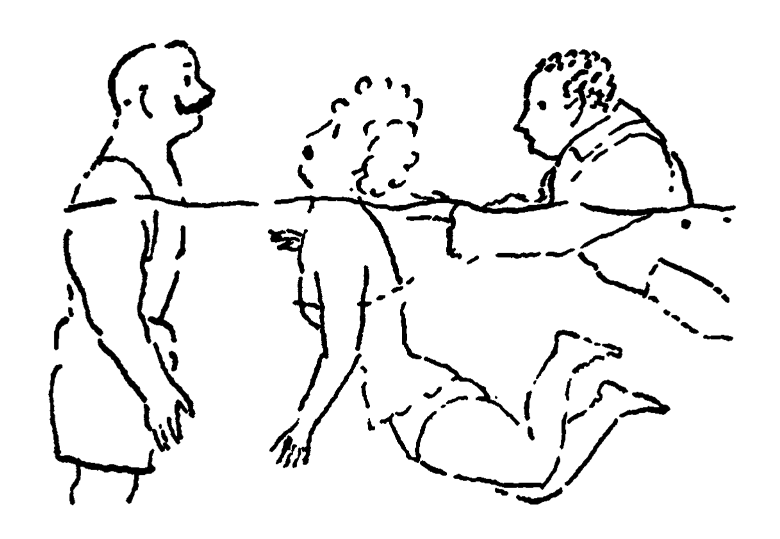
Выплывает балерина.

Б а л е р и н а. Ах, ах! Что такое случилось? Я, кажется, под водой.

Д и р е к т о р. Да разбился аквариум и вода залила весь театр.

Б а л е р и н а. Какой ужас! (*Уплывает*). Ах. Ах. Ах.

Д и р е к т о р. А мы не успели надеть водолазные костюмы.

Выплывает силач Парамон Огурцов.

С и л а ч. Пуф. Пуф. Что такое произошло?
Д и р е к т о р. Успокойтесь. Мы просто утонули.
С и л а ч. Вот те на. (*Уплывает*).
Д и р е к т о р. Может быть, я уже умер?

Выплывает жонглер.

Ж о н г л е р (*волнуясь и ничего не понимая*).
Бэ бэ бэ бэ бэ
Сяу сяу
Крю крю крю
Тяу тяу тяу
Прим прим прим
Дыр дыр дыр
Буль буль буль

Д и р е к т о р. Совершенно правильно, это вода. Вода.

Ж о н г л е р (*ничего не понимая*).

Тям тям тям
Гом гом гом
Чук чук чук
Буль буль буль

(*Уплывает*).

Д и р е к т о р. Если я умер, то я не могу двигаться. А ну-ка пошевелю рукой. Шевелится. Ну-ка пошевелю ногой (*шевелит ногой*). Шевелится. А ну-ка пошевелю головой (*шевелит головой*). Тоже шевелится. Значит, я жив. Ура!

Г о л о с Л е п е х и н а. Тпрр. Нннооо... Тпрррр... Эй... Нннооо... (*Выплывает Лепехин верхом на лошади*).

Л е п е х и н. Тпррр... Говорят тебе тпррр. Что такое случилось? Тпррр.

Д и р е к т о р. Разбился аквариум. Вода залила театр. Мы все под водой.

Лепехин. Тпррррр... Что?... Тпр... (*Лошадь уносит Лепехина за кулисы*).

Г о л о с Л е п е х и н а. Что такое? Тпррр... Нноoo... Что такое? Тпррр...

Д и р е к т о р. Значит, я жив. И он жив. И все мы живы.

Выплывает вверх ногами Ваня Клюкшин.

В а н я К л ю к ш и н. Объясните мне, что это значит?

Д и р е к т о р. Это значит, что все мы живы, хотя находимся под водой.

В а н я К л ю к ш и н. Категорически ничего не понимаю. (*Уплывает*).

Д и р е к т о р. А я начинаю понимать... Ура! Все понял. Мы находимся под водой и с нами ничего не делается, потому что мы деревянные актеры.

Б а л е р и н а. Неужели и я деревянная?

Д и р е к т о р. Ну конечно.

Б а л е р и н а. Не может быть, ведь я так хорошо танцую.

Д и р е к т о р. Ну что ж такого! Вот я, например, деревянный, и несмотря на это, я очень умный.

На сцену выходит Матильда Дердидас и вывозит клетку с акулой.

Д и р е к т о р. Что это такое?

М а т и л ь д а. Это мой дрессированный акуль Пиньхен. Я буду показывайт свой номер.

Д и р е к т о р. А она не вырвется из клетки?

М а т и л ь д а. О нет, чтобы открыть клетка, надо нажать вот на этот ручка. Мой акуль этого не может. Он очень послюшный. Але оп! (*Акула выплывает*).

Д и р е к т о р. А почему она так смотрит на меня?

М а т и л ь д а. Потому что он хочет кушать.

Д и р е к т о р. А что она ест?

М а т и л ь д а. О, абсолютно все. Вчера он съель велосипед, две рояль, эйн подушка, цвей кофейный мельниц и четыре тольстый книги.

Д и р е к т о р. М-да. А людей он ест?

М а т и л ь д а. Ах, я. О, да. Она съель мой знакомый Карль Иваныч Шустерлинг.

Д и р е к т о р. Гм... А сегодня она ничего еще не ела?

М а т и л ь д а. Нет, сегодня она голодный.

Д и р е к т о р. Чем же вы будете ее сегодня кормить?

М а т и л ь д а. Ах, у меня есть ейн Камель, один верблюд.

Д и р е к т о р. Так вы покормите ее поскорей.

М а т и л ь д а. Але оп! Сейчас я приведу верблюд. А вы посмотрийть не садиться на этот ручка.

Д и р е к т о р. Нет, уж лучше я с вами пойду, Матильда Карловна! Матильда Карловна, подождите меня.

Матильда и доктор уплывают.
На сцену выходит Вертунов.

В е р т у н о в. Фу, плаваю под водой, точно рыба. А разве я рыба? Ни сом, ни щука, ни карась, ни окунь. Охо-хо-хо. (*Садится на рычаг клетки, клетка открывается. Из клетки тихо уплывает акула*). Ну как теперь из воды вылезти? Тут меня где-то по голове гирей трахнули и я в подвал провалился. Может, на том месте дырка в полу осталась. Я ее поковыряю ногой, может, вода сквозь нее в подвал вытечет. Пойду искать, где эта дырка-то. Под водой сразу и не найдешь.(*Уходит*).

Выходят директор и Матильда Дердидас, ведя за собой верблюда.

Матильда. Ну вот, сейчас мы моей Пиньхен дадим эйн порцион верблюд. Это очень мало, но... ах, ах.

Директор. Что такое?

Матильда. Ах, мой Пиньхен ушель.

Директор. Караул! Спасайся, кто может! Караул!

Выбегает Ваня Клюкшин.

Ваня. Что случилось?

Матильда. Мой Пиньхен! Мой Пиньхен! (*Убегает с верблюдом вместе*).

Ваня. Что это значит?

Директор. Вы понимаете, она вырвалась из этой клетки.

Ваня. Значит, она сумасшедшая?

Директор. Она голодная.

Ваня. Так дайте ей бутерброд с котлетой.

Директор. Что ей котлета? Она вчера съела два рояля, велосипед и еще что-то.

Ваня. Да ну?

Директор. На сегодня у нее верблюд, но ей одного верблюда мало.

Ваня. А она и верблюдов ест?

Директор. Она все ест. Она и людей ест.

Ваня. Ой, ой, ой, даже людей!

Директор. Стойте тут, а я пойду посмотрю там. Матильда Карловна! Матильда Карловна! (*Уходит*).

В а н я. Вот так штука! Кто бы мог подумать! Такая красивая и такая обжора.

Выплывает клоун.

К л о у н. Ыыыы! Вот и я.
В а н я. Ты слышал?
К л о у н. Слышал.
В а н я. А что ты слышал?
К л о у н. А я ничего не слышал. Ыыыы.
В а н я. Тьфу. Я тебе серьезно говорю. Ты знаешь, что наша дрессировщица Матильда Дердидас съела рояль?
К л о у н. Рояль?
В а н я. Даже два рояля и велосипед.
К л о у н. Съела?
В а н я. Да, съела.
К л о у н. Ыыыы.
В а н я. Напрасно ты смеешься. Она пошла есть верблюда, я сам видел. А потом будет есть людей.
К л о у н. Она и меня съест?
В а н я. И тебя и меня.
К л о у н. Ой-ой-ой-ой. Ай-ай-ай-ай.
Д и р е к т о р (*пробегая через сцену*). Она уже съела верблюда.
В а н я. Ой-ой-ой-ой.
К л о у н. Ой-ой-ой-ой.

Входит Матильда.

М а т и л ь д а. Пиньхен, Пиньхен.
В а н я и К л о у н (*падая на колени*). А-а-а-а-а-а! Бе-бе-бе-бе, пощадите!

Клоун. Я невкусный, он вкуснее.

Ваня. Нет, неправда. Я соленый. Он лучше.

Клоун. Не верьте ему. Он вовсе не соленый. Он очень вкусный.

Матильда. О, их ферштее нихте, я не понимай. Где мой Пиньхен, Пиньхен, Пиньхен. (*Убегает*).

Директор (*пробегая через сцену*). Караул! Спасайся кто может! Караул!

Силач (*проплывая*). Кто? Что? Почему? Откуда? Как? Где? Куда? Зачем? Кого? Чего? (*Уплывает*).

Балерина (*проплывая*). Ах-ах-ах-ах. Их-их-их-их.

Жонглер (*пробегая*).

Тяу тяу тяу
Сяу сяу сяу
Кяу кяу кяу
Мяу мяу мяу.

Лепехин (*верхом на лошади*). Тпрр... Нноо... Тпррр... Шалишь... Тпр... Куда несешь. Тпррр... Нноoo... Тпрр...

Крюкшин. Объясните нам, что такое случилось? Я категорически ничего не понимаю. (*Оба проплывают. Один вверх ногами*).

Проплывает молча акула.

Матильда (*проплывая за акулой*). О, мой Пиньхен, мой Пиньхен.

Жуткая пауза.

В а н я. Ты видел?

К л о у н. Видел.

В а н я. Ну, что?

К л о у н. По-моему, она хочет съесть эту рыбу.

В а н я. Знаешь что?

К л о у н. Что?

В а н я. Давай убежим.

К л о у н. Давай убежим.

В а н я. Ну, беги вперед, а я за тобой.

К л о у н. Ну хорошо, я побегу за тобой, а ты беги впереди меня.

В а н я. Нет, уж лучше я побегу за тобой, а ты беги впереди.

К л о у н. Знаешь что?

В а н я. Ну?

К л о у н. Давай я сосчитаю до трех, и мы побежим сразу вместе.

В а н я. Хорошо, считай.

К л о у н. По-русски: раз, два, три.

Ваня убегает.

А по-немецки: эйн, цвей, дрей.

Клоун убегает. Выходит Вертунов.

В е р т у н о в. Ну где она? Где она? (*Ходит по сцене, ищет, нагибается, касаясь рукой пола*). Будто где-то тут... Вот... кажись она самая... Так и есть! (*Прочищает дыру. Слышен шум воды*). Вода пошла. Ура!

Играет музыка. Выплывает акула.

Ой! Что это такое?

Акула бросается на Вертунова.

Ой-ой-ой!

Затемнение. Световые эффекты. Музыка.

Голос Матильды. О, Пиньхен. Мой Пиньхен.

Сцена «Спуск воды». Словесная партитура. Шум воды. Играет музыка.

Яркий свет. Цирк освобожден от воды. На сцене лежит дохлая акула. Играет музыка. Выходит директор. Раскланивается. Музыка смолкает.

Директор. Обещанная мною подводная пантомима отменяется. Аквариум разбился. Театр залило водой, из клетки вырвалась акула, и мы все чуть не погибли. Виной всему гражданин Вертунов, но его проглотила акула, и теперь мы окончательно от него избавились. А затем морское чудовище подохло без воды. Теперь его нечего бояться. Смотрите. (*Директор ударяет акулу ногой*).

Акула. Ой, больно!

Директор (*отскакивая*). Что такое? Кто сказал «больно»? Никто не сказал... Так вот видите, я ударяю акулу ногой.

А к у л а. Ай-ай-ай. Не лягайте меня.

Д и р е к т о р. Что такое? Это акула говорит. Как же так?

А к у л а. Это я говорю.

Д и р е к т о р. Что ва-ва-ва-ва-вам ну-ну-ну-ну-ну-жно?

А к у л а. Дозвольте выступить.

Д и р е к т о р. Да что-о-оо же э-э-э-это та-а-а-а-акое.

А к у л а. Сейчас я живот распорю.

Д и р е к т о р. Ой-ой-ой! Нет, не надо. Выступайте.

А к у л а. Сейчас. (*Из акулы вылезает Вертунов*).

В е р т у н о в. Ну вот, я распорол ей живот, и теперь я опять на свободе. Значит, можно выступать? Я умею стоять на голове.

Д и р е к т о р. О-ох! (*Садится на пол*). Я же знаю, что вы ничего не умеете. Вам сейчас покажут, как надо стоять на голове. Эй, Ваня Клюкшин!

Выходит Ваня Клюкшин.

Покажите ему, как нужно стоять на голове.

В а н я. Это очень просто. Смотрите! Оп! (*Ваня становится на голову. В это время вбегает Матильда*).

М а т и л ь д а. Где мой Пиньхен? Что стало с мой Пиньхен?

Ваня падает.

Ваня (*лежа на полу*). Ой, пощадите. А-а-а-а-а. Не губите!

Директор. Ну что вы, что вы. Это не так страшно. Это с каждым может случиться.

Ваня. Ой, страшно!

Директор. Это же пустяки.

Ваня. Хороши пустяки. Ой-ой-ой-ой.

Директор. Ему, кажется, дурно.

Матильда. Сейчас я принесу немного воды. С вода будет легко. (*Уходит*).

Ваня. Ой-ой-ой-ой. Уж лучше без воды. Ой-ой-ой. (*Стонет*).

Вбегает клоун.

Клоун. Ыыыыыы. Браво, браво. Очень хорошо. Ыыыы. (*Увидя Ваню*). Что с ним?

Директор. Он хотел встать на голову, да не вышло, и он очень расстроился.

Клоун (*к Ване*). Слушай. Ну чего ты плачешь? Ну хочешь, я встану на голову. Ну, смотри. (*Клоун становится на голову. В это время входит Матильда со стаканом воды. Клоун падает*).

Матильда. Ну вот, я принесла вода.

Клоун. Ой-ой-ой-ой! Бе-бе-бе-бе-бе! Не погубите, ой, не погубите.

Директор. Что же это такое?

Матильда. А, еще один. Сейчас я обоих вот с этот вода.

Клоун и Ваня (*на коленях*). Ой-ой-ой! А-а-а-а-а. Бе-бе-бе-бе. Не надо воды. Пощадите нас. Ой, не погубите!

Д и р е к т о р. Да перестаньте же, в самом деле.

К л о у н и В а н я. Ой, нет, не перестанем. Зачем мы? Лучше возьмите его. (*Указывая на Вертунова*).

Д и р е к т о р. Да зачем же его, вы лучше.

К л о у н и В а н я. Нет, мы хуже, он лучше.

Д и р е к т о р. Ну, хорошо, хорошо! Успокойтесь только. Вертунов! Хочешь быть вместо клоуна и акробата?

В е р т у н о в. Конечно, хочу.

Д и р е к т о р. Ну, слышите. Он согласен.

К л о у н и В а н я. Ай-ай-ай-ай-ай. Не верим.

Д и р е к т о р. Да успокойтесь. Сейчас он вам покажет.

М а т и л ь д а. Абсолют ничего не понимаю. Пойду искать мой Пиньхен.(*Уходит*).

Д и р е к т о р. Вертунов! Вы будете у ковра.

В е р т у н о в. А где этот ковер?

Д и р е к т о р. Какой ковер?

В е р т у н о в. Да вы сказали, что я буду у ковра.

Д и р е к т о р. Это значит, что вы будете клоуном.

К л о у н. Позвольте я.

Д и р е к т о р. Вы же сами отказались и просили, чтобы вместо вас был Вертунов.

В а н я и К л о у н. Нет, нет. Совсем не то. Мы хотели, чтобы его съели.

Д и р е к т о р. Съели?

В а н я и К л о у н. Ну да. Чтобы она его съела.

Д и р е к т о р. Кто — она?

К л о у н. Ну она... дрессировщица.

Д и р е к т о р. Ничего не понимаю.

В а н я. Ну, она хотела съесть нас.

К л о у н. Но мы невкусные.

В а н я (*указывая на Вертунова*). Он вкуснее.

Д и р е к т о р. Что такое?

К л о у н. Она съела рояль.

В а н я. И велосипед.

К л о у н. И верблюда, и швейную машинку, и четыре кофейных мельницы.

Д и р е к т о р. Кто? Матильда?

К л о у н и В а н я. Ну да — Матильда.

Д и р е к т о р. Ха-ха-ха!

К л о у н и В а н я. Почему вы смеетесь?

Д и р е к т о р. Ха-ха-ха! Вы все перепутали. Не Матильда Дердидас съела рояль, велосипед и верблюда, а акула Пиньхен.

Входит Матильда.

М а т и л ь д а. О, где мой Пиньхен? Кто видел мой Пиньхен?

Клоун и Ваня на всякий случай отходят в сторону.

Д и р е к т о р. Вашего Пиньхена уже нет.

М а т и л ь д а. А где он?

Д и р е к т о р. Ваша акула без воды подохла.

М а т и л ь д а. О? она биль такой ласковый. Верните обратно мой акуль. Мой добрый Пиньхен.

Д и р е к т о р. Ваш добрый ласковый Пиньхен проглотил вот этого гражданина.

М а т и л ь д а. О, он любиль кушать живой человек.

В е р т у н о в. Да, я нашел дырку в полу. И пока я ее прочищал, чтобы вода могла уйти в эту дырку, на меня что-то наскочило и проглотило.

Д и р е к т о р. Так это вы избавили нас от воды?

В е р т у н о в. Да, я.

Д и р е к т о р. Так, выходит, что вы наш спаситель.

В е р т у н о в. Дозвольте выступить.

Д и р е к т о р. Я вас беру в свою труппу. Мы вас научим. Вы будете клоуном, акробатом, певцом и танцором.

М а т и л ь д а. О, мой Пиньхен кушаль вас. Он любиль вас. И я тоже буду любиль вас.

Д и р е к т о р. Итак, гражданин Вертунов поступает к нам в цирк на обучение. Надо много учиться, чтобы стать хорошим циркачом.

В е р т у н о в. Ура! Я буду учиться у вас. Я буду учиться у вас.

К л о у н и В а н я. Ты будешь учиться у нас.

В е р т у н о в. Я клоуном буду, борцом, акробатом, певцом и танцором зараз.

В с е. Ты клоуном будешь, борцом, акробатом, певцом и танцором зараз.

Д и р е к т о р. А сейчас мы вам покажем, как нужно работать. Сейчас выступит воздушный акробат Володя Каблуков.

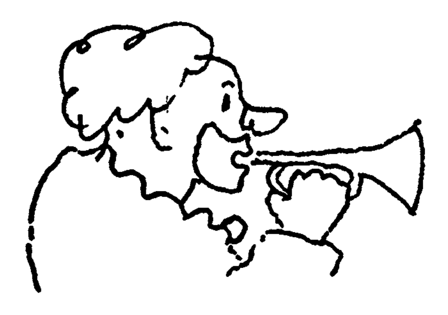
Музыка. Номер Каблукова.

В е р т у н о в. А теперь можно мне выступить?

Д и р е к т о р. Выступайте. (*В публику*). Сейчас вы увидите номер с участием гражданина Вертунова — Ваня Клюкшин и Джонни Крюкшин. Эй, музыка!

Играет музыка. Номер.
Занавес.

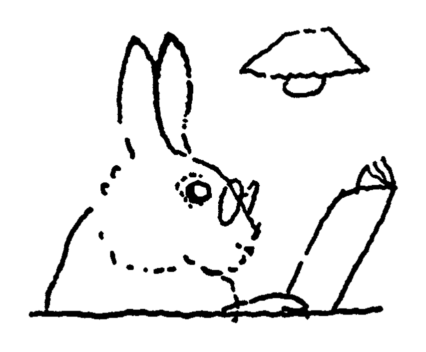
<1935>

Д. ХАРМС
ТОМ 3

НЕЗАВЕРШЕННОЕ И ОТВЕРГНУТОЕ

79

Видишь, под елочкой маленький дом.
В домике зайчик сидит за столом,
Книжку читает, напялив очки,
Ест кочерыжку, морковь и стручки.

В лампе горит золотой огонёк,
Топится печка, трещит уголёк,
Рвётся на волю из чайника пар,
Муха жужжит и летает комар.

Вдруг что-то громко ударило в дом.
Что-то мелькнуло за чёрным окном.
Где-то раздался пронзительный
свист.
Зайчик вскочил и затрясся как лист.

Вдруг на крылечке раздались шаги.
Топнули чьи-то четыре ноги.
Кто-то покашлял и в дверь постучал,
«Эй, отворите мне!» — кто-то сказал.

В дверь постучали опять и опять,
Зайчик со страха залез под кровать.

К домику под ёлочкой
путник идёт.
Хвостиком-метёлочкой
следы свои метёт.
Рыжая лисичка,
беленький платок,
Чёрные чулочки,
острый коготок.
К домику подходит
На ципочки встаёт
Глазками поводит
Зайчика зовёт:
«Зайка зайка душенька,
Зайка мой дружок,
Ты меня послушай-ка
Выйди на лужок.
Мы с тобой побегаем
Зайчик дорогой
После пообедаем
Сидя над рекой.
Мы кочны капустные
на лугу найдём.
Кочерыжки вкусные
вместе погрызём.
Отопри же дверцу мне
Зайка, мой дружок,
Успокой же сердце мне,
выйди на лужок».

<1930>

80

На Фонтанке 28
Жил Володя Каблуков
Если мы Володю спросим:
— Эй, Володя Каблуков!
Кто на свете всех сильнее?
Он ответит: Это я!
Кто на свете всех умнее?
Он ответит: Это я!
Если ты умнее всех
Если ты сильнее всех

<1931>

81

Профессор Трубочкин,
входя:

Здравствуйте ребята!
Здравствуйте ребята!
Здравствуйте ребята!

Ребята:

Здрасте профессор!
Здрасте профессор!
Здрасте профессор!

Профессор Трубочкин:

Давно мы не видались!
Давно мы не видались!
Давно мы не видались.

Ребята:

А где ж вы это были?
А где ж вы пропадали?
Откуда вы пришли?

Профессор
Трубочкин:

Был я в Америке
был я в Австралии
плавал я по морю
лазал я на горы.

Был я в Америке
был и в Австралии
был и на Северном полюсе

На дно морское опускался
с фонариком в руках
на дирижабле поднимался
и был на облаках
я видел птичьи гнёзда,
что в пору и слону
Смотрел в трубу на звёзды
на звёзды и луну.
Я слышал пенье пташек
Смотрел как дышет клоп
рассматривал букашек
в огромный микроскоп

20 сентября 1933 года

82

Машинист трубит в трубу
Паровоз грохочет.
Возле топки, весь в поту
Кочегар хлопочет.

А вот это детский сад
Ездил он на речку,
А теперь спешит назад
К милому крылечку.

Мчится поезд всё вперёд
Станция не скоро.
Всю дорогу ест и пьёт
Пассажир обжора

<1930-е>

83

Как-то жил один столяр.
Замечательный столяр!
Удивительный столяр!!
Делал стулья и столы,
Окна, двери и полы
Для жильца — перегородку
Для сапожника — колодку
Астроному в один миг
Сделал полочку для книг
Если птица — делал клетку
Если дворник — табуретку
Если школьник — делал парту
Прикреплял на полку карту

Делал глобус топором
А из глобуса потом
Делал шилом и пилой
Ящик с крышкой откидной.
Вот однажды утром рано
Он стоял над верстаком
И барана из чурбана
Ловко делал топором.
А закончил он барана
Сразу сделал пастуха,
Сделал три аэроплана
И четыре петуха.

<1930-е>

84

Ну ка Петя, ну ка Петя
Закусили, вытрем рот
и пойдем с тобою Петя
мы работать в огород.

Ты работай да не прыгай
туда сюда напоказ
я лопатой ты мотыгой
грядки сделаем как раз

ты смотри не отставай
ты гляди совсем закис
эта грядка под морковь
эта грядка под редис

грядки сделаны отменно
только новая беда

прёт из грядки непременно
то лопух то лебеда.

Эй, глядите, весь народ
вдруг пошел на огород
как солдаты
как солдаты
кто с мотыгой
кто с лопатой

<1930-е>

85

Было лето. Светило солнце Было очень жарко. В саду висел гамак. А в гамаке сидел маленький мальчик по имени Платон.

Платон сидел в гамаке, качался и щурил на солнце глаза.

Вдруг из-за куста сирени что-то выглянуло и опять спряталось.

Платон хотел вскочить и посмотреть, что это такое, но вылезти из гамака было трудно. Гамак качался и приятно поскрипывал, вокруг летали бабочки и жужжали пчёлы, было слышно, как в доме шумит примус, и Платон продолжал лежать в гамаке и качаться.

Из-за куста сирени опять что-то выглянуло и спряталось.

— Должно быть, это наша кошка Женька, — подумал Платон.

Действительно, из-за куста вышла кошка, но только это была не Женька. Женька была серая

с белыми пятнами, а эта была вся серая, без пятен.

— Откуда у нас такая кошка? — подумал Платон. И вдруг увидел, что кошка была в очках. Мало того, во рту кошка держала маленькую трубочку и курила.

Платон, вытараща глаза, смотрел на кошку. А кошка, увидя Платона, подошла к нему, вынула изо рта трубочку и сказала:

— Простите пожалуйста! Вы не знаете, где тут живет Платон?

— Это я, — сказал Платон.

— Ах, это вы? — сказала кошка. — В таком случае пойдёмте со мной вот за этот куст, там вас поджидает одна особа.

Платон вылез из гамака и пошёл за кошкой.

За кустом на одной ноге стояла цапля.

Увидя Платона, она хлопнула крыльями, мотнула головой и щёлкнула клювом.

— Здравствуйте! — сказала цапля и протянула Платону ногу.

Платон хотел пожать её ногу и протянул для этого руку.

— Не смейте этого делать! — сказала кошка. — Рукопожатия отменены! Если хотите здороваться, здоровайтесь ногами!

Платон протянул ногу и коснулся своей ногой ноги цапли.

— Ну вот, вы уже и поздоровались! — сказала кошка.

— Трагдра Поретимте! — сказала цапля.

— Да, тогда полетимте! — сказала кошка и вспрыгнула цапле на спину.

— Куда полетим? — спросил Платон. Но цапля уже схватила его клювом за шиворот и начала подниматься на воздух.

— Пустите меня! — крикнул Платон.

— Вы говорите глупости! — сказала кошка, сидя на спине у цапли. — Если мы вас выпустим, вы упадете и расшибетесь.

Платон взглянул вниз и увидал под собой крышу своего дома.

— Куда мы летим? — спросил Платон.

— Туда, — сказала кошка и махнула своими лапками в разные стороны.

Платон посмотрел вниз и увидел внизу сады, улицы и маленькие домики.

На площади стояло несколько человек и, приложив руки козырьками к глазам, смотрели наверх.

— Спасите меня! — закричал Платон.

— Марчать! — крикнула цапля, широко раскрыв клюв.

Платон почувствовал, как у него в груди что-то сжалось, в ушах сильно засвистело, и площадь с маленькими людьми начала быстро увеличиваться.

— Он падает! Лови его! — услыхал Платон над собой голос кошки.

<1930-е>

86

Был Володя на ёлке. Все дети плясали, а Володя был такой маленький, что ещё даже и ходить-то не умел.

Посадили Володю в креслице.

Вот Володя увидел ружьё: «Дай! Дай!» — кричит. А что «дай», сказать не может, потому что он такой маленький, что говорить-то ещё не умеет.

А Володе всё хочется: аэроплана хочется, автомобиля хочется, зелёного крокодила хочется. Всего хочется!

«Дай! Дай!» — кричит Володя.

Дали Володе погремушку.

Взял Володя погремушку и успокоился.

Все дети пляшут вокруг ёлки, а Володя сидит в креслице и погремушкой звенит.

Очень Володе погремушка понравилась!

<Середина 1930-х>

87

В пионер-лагере живут два приятеля Коля Кокин и Ваня Мокин. Коля Кокин сильный, здоровый и бодрый, лучший физкультурник лагеря. Ваня слабый и хилый, не любит физкультуры. В целом ряде случаев Ваня Мокин попадает в смешные и глупые положения из-за своей слабости и неловкости. Ваня ленив; он хотел бы стать сильным сразу.

Благодаря одному научному, фантастическому изобретению Ваня становится необычайно сильным. Падающая ему на голову балка разбивается вдребезги без ущерба для него. Он может рукой остановить поезд и т.д.

Неожиданно, когда он вызывает своего приятеля Колю на борьбу, — эта сила кончается.

Но теперь Ваня, узнав ощущение сильного человека, начинает заниматься физкультурой.

<Середина 1930-х>

88

Меня спросили, как устроен автомобиль.

— Не знаю, — сказал я.

— Нет, всё-таки расскажите, как он устроен, — пристали ко мне.

— Не знаю, — сказал я, — отстаньте.

И действительно я совершенно не знаю, как устроен автомобиль.

Однако, меня в покое не оставили.

Однажды я гулял в Летнем Саду.

Вдруг ко мне подошёл мальчик и сказал:

— Дяденька, пойдёмте вот сюда, я вам тут покажу.

Я пошёл за мальчиком. А мальчик подвёл меня к скамеечке, на которой сидело четыре здоровенных парня. Один из них показал мне кулак и сказал:

— Ну, рассказывай, как устроен автомобиль. А не то во!

Но я быстро убежал.

Вечером я собирался ложиться спать. Я подошёл к кровати и вдруг увидел, что под одеялом уже кто-то лежит. Я хотел закричать, но из-под одеяла выпрыгнул человек в коричневом пиджаке и с папироской в зубах.

— Я есть водопроводчик, — крикнул этот человек, — рассказывай, как устроен автомобиль!

Но я убежал и спрятался в кухне под стол.

На другой день всё было спокойно.

Но 1-го марта, как сейчас помню, я брал ванну. А ванна, надо сказать, у меня маленькая, железная и, чтобы вылить из неё воду, надо её просто опрокинуть.

Так вот вымылся я в ванне и опрокинул её, чтобы вылить воду. А из ванны вдруг вывалился человек.

Я с испуга чуть-чуть не съел мыло.

— Кто вы такой? — спросил я дрожащим голосом.

— Я наборщик, — сказал человек. — Нельзя вместе с водой из ванны выплёскивать наборщика. Но это всё к делу не относится. Я желаю знать, как устроен автомобиль.

С этими словами наборщик схватил меня за шиворот.

— Видите ли, — сказал я, — автомобиль устроен таким образом, что двигается при помощи двигателя.

— Знаю, — сказал наборщик. — А что же дальше?

— Главные части двигателя суть: карбюратор, цилиндры, магнето и коленчатый вал, — сказал я.

— Ничего не понял, — сказал наборщик.

— А я-то чем виноват, — сказал я.

Наборщик достал из кармана кусок бумаги и карандаш.

— Вот, — сказал он, — нарисуйте мне, как всё это выглядит.

— Хм, — сказал я и нарисовал.

— Так вот, — сказал я, — цилиндр закрыт со всех сторон, но наверху есть трубочка, по которой идёт в цилиндр смесь.

— А почему она туда идёт? — спросил наборщик.

— А потому, что её туда тянут или, как говорится, всасывают.

В цилиндре сделан поршень, как в насосе. Вот. Если поршень потянуть вниз, то поршень высосет из трубочки смесь.

— А почему? — спросил наборщик.

— Ну уж это вы, батенька, узнайте, как насос действует, тогда и это поймёте.

— Ну, хорошо, хорошо, понимаю, — сказал наборщик. — А дальше что?

— А дальше, когда поршень дойдёт до самого низу, трубочка наверху закроется. Значит, что же у нас получилось? Поршень внизу, трубочка, по которой вошла смесь, закрыта и цилиндр полон смеси. Вот.

Теперь давайте толкать поршень наверх. Поршень начнёт выталкивать смесь обратно. Но трубочка закрыта и смеси некуда уйти. Остается смеси только сжаться. И вот поршень поднимается наверх и сжимает смесь. Когда поршень дошёл почти до самого верха и сжал смесь, — смесь взрывается.

— А почему? — спросил наборщик.

— А потому, что её подожгли электрической искрой. Дело в том, что на крышке цилиндра вставлена фарфоровая пробка, а сквозь неё проходит электрический провод и кончики провода торчат в цилиндре. Если по проводу пус-

тить электрический ток, то между кончиками провода в цилиндре проскачет искра. Эта искра и взорвёт смесь. Фарфоровая пробка называется свеча и помещается на цилиндре так:

Наборщик посмотрел на чертёж.

— Понимаю, — сказал он. — Дальше.

— Дальше, — сказал я, — вот что.

Смесь взрывается. Ей становится мало места. Она хочет разорвать цилиндр. Но стенки цилиндра очень прочные и не разрываются и только поршень летит вниз. И места для смеси становится больше. Теперь, когда поршень опять внизу, на крышке цилиндра открывается другая трубочка. Если теперь толкать поршень наверх, то он выгонит всю смесь в эту вторую трубочку.

Вот я нарисовал цилиндр.

— Это не цилиндр, а квадрат, — сказал наборщик.

— Тьпфу ты, — плюнул я.

— А вы не плюйтесь, — заметил наборщик.

— Фу ты, — сказал я. — Это не квадрат, а чертёж цилиндра. Вот я вам нарисую чертёж.

— Ну вот, это карбюратор, — сказал я. Тут смешивают бензин с воздухом.

— А зачем? — спросил наборщик, нахмурив брови.

— Ну как бы вам это сказать, — сказал я. — Автомобильный двигатель работает тем, что сгорает бензин.

— Ну! — мрачно сказал наборщик.

— Ну так вот, чтобы бензин лучше сгорал, его смешивают с воздухом. Ведь вы знаете, что без воздуха ничего не горит, а чтобы хорошо горе-

ло, надо побольше воздуха.

— Так, понятно, — сказал наборщик, закуривая трубку.

— Ну так вот, карбюратор и сделан для того, чтобы смешивать бензин с воздухом, — сказал я.

— А как же это делается? — спросил наборщик.

— А вот как: бензин из первого сосуда, по тоненькой трубочке, идёт во второй сосуд, открытый снизу. Тут бензин разбрасывается фонтаном вверх и по трубе бежит в цилиндры. Но так как второй сосуд снизу открыт, то бензин засасывает за собой воздух и по дороге в цилиндры смешивается с воздухом. И то, что попадает в цилиндры, называется не бензином, а «смесью».

Так, понятно, — сказал наборщик, — но что это за цилиндры?

— Цилиндры, — сказал я, — это сосуды с толстыми стенками, в них быстро сгорает смесь или даже, вернее, не сгорает а взрывается.

<Середина 1930-х>

89

Однажды Коля и Нина играли в снежки.

— Вот, — сказал Коля, — ты, Нина, будешь крепостью, а я буду пушкой, и буду снежками в тебя стрелять.

— Хорошо, — сказала Нина, — но что же я буду делать?

— А ты, — сказал Коля, — будешь стоять на одном месте. Ведь ты крепость, а крепости не двигаются.

— Ерунда, — сказала Нина, — теперь нет больше крепостей. Я лучше буду танком, а ты будешь неприятельским маяком и я буду стрелять в тебя снежками.

— Нет, — сказал Коля, —

<Середина 1930-х>

90

Купил я как-то карандаш, пришёл домой и сел рисовать. Только хотел домик нарисовать, вдруг меня тётя Саша зовёт. Я положил карандаш и пошёл к тёте Саше.

— Ты меня звала? — спросил я тётю.

— Да, — сказала тётя. — Вон смотри на стенке, таракан это или паук?

— По-моему, это таракан, — сказал я и хотел уйти.

— Да что ты! — крикнула тётя Саша. — Убей же его!

— Ладно, — сказал я и полез на стул.

— Ты возьми вот старую газету, — говорила мне тётя. — Поймай его газетой и в ванную под кран.

Я взял газету и потянулся к таракану. Но вдруг таракан щёлкнул и перепрыгнул на потолок.

— И-и-и-и-и-и! — завизжала тётя Саша и выбежала из комнаты.

Я и сам испугался. Я стоял на стуле и смотрел на чёрную точку на потолке. Чёрная точка медленно ползла к окну.

— Боря, ты поймал? Что же это такое? — спросила тётя из-за двери взволнованным голосом.

Тут я почему-то повернул голову и в ту же секунду соскочил со стула и отбежал на середину комнаты. На стене около того места, где я только что стоял, сидело ещё одно такое же непонятное насекомое, но больших размеров, длинной в полторы спички. Оно глядело на меня двумя чёрными глазками и шевелило маленьким ротиком, похожим на цветок.

— Боря, что с тобой!? — кричала из коридора тётя.

— Тут ещё одно! — крикнул я.

Насекомое смотрело на меня и дышало как воробей.

— Фу, какая гадость, — подумал я. Меня даже всего передёрнуло.

А что, если оно ядовитое? Я не выдержал и с криком кинулся к двери. Едва я запахнул дверь за собой, как в неё изнутри что-то с силой ударило.

— Вот оно, — сказал я, переводя дух. Тётушка уже бежала из квартиры.

— Я к себе в квартиру больше не войду! Не войду! Пусть делают, что хотят, но в квартиру я не войду! — кричала тётушка на лестнице собравшимся жильцам нашего дома.

— Да вы скажите, Александра Михайловна, что же это было? — спрашивал Сергей Иванович из 53-го номера.

— Не знаю, не знаю, не знаю! — кричала тётушка. Только так в дверь ударило, что пол и потолок затрясся.

— Это скорпион. У нас их на юге сколько угодно, — сказала жена адвоката со второго этажа.

— Да, но в квартиру я не пойду! — повторила тётя Саша.

— Гражданка! — крикнул человек в фиолетовых штанах, перегнувшись с верхней площадки. — Мы не обязаны ловить скорпионов в чужой квартире. Ступайте к управдому.

— Верно, к управдому! — обрадовалась жена адвоката.

Тётя Саша отправилась к управдому.

Сергей Иванович из 53-го номера сказал, уходя к себе в квартиру:

— Однако, это не скорпион. Во-первых, откуда здесь быть скорпиону, а во-вторых, скорпионы не прыгают.

<Середина 1930-х>

91

Вот однажды один человек по фамилии Петров надел валеньки и пошёл покупать картошку. А за ним следом наш художник Трёхкапейкин пошёл.

Идёт художник за Петровым и его ноги на бумажку зарисовывает.

Вот Петров по улице идёт и на собак смотрит.

Вот Петров бегом к трамвайной остановке бежит.

А вот Петров в трамвае на скамейке сидит.

А вот он из трамвая вылез и даже танцевать начал. «Эх, — кричит, — хорошо прокатился!»

А вот он купил картошку и понёс её домой. Шёл шёл и вдруг упал. Хорошо ещё, что картошку не рассыпал!

Вот Петров стоит и художнику Трёхкапейкину говорит: «Я, — говорит, — картошку больше капусты люблю. Я её с подсолнечным маслом ем».

<Середина 1930-х>

92

Вот, Леночка, — сказала тётя, — я ухожу, а ты оставайся дома и будь умницей: не таскай кошку за хвост, не насыпай в столовые часы манной крупы, не качайся на лампе и не пей химических чернил. Хорошо?

— Хорошо, — сказала Леночка, беря в руки большие ножницы.

— Ну вот, — сказала тётя, — я приду часа через два и принесу тебе мятных конфет. Хочешь мятных конфет?

— Хочу, — сказала Леночка, держа в одной руке большие ножницы, а в другую руку беря со стола салфетку.

— Ну, до свидания, Леночка, — сказала тётя и ушла.

— До свиданья! До свиданья! — запела Леночка, рассматривая салфетку. Тётя уже ушла, а Леночка всё продолжала петь.

— До свиданья! До свиданья! — пела Леночка — До свиданья, тётя! До свиданья, четырёхугольная салфетка!

С этими словами Леночка заработала ножницами.

— А теперь, а теперь, — запела Леночка, — салфетка стала круглой! А теперь — полукруглой! А теперь стала маленькой! Была одна салфетка, а теперь стало много маленьких салфеток!

Леночка посмотрела на скатерть.

— Вот и скатерть тоже одна! — запела Леночка. — А вот сейчас их будет две! Теперь стало две скатерти! А теперь три! Одна большая и две поменьше! А вот стол всего один!

Леночка сбегала на кухню и принесла топор.

— Сейчас из одного стола мы сделаем два! — запела Леночка и ударила топором по столу. Но сколько Леночка ни трудилась, ей удалось только отколоть от стола несколько щепок.

<Середина 1930-х>

93

Володя сидел за столом и рисовал.

Нарисовал Володя домик, в окне домика нарисовал человечка с черной бородой, рядом с домиком нарисовал дерево, а вдали нарисовал поле и лес. А потом нарисовал около домика кустик и стал думать, что бы ещё нарисовать. Думал, думал и зевнул. А потом зевнул ещё раз и решил нарисовать под кустиком зайца.

Взял Володя карандаш и нарисовал зайца.

Заяц получился очень красивый, с длинными ушами и маленьким пушистым хвостиком.

— Эй-ей-ей! — закричал вдруг из окна домика человечек с чёрной бородой. — Откуда тут заяц? Ну-ка я его сейчас застрелю из ружья!

Дверь в домике открылась и на крыльцо выбежал человечек с ружьём в руках.

— Не смейте стрелять в моего зайца! — крикнул Володя.

Заяц пошевелил ушами, дрыгнул хвостиком и поскакал в лес.

«Бах!» — выстрелил из ружья человечек с чёрной бородой.

Заяц поскакал ещё быстрее и скрылся в лесу.

— Промахнулся! — крикнул человечек с чёрной бородой и бросил ружьё на землю.

— Я очень рад, что вы промахнулись, — сказал Володя.

— Нет! — закричал человечек с чёрной бородой. — Я, Карл Иванович Шустерлинг, хотел застрелить зайца и промахнулся! Но я его застрелю! Уж я его застрелю!

Карл Иванович схватил ружьё и побежал к лесу.

— Подождите! — крикнул Володя.

— Нет, нет, нет! Уж я его застрелю! — кричал Карл Иванович.

Володя побежал за Карлом Ивановичем.

— Карл Иванович! Карл Иванович! — кричал Володя. Но Карл Иванович, ничего не слушая, бежал дальше.

Так они добежали до леса. Карл Иванович остановился и зарядил ружьё.

— Ну, — сказал Карл Иванович, — теперь только попадись мне этот заяц!

И Карл Иванович вошёл в лес.

Володя шёл за Карлом Ивановичем.

В лесу было темно, прохладно и пахло грибами.

Карл Иванович держал ружьё наготове и заглядывал за каждый кустик.

— Карл Иванович, — говорил Володя. — Пойдемте обратно. Не надо стрелять в зайчика.

— Нет, нет! — говорил Карл Иванович. — Не мешайте мне!

Вдруг из куста выскочил заяц и, увидя Карла Ивановича, подскочил, перевернулся в воздухе и пустился бежать.

— Держи его! — кричал Карл Иванович.

Володя бежал за Карлом Ивановичем.

— О-о-о! — кричал Карл Иванович. — Сейчас я его! Раз, два, три!

Чёрная борода Карла Ивановича развевалась в разные стороны. Карл Иванович скакал через кусты, кричал и размахивал руками.

— Пуф! — сказал Карл Иванович, останавливаясь и вытирая рукавом лоб. — Пуф! Как я устал!

Заяц сел на кочку и, подняв ушки, смотрел на Карла Ивановича.

— Ах ты, паршивый заяц! — крикнул Карл Иванович. — Ещё дразнишься!

И Карл Иванович опять погнался за зайцем. Но, пробежав несколько шагов, Карл Иванович остановился и сел на пень.

— Нет, больше не могу, — сказал Карл Иванович.

<1936>

94
ПЕРО ЗОЛОТОГО ОРЛА

Было решено, что как только кончится немецкий урок, все индейцы должны будут собраться в тёмном коридоре за шкапами с физическими приборами. Из коридора нельзя было видеть, что делается за шкапами, и потому индейцы всегда собирались там для обсуждения своих тайных дел. Это место называлось «Ущельем Бобра».

Бледнолицые не имели такого тайного убежища и собирались, где попало, когда в зале, а когда в классе на задних скамейках. <Но зато у Гришки Тулонова, который был бледнолицым, была настоящая подзорная труба>. В эту трубу можно было смотреть и хорошо видеть всё, что творится на большом расстоянии. Индейцы предлагали бледнолицым обменять «Ущелье» на подзорную трубу, но Гришка Тулонов отказался. Тогда индейцы объявили войну бледнолицым, чтобы отнять у них подзорную трубу си-

лой. Как раз после немецкого урока индейцы должны были собраться в Ущелье Бобра для военных обсуждений.

Урок подходил уже к концу и напряжение в классе всё росло и росло. Бледнолицые могли первые занять «Ущелье Бобра»; ввиду военного положения это допускалось.

На второй парте сидел вождь каманчей Галлапун, Звериный Прыжок, или, как его звали в школе, Семён Карпенко, готовый каждую минуту вскочить на ноги. Рядом с Галлапуном сидел тоже индеец, великий вождь араукасов Чин-гак-хук. Он делал вид, что списывает с доски немецкие глаголы, а сам писал индейские слова, чтобы употреблять их во время войны.

Чин-гак-хук писал:

Ау — война
Кос — племя
Унем — большое
Инам — маленькое
Амик — бобр
Дэш-кво-нэ-ши — стрекоза
Аратоки — вождь
Тамарака — тоже вождь
Пильгедрау — воинственный клич индейцев
Оах — здравствуйте
Уч — да
Мо — орёл
Капек — перо
Кульмегуинка — бледнолицый
Куру — чёрный

— Сколько минут осталось до звонка? — спросил своего соседа Галлапун.

— Восемь с половиной, — отвечал Чин-гак-хук, едва двигая губами и внимательно глядя на доску.

— Ну, значит, сегодня спрашивать не будет, — сказал Галлапун.

«Надо сказать Никитину, чтобы он минуты за две до звонка попросил бы у учителя разрешения выйти из класса и спрятался бы в Ущелье Бобра», — подумал про себя Галлапун и сейчас же написал на кусочке бумажки распоряжение и послал его Никитину по телеграфу.

«Телеграфом» назывались две катушки, прибитые под партами, одна под партой Галлапуна, а другая под партой Никитина. На катушках была натянута нитка с привязанной к ней спичечной коробочкой. Если потянуть за нитку, то коробочка поползёт от одной катушки к другой.

Галлапун положил в коробочку своё распоряжение и потянул за нитку. Коробочка уплыла под парту и подъехала к Никитину. Никитин достал из неё распоряжение Галлапуна и прочёл: «Галлапун, Звериный Прыжок, вождь каманчей, просит Курумиллу за две минуты до конца немецкого плена бежать <в> «Ущелье Бобра» и охранять его от бледнолицых».

Внизу послания была нарисована трубка мира, тайный знак каманчей.

Курумилла, или как его звали бледнолицые учителя — Никитин, прочёл распоряжение Галлапуна и послал ответ: «Курумилла, Чёрное Золото, исполнит просьбу Галлапуна, Звериного Прыжка».

Галлапун прочёл ответ Никитина и успокоился. Теперь Никитин сделает всё, что требу-

ется от индейского воина, и бледнолицым не удастся занять Ущелья.

— Ну, теперь «Ущелье» наше, — шепнул Чунгак-хуку Галлапун.

— Да, — сказал Чин-гак-хук, — если только не помешают нам мексиканцы.

— Какие мексиканцы? — удивился Галлапун.

— А вот видишь, — сказал Чин-гак-хук, разворачивая лист бумаги. — Перед тобой план нашей школы, а вот посмотри, — это карта Северной Америки. Я дал каждому классу американские названия. Например, Аляска на карте помещается наверху, в правом углу, а на плане нашей школы там находится класс Д. Потому класс Д я назвал Аляской. Классы А и Б на нашем плане стоят внизу. В Америке тут как раз Мексика. Наш класс — Техас, а класс бледнолицых — Канада. Вот посмотри сюда! — И Чингак-хук подвинул к Галлапуну лист бумаги с таким планом:

Аляска (кл. Д)
Страна Больших Озёр (зал)
Канада (кл. Г)
Техас (кл. В)
Лестница
Калифорния
Уборная
Физический кабинет
Мексика (кл. Б)
Ущелье бобра
Юкатан (кл. А)

— Значит, мы техасцы? — спросил Галлапун.

— Конечно! — сказал Чин-гак-хук.

— Перестаньте разговаривать! — крикнул им учитель. Чин-гак-хук уставился на доску.

Вдруг раздался звонок. Шварц и Никитин вскочили со своих мест.

— Урок ещё не кончился! — крикнул учитель.

Шварц и Никитин сели.

— По моим часам осталось ещё три минуты до звонка, — сказал Чин-гак-хук.

— Значит, часы твои врут, — сказал Галлапун. — Но как же быть? Ведь бледнолицые могут занять Ущелье.

— К следующему разу выучите №№ 14,15, 16,17 и 19, — диктовал учитель.

В коридоре уже поднимался шум. В классе Б, верно, уже кончился урок. Сейчас и индейцы освободятся, но вдруг бледнолицые раньше! Здесь важна каждая секунда.

— Ну, теперь в зал! — сказал учитель.

Никитина как ветром сдуло. Он вылетел из класса как пуля. Выскочив из дверей, он прямо всем телом налетел на Свистунова. Свистунов был самым сильным бледнолицым. Бледнолицые вышли из класса одновременно с индейцами, и Свистунов бежал в «Ущелье». За Никитиным выбежал из класса Галлапун. Увидев Галлапуна, Свистунов толкнул Никитина и кинулся к «Ущелью».

Но недаром Галлапуна звали Звериным Прыжком. Не успел Свистунов сделать и четырех шагов, как сзади его обхватили сильные руки Галлапуна. Кругом столпились мексикан-

цы, мальчишки и девчонки, и смотрели на борьбу двух силачей.

— Эй-го-ге! — раздался крик Чин-гак-хука. В то время, как Галлапун бился с Свистуновым, Чин-гак-хук прибежал в «Ущелье».

— Эй-го-ге! — крикнул Чин-гак-хук.

Галлапун оставил Свистунова и присоединился к Чин-гак-хуку. «Ущелье Бобра» осталось за индейцами.

— Скорей, скорей, — торопился Чин-гак-хук, — надо обсудить военные дела до конца перемены. Осталось четыре минуты.

Все индейцы были уже в сборе. Никитин встал охранять вход в Ущелье, а Чин-гак-хук сказал:

— Краснокожие! Нас всех, не считая девчонок, 11 человек. Бледнолицых хоть и больше, но мы храбрее их. У меня есть план войны. Я вам разошлю его по телеграфу. Если вы согласитесь, то мы предложим его бледнолицым, чтобы война шла правильно. Сейчас я предлагаю вам обсудить один вопрос. Мы все время на уроках думаем: как бы бледнолицые не заняли Ущелья. Это мешает нам заниматься. Давайте предложим сейчас бледнолицым, чтобы они не занимали Ущелья без нас. Когда мы тут — пусть нападают. И кто во время звонка к уроку будет в Ущелье, — тому Ущелье и будет принадлежать на следующей перемене.

— Правильно! — в один голос ответили все краснокожие.

— Кто пойдет разговаривать с бледнолицыми? — спросил Пирогов или, как его звали индейцы, — Пиррога, что значит лодка.

— Пусть Чин-гак-хук и идет разговаривать! — кричали индейцы.

— Я согласен, — сказал Чин-гак-хук, — только пусть раньше пойдет кто-нибудь и предупредит бледнолицых.

— Пусть Пиррога и пойдет, — сказал кто-то.

— Хорошо, — сказал Чин-гак-хук. — Но у индейцев есть такой обычай, что если человек идёт с миром, то он должен нести с собой трубку мира. У меня есть такая.

Чин-гак-хук достал из кармана маленькую трубочку, должно быть, своего отца. К трубке сургучом были прикреплены куриные перья.

— Ступай в Страну Больших озер и покажи бледнолицым эту трубку, — сказал Чин-гак-хук Пирроге. — Потом приходи назад и приведи с собой кого-нибудь из бледнолицых. Я поговорю с ним в тёмном коридоре, или как я это называю, — Калифорнии.

Пиррога взял трубку мира и пошёл из Ущелья. Выйдя в коридор, он был окружён толпой любопытных мексиканцев.

— Николай Пирогов
Поймай воробьев! —

кричали ему мексиканцы. Но Пиррога шёл, гордо закинув голову, как и подобало ходить настоящему индейцу.

В Стране Больших озёр было очень шумно. Рослые жители Аляски носились по зале, ловя друг-друга. Тут были и мексиканцы, но мексиканцы народ маленький, хоть и очень подвижный.

В углу Пиррога увидел бледнолицых. Они стояли и о чём-то сговаривались. Пиррога по-

дошел к ним поближе. Бледнолицые замолчали и уставились на Пиррогу.

Пиррога протянул им трубку мира и сказал:

— Оах! — что означало — здравствуйте.

Из толпы бледнолицых вышел Гришка Тулонов.

— Тебе чего нужно? — спросил он Пиррогу и прищурил глаза.

— Чин-гак-хук, вождь араукасов, хочет говорить с тобой, — сказал Пиррога.

— Так пусть приходит, — сказал Гришка Тулонов, — а ты это чего в руках держишь?

— Это трубка мира! — пояснил Пиррога.

— Трубка мира? А этого хошь? — и Тулонов показал Пирроге кулак.

— Пусть кто-нибудь из вас пойдёт переговорить с Чин-гак-хуком — сказал Пиррога, пряча трубку в карман.

— Ладно, я пойду, — сказал Свистунов.

Пиррога шёл впереди, а Свистунов шёл сзади, размахивая руками.

— Ты подожди в Калифорнии, — сказал Свистунову Пиррога, — а я сейчас позову Чин-гак-хука.

При входе в Ущелье Никитин остановил Пиррогу:

— Кто идет? — спросил Никитин.

— Я, — сказал Пиррога.

— Пароль? — спросил Никитин.

— Три яблока, — сказал Пиррога.

— Проходи, — сказал Никитин.

Чин-гак-хук уже ждал Пиррогу. Он сейчас же взял трубку мира и побежал в Калифорнию.

В это время раздался звонок. Пришлось идти в класс.

Индейцы расселись по своим местам, но Чин-гак-хука не было. Сейчас должен начаться урок арифметики.

— Где же Чин-гак-хук? — волновался Галлапун.

— Не подрались ли они? — сказал Пиррога.

— Я пойду посмотрю, — сказал Галлапун и пошел к двери.

Но из класса не вышел, так как по коридору шёл уже учитель. Галлапун сел на своё место. Учитель вошёл в класс и сел за столик.

В это время дверь бесшумно приоткрылась и закрылась. Чин-гак-хук на четвереньках юркнул под парту к Никитину. Учитель повернул голову к двери, но там уже никого не было.

Галлапун был в восторге от Чин-гак-хука.

«Вот это индеец так индеец!» — думал он.

<Вдруг под партой что-то зашуршало и толкнуло колено Галлапуна. Это была коробочка индейского «телеграфа». В коробочке была записка: «Вождь каманчей Галлапун, урони карандаш и начни его искать. Я подползу. Вождь араукасов Чин-гак-хук».

Учитель начал урок. Он каждую минуту мог заметить отсутствие Чин-гак-хука, а потому Галлапун скорей уронил карандаш и наклонился его поднять>.

Минуту спустя Чин-гак-хук сидел уже рядом с Галлапуном.

— Свистунов на всё согласен, — сказал он Галлапуну. — Мы можем быть спокойны, что без

нас Ущелье они не займут. Теперь надо нашим разослать мои правила войны.

Чин-гак-хук достал большой лист бумаги и написал:

«Индейцы! Мы объявили войну бледнолицым. Но кто останется победителем? Тот, кто завладеет Ущельем и подзорной трубой? Это поведёт к драке и нас выставят из школы. Я предлагаю другое. В зоологическом саду есть клетка с орлом.

У орла другой раз выпадают перья, и сторожа втыкают их в дверцу клетки с внутренней стороны. Если согнуть проволочку, то можно достать одно перо.

Сегодня мы идём после большой перемены на экскурсию в зоологический сад. Так вот я и предлагаю считать победителем того, кто первый достанет перо орла.

Я уже говорил со Свистуновым и он передаст это бледнолицым.

Вождь араукасов Чин-гак-хук».

Чин-гак-хук показал проект войны Галлапуну и опустил его в телеграфную коробочку. Вскоре проект, подписанный всеми индейцами, вернулся к Чин-гак-хуку.

— Все согласны, — сказал Чин-гак-хук и стал внимательно слушать учителя.

— Тр-р-р-р-р-р-р! — зазвенел звонок.

Индейцы, не торопясь, записали уроки и вышли из класса. Бледнолицые поджидали их уже в коридоре.

— Эй вы! — кричали бледнолицые, — пора воевать, идите в Ущелье, а мы вас оттуда вышибем!

Галлапун вышел вперёд и низко поклонился.

— Бледнолицые! — сказал он, — Ущелье Бобра достаточно велико, чтобы поместить в себе и нас и вас. Стоит ли драться из-за него, когда оно может принадлежать тому, кто первый выскочит из класса. Я предлагаю другое. Пойдёмте все в Ущелье и обсудим мое предложение.

В Ущелье набралось столько народу, сколько могло туда поместиться.

<Вторая пол. 1930-х>

Д. ХАРМС
ТОМ 3

ПРИМЕЧАНИЯ

В настоящий том включены произведения Хармса, написанные им для детей.

Нам уже приходилось останавливаться на композиционных принципах настоящего собрания. В частности, указывать на избранный нами формальный принцип в отделении «детских» текстов Хармса от «взрослых» (см.: т. 1. С. 335; т. 2. С. 419). Повторим лишь, что сознаваемые нами недостатки этого принципа (попадание некоторых «детских» текстов в разряд «взрослых») чреваты, на наш взгляд, меньшим субъективизмом, чем произвольные интерпретации, которые повели бы к фантастическим перетасовкам текстов.

Всё же и в нашем, по возможности, формальном подходе имеются некоторые исключения, на которые ниже укажем.

СОСТАВ. Следование принципу исчерпывающей полноты при публикации всего, что напечатано Хармсом в детских изданиях, не представлялось, на наш взгляд, целесообразным потому, что некоторые его тексты очевидно выходят за рамки творческих: имеем в виду те, которые являются простыми сопроводительными подписями под картинками (см., например: «Двенадцать поваров» // Чиж. 1934. № 3. С. 5 и ряд ему подобных; на такие тексты, в том числе, не вошедшие и в тт. 1 и 2 наст. собр., будет

указано в сводном «Списке не вошедшего в наст. собр.»: см. т. 4).

Вместе с тем, в посмертные публикации творческого наследия Хармса (Юдин Л. и особенно: Александров, Кавин) включены такие тексты, атрибуция которых Хармсу ничем не подтверждена. Когда мы не обнаруживали достаточных оснований, подтверждающих авторство Хармса, мы старались избегать публикации таких текстов (предпочитая, чтобы следующее издание Хармса было «дополненным», нежели «очищенным»). Исключение сделано нами лишь для текстов 4,22,71 и 74, в которых мы находим характерные признаки хармсовского творческого почерка.

ТЕКСТОЛОГИЯ. Несмотря на то, что большинство воспроизводимых здесь текстов опубликованы при жизни Хармса и, следовательно, можно было руководствоваться его последней авторской волей (в отличие от большинства текстов т. 1 и 2 наст. собр.), формальный подход и здесь требовал корректировки. Приведем два характерных примера.

В первой публикации текста «Иван Иваныч Самовар» присутствует характерное хармсовское финальное «Всё», которого нет в отдельном издании — мы сочли целесообразным его воспроизвести по первой публикации.

С другой стороны, в отдельном издании «Как папа застрелил мне хорька» пунктуально соблюдено написание буквы ё, которому следовал обычно Хармс, в отличие от первой публикации, где это написание отсутствует.

Таким образом, хотя большинство текстов мы воспроизводим по первой (а это чаще всего и единственная прижизненная) публикации, в некоторых случаях приходилось корректировать этот принцип и он всегда оговаривается в примечаниях.

Без специальных оговорок мы снимаем нумерацию отдельных строф, когда она является в источнике публикации формальной привязкой к картинке, к которой относится текст.

ДАТИРОВКА. В тех случаях, когда наличные автографы не давали основания более точно датировать тексты, мы считали временем создания текста дату первой публикации.

ПРИМЕЧАНИЯ. Что касается содержательной стороны примечаний, то мы пытались, как и в т. 1 и 2 наст. собр., проследить сквозные мотивы творчества Хармса, рассматривая «детского» Хармса как часть единого творческого явления. В таком подходе к его текстам мы нашли союзников, прежде всего, в исследованиях Г.Кёниг, вообще, кажется, первой в таком ракурсе рассмотревшей творчество Хармса и обэриутов (König) и особенно Т.Гроба, который посвятил этой проблеме специальную монографию и половину её — непосредственно Хармсу (Grob. S. 23-228). В последней работе интерпретированы практически все «детские» тексты Хармса (быть может, их контекст даже излишне расширен).

Мы сочли возможным использовать в примечаниях такой специфический источник, как собственные показания Хармса (и Введенского, Андроникова) на допросах по делу № 4246 (вследствие неисправной первой публикации: Разгром ОБЭРИУ — всюду цитируем по: Чинари). Несмотря на несомненную «принужденность» этого источника, степень детализации в автохарактеристике отдельных текстов, на наш взгляд, несет печать хармсовской (и названных подследственных) индивидуальности.

Наконец, не по традиции, но по душевной потребности, благодарим всех, кто своими добрыми советами заинтересованно помогал в подготовке настоящего тома.

Список условных сокращений названий периодических изданий и архивохранилищ

ВЛ — Вечерний Ленинград, газета

ДЛ — Детская литература, журнал

ИРЛИ — Институт русской литературы Российской Академии наук (Пушкинский дом). Рукописный отдел

ЛГ — Литературная газета

РНБ — Российская национальная библиотека. Отдел рукописей

СД — Современная драматургия, журнал

ЧС — Частное собрание

Список цитируемой литературы

Александров I — Александров А.А. Материалы Д.И.Хармса в Рукописном отделе Пушкинского дома // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома на 1978 год. Л., 1980. С. 64-79.

Александров II — Александров А. «Учитель, ученик...» // ДЛ. 1984. № 2. С. 42-45.

Александров III — Хармс Д. Цирк Шардам / Вступит. статья А.А.Александрова // СД. 1992. № 1. С. 222-226.

Александров, Кавин — Хармс Д. Летят по небу шарики. Подг. текстов и статьи А.Александрова и Н.Кавина. Красноярск, 1990.

Бармин — Бармин А. Веселая книжка // Детская литература: Критический сб. М.;Л., 1931. С. 58-79.

Бахтерев — Бахтерев И. Когда мы были молодыми // Воспоминания о Н. Заболоцком. Изд. 2-е. М., 1984. С. 57-100.

Бегак I — Бегак Б. Стихи и дети // Книга и революция. 1936. № 10. С. 34-42.

Бегак II — Бегак Б. Социальная тема в поэзии для детей // ДЛ. 1936. № 19. С. 44-50.

Белахова — Белахова М. За правдивость в книгах для дошкольников // ДЛ. 1937. № 17. С. 2-14.

Берггольц — Берггольц О. Книга, которую не разоблачили // Наступление. 1932. № 2. 16 марта.

Борисов — Борисов С.Б. Эстетика «черного юмора» в российской традиции // Из истории русской эстетической мысли: Межвузовский сб. науч. трудов. СПб., 1993.

Герасимова — Герасимова А.Г. Как сделан «Врун» Хармса // Седьмые Тыняновские чтения: Материалы для обсуждения. Рига; М., 1995-1996. С. 200-208 (Тыняновский сб. Вып. 9).

Гернет I — Гернет Н.Н. Б.Б.Малаховский в журнале «Чиж» // Б.Б.Малаховский. Л., 1978. С. 50-52.

Гернет II — Гернет Н. О Хармсе // Нева. 1988. № 2. С. 202-204.

Гроб, Жаккар — Гроб Т., Жаккар Ж.-Ф. Хармс — переводчик или поэт барокко? // Шестые Тыняновские чтения: Тезисы докладов и материалы для обсуждения. Рига; М., 1992. С. 31-44.

Зеленин — Зеленин Д.К. Великорусские сказки Вятской губернии. Пг., 1915.

Ив. Не-Топорышкин — Ив. Не-Топорышкин. Топор для детей // Бегемот. 1928. № 18. С. 7.

Калашникова — Калашникова Р.Б. Обериуты и В.Хлебников: (звуковая организация стиха) // Проблемы детской литературы. Петрозаводск, 1984. С. 90-98.

Кальм — Кальм Д. Против халтуры в детской литературе! // ЛГ. 1929. № 35. 16 декабря.

Левина — Левина Е.М. Небылицы и небыличность в детском фольклоре и детской литературе // Проблемы детской литературы. Петрозаводск, 1981. С. 111-128.

Левинтон — Левинтон Г. Заметки о Хлебникове // Русский авангард в кругу европейской культуры: Международная конференция. Тезисы и материалы. М., 1993. С. 125-137.

Маршак — Маршак С., Михалков С., Чуковский К. В редакцию журнала «Крокодил» // Маршак С. Собр. соч.: В 8 т. М.,1972. Т. 8. С. 531.

Мейлах — Мейлах М.Б. Шкап и колпак: фрагмент обэриутской поэтики // Тыняновский сб.: Четвертые Тыняновские чтения. Рига, 1990. С. 181-193.

Патреев-Мещеряк — Патреев-Мещеряк А. «Ёж» залез в джунгли // Нижегородский просвещенец. 1931. № 10. С. 55-57.

Пропп — Пропп В.Я. Ритуальный смех в фольклоре // Пропп В.Я. Фольклор и действительность. М., 1976. С. 174-204.

Путилова — Русская поэзия детям / Вступит. статья, сост., подг. текста и примеч. Е.Путиловой. Т. 2. СПб., 1997 (Новая библиотека поэта; большая серия).

Разгром ОБЭРИУ — Разгром ОБЭРИУ: материалы следственного дела / Вступит. статья, публ. и коммент. И.Мальского // Октябрь. 1992. № 11. С. 166-191.

Рахтанов — Рахтанов И. Рассказы по памяти. М., 1971.

Семенов — Семенов Б. Время моих друзей: Воспоминания. Л., 1982.

Тименчик — Тименчик Р.Д. К символике трамвая в русской поэзии // Труды по знаковым системам. 21. Тарту, 1987. С. 135-141.

Тренин — Тренин В. О «смешной» поэзии // ДЛ. 1939. № 9. С. 20-25.

Черненко — Черненко Г. «Я ему был рад так же, как и он мне»: (Даниил Хармс в письмах Бориса Житкова) // Хармсиздат представляет: Советский эрос 20-30-х годов. Сборник материалов. СПб., 1997. С. 15-18.

Чинари — «...сборище друзей, оставленных судьбою»: Л.Липавский, А.Введенский, Я.Друскин, Д.Хармс, Н.Олейников: «Чинари» в текстах, документах и исследованиях. В 2-х т. М., 1997.

Чуковский — Чуковский К. Заметки читателя // ЛГ. 1940. № 57. 17 ноября.

Чукоккала — Чукоккала: Рукописный альманах Корнея Чуковского. М., 1979.

Юдин В. — Юдин В. «Трюх-трюх! // Крокодил. 1963. № 4. С. 9.

Юдин Л. — Юдин Л. Разноцветные истории. Л., 1975.

Aizlewood — Aizlewood R. Towards an interpretation of Kharms's Sluchai // Daniil Kharms and the poetics of the Absurd: Essays and Materials / Ed. by N.Kornwell. L., 1991. P. 97-122.

Grob — Grob Th. Daniil Charm's unkindliche Kindcheit. Peter Lang, Bern u.a., 1994 (Slavica Helvetica. Bd. 45).

König — König G. Die Kinderlyrik der Gruppe Oberiu // Wiener Slawistischer Almanach. 1978. Bd. 1. S. 57-78.

СТИХОТВОРЕНИЯ

1. Впервые — Ёж. 1928. № 1. С.28-29 (в оглавлении — Иванович).

С Иваном Ивановичем Самоваром у Хармса впервые встречаемся в «Комедии города Петербурга» (см. т. 2 наст. собр.). О своеобразной инверсии наст. текста относительно предшествовавшего ему «взрослого» — «О том, как Иван Иванович попросил и что из этого вышло» — и замечания о связи «взрослого» и «детского» Хармса см. т. 1 наст. собр., текст 2 (сопоставление двух этих текстов, как пример своеобразной связи двух ипостасей творчества Хармса, было предложено нами в докладе на Тыняновских чтениях в июле 1994 года и внимательно прослушано присутствовавшей при этом А.Г. Герасимовой, что очевидно из ее статьи, появившейся в 1996 г. — см.: Герасимова. С. 201). См. так же в наших примечаниях к названному тексту — о наивысшей среди персонажей Хармса частоте имени Иван и двойчатки «Иван Иванович», которую относим за счет гоголевского влияния. Эта частота распространяется в равной степени и на творчество Хармса для детей (см.: 2-4,6,22,25,44,52,62,72,73,78,87).

По автохарактеристике Хармса на допросе 1 января 1932 г., текст стихотворения является антисоветским «... в силу своей абсолютной, сознательно проведенной мною оторванности от конкретной советской действительности. Это — типично буржуазная детская книжка, которая ставит своей целью фиксирование внимания детского читателя на мелочах и безделушках с целью отрыва ребенка от окружающей действительности, в которой, согласно задачам советского воспитания, он должен принимать активное участие. Кроме того, в этой книжке мною сознательно идеализируется мещански-кулацкая крепкая семья с огромным самоваром — символом мещанского благополучия». Некоторые нюансы имеются в характеристике, данной А.Введенским в показаниях 26 декабря 1931 г.: «... является политически враждебной современному строю потому, что она прививает ребенку мещанские идеалы старого режима и, кроме того, содержит в себе элементы мистики, поскольку самовар фетишируется» (Чинари. Т. 2).

А.Бармин по поводу наст. текста писал: «Интересны экспериментальные стихи Д.Хармса. Хармс, опираясь на детское творчество, нашел те условия, в которых слова и способы соединения слов входят в сознание с наибольшим эффектом. <...> Ребенок чувствует игру в разных способах соединения слов» (Бармин. С.72-73).

Лучшей вещью Хармса назвал наст. текст В.Тренин, отметив, что он построен на «повторах, сходных с синтаксическим строем народного стиха» (Тренин. С. 24).

Самовар — кажется, эта «фамилия» может быть сопоставлена с украинскими фамилиями гоголевских персонажей. О популярности в кругу друзей Хармса самовара, как литературного мотива, вспоминает И.Бахтерев, приводя шуточное стихотворение Н.Заболоцкого от 12 марта 1927 г.: «Данька будет генералом, Шурка будет самоваром, Шурка будет течь да течь, генералу негде лечь...» (Бахтерев. С.74). Об эротических коннотациях мотива самовара см.: Левинтон. С.125-137. См. также: 65, 76 и т.1 и 2 наст. собр.;

трёхведерный — в разветвленной нумерологии Хармса число три занимает центральное место, объяснимое его особым значением не только в христианстве, но и, например, в индуизме, который изучал Хармс (см. также: 5,49,94 и т. 1 и 2 наст. собр.);

пыхал паром кипяток — ср. у Хармса: «бьется в чашке кипяток» (т.1 наст. собр., текст 86);

дядя Петя — одно из самых популярных у Хармса имен персонажей (см: 10,20,43,49,52,60,61,63,81,84,94 и т.1 и 2 наст. собр.);

дедушка...; *бабушка* — то же, что *старик* и *старуха* — исключительно распространенный у Хармса мотив, имеющий фольклорное происхождение, а также связанный с его концепцией времени (см.: 3,46,48,64 и т. 1 и 2 наст. собр.);

шкап — одно из двух (и колпак), по определению М.Мейлаха, «чинарских» слов (см.: Мейлах. С. 192; т.1 наст. собр., текст 26; 64,66,94 и т. 1 и 2 наст. собр.);

Всё — см. 10,49,61; так заканчиваются несколько десятков «взрослых» стихотворных текстов Хармса (см. т.1 наст. собр., текст 3 и мн. др.).

2. Впервые — Ёж. 1928. № 2. С. 21. Автограф — ИРЛИ.

Печ. по тексту журнальной публ. с исправлением по автографу: «повалился» вместо «провалился» и воспроизведением подписи. Отметим, что в автографе фамилия персонажа: Тапорыжкин; учитывая хорошее знание Хармсом правильного написания слова топор, следовало бы отнестись к его написанию фамилии персонажа в автографе, как умышленной хармсовской «неправильности», более соответствующей его поэтике и, скорее всего, исправленной при публикации редакторами.

По свидетельству И.Бахтерева, фамилия персонажа первоначально была его (Бахтерева) собственным псевдонимом, использовавшимся при сочинении коллективной «эпистолярной поэмы» (Заболоцкий, Хармс, Бахтерев), украшавшей стену его комнаты (Бахтерев. С. 80).

Иван Топорышкин стал одним из постоянных персонажей журнала, но какова в этом авторская роль Хармса — не ясно; очевидно лишь, что он соучаствовал в коллективном творчестве, о чем свидетельствует фрагмент его автографа:

Иван Тапорыжкин подошел к Макару Свирепому и, сделав таинственное лицо, сказал:

«Теперь мы приедем очень скоро. Я всё привёл в порядок».

То есть как в порядок? — удивился Макар Свирепый (май-июнь 1929 г. — РНБ).

В показаниях 23 декабря 1931 г. Хармс так охарактеризовал наст. текст: «К наиболее бессмысленным своим стихам, как например, стихотворение «о Топорышкине», которое, ввиду крайней своей бессмыслицы, было осмеяно даже советской юмористической прессой, я отношусь весьма хорошо, расценивая их, как произведения качественно превосходные. И сознание, что они неразрывно связаны с моими непечатающимися заумными произведениями, приносило мне большое внутреннее удовлетворение» (Чинари. Т.2).

Упомянутое осмеяние прессой — возможно, псевдонимная рецензия в журн. «Бегемот»: «Что же касается Дании-

ла Хармса, автора нашумевшего топора, то мы не собираемся его топить.

Мы бы только хотели, чтобы он, по примеру Яна Гуса, сгорел, если не откажется писать такие топорные вещи» (Ив. Не-Топорышкин. С.7).

В «Последних новостях» (Париж) 1 августа 1929 г. появился также неодобрительный отзыв Г.Адамовича: «Не только дети логике не научатся, но и взрослые разучатся, прочитав стихотворение» (цит. по: Путилова. С. 719).

Эту традицию продолжил, уже в период посмертного возвращения Хармса в литературу, В.Юдин: «Есть детские стихи-„перевертыши“, в которых юные читатели прекрасно разбираются. Но можно ли разобраться в вышеприведенной абракадабре?» (Юдин В. С. 9; ответ см.: Маршак. С. 531).

Иное мнение и интерпретация Е.М.Левиной: «В этом произведении всё говорит о прекрасном знании фольклора и талантливом его использовании. Это перевертыш-скороговорка, описывающий картину охоты (по типу прозаических небылиц об охоте и охотниках). Эффект переверзии, способ варьирования одних и тех же мотивов зиждется на принципе метатезы (троп, характерный в равной мере и для фольклорного перевертыша)» (Левина. С. 122-123).

Иван — см.: 1,3,4,6,22,25,44,52,62,72,73,78,87 и т. 1 и 2 наст. собр.;

Охота — см.: 8,11; один из распространенных мотивов в текстах Хармса разных жанров, имеющий эротические коннотации и значение охоты за знаниями (см. т.1 и 2 наст. собр.);

топор — см. т. 1 и 2 наст. собр.

3. Впервые — Ёж. 1928. № 7. 4 с. обл.; № 8. 4 с. обл.

Один из многочисленных написанных Хармсом текстов, игравших роль рекламы журнала.

<1>

Колька — равно популярное имя персонажей «взрослых» и «детских» текстов Хармса (см.: 6,25,49,52,60,61,66, 87,89 и т. 1 и 2 наст. собр.;

Тете Наташе — в таком же сочетании см. т. 1 наст. собр.;

<2>

Ванька — см.: 1,2,4,6,22,25,44,52,62,72,73,78,87 и т. 1 и 2 наст. собр.;

старушка — см.: 1,46,48,64 и т. 1 и 2 наст. собр.

4. Впервые — Ёж. 1928. № 10. 4 с. обл.

Один из «рекламных» текстов.

Ваня — см.: 1-3,6,22,25,44,52,62,72,73,78,87 и т. 1 и 2 наст. собр.

5. Впервые — Ёж. 1928. № 12. С. 28.

По отзыву А.Бармина, «Интонация Хармса настолько выразительна, что её одной достаточно иногда для замыкания конструкции произведения» (Бармин. С.73).

три — см.: 1,49,94 и т. 1 и 2 наст. собр.

6. Впервые — Отд. изд. Л., 1928.

В своих показаниях от 1 января 1932 г. Хармс отнес «Театр» к «особо халтурным произведениям»: «Помимо того, что эта книжка не сообщает детям абсолютно никаких полезных сведений, — она и по форме своей является чрезвычайно скверной, антихудожественной» (Чинари. Т.2).

По отзыву В.Тренина «Стилистически «Театр» Хармса неравнозначен: здесь есть и отзвуки лубочных комических стихов, давно уже вошедших в детский фольклор <...>. И неожиданное отражение агитационных частушек Маяковского из плакатов «Роста» (Тренин. С. 23).

Кольку — см.: 3,25,49,52,60,61,66,87,89 и т. 1 и 2 наст. собр.;

Ванька — см.: 1-4,22,25,44,52,62,72,73,78,87 и т. 1 и 2 наст. собр.

7. Впервые — ДЛ. 1985. № 12. С. 38. Автограф — ИРЛИ.

Почему я не летаю — мотив полета присутствует равно во «взрослых» и «детских» текстах Хармса и связан как с эротическими коннотациями этого мотива так и с хармсовской онтологией (см.: 13,40,42,78 и т. 1 и 2 наст. собр.).

См. также прим. к тексту 57.

8. Впервые — Ёж. 1929. № 6. С. 24-25.

Печ. по отд. изд. (М., 1930) с воспроизведением подписи журнальной публ.

О чтении Хармсом наст. текста в детской аудитории см.: Семенов. С. 266-268.

По отзыву В.Юдина «Стишки написаны, скажем прямо, «поперек» во всех отношениях» (Юдин В. С. 9). См. также прим. к тексту 2.

Охота — см.: 2,11 и т. 1 и 2 наст. изд.

9. Впервые — Ёж. 1929. № 10. 3 с. обл. (повторено в № 11 и 12). Машинопись — ИРЛИ (среди автографов Хармса).

В машинописи стих 21: «Как разбойник ночной».

Один из «рекламных» текстов журнала.

столяр — см. 83 и т. 1 и 2 наст. собр.

10. Впервые — Ёж. 1929. № 12. С. 5-7. Автограф — ИРЛИ.

Печ. по тексту отд. изд. (Игра. М., 1930) с сохранением заглавия, конечного «всё», подписи и даты автографа.

По воспоминаниям И.Рахтанова, читалось в студенческом общежитии на Мытной ул. (Рахтанов. С. 120).

В.Тренин охарактеризовал стихотворение, как «<...>уже вполне самостоятельное и по теме и по форме. <...> Все стихотворение строится на двух приемах: применении нерифмованного четырехударного хорея на всем протяжении вещи и на настойчивом повторении отдельных ритмико-синтаксических комплексов и целых фраз. Этот прием очень редок в «книжной» поэзии, но типичен для фольклора: для песен и стихотворных сказок» (Тренин. С. 24).

По наблюдению Р.Б.Калашниковой «Заумь определяет основную тональность стихотворения <...>» (Калашникова. С. 93).

Петька — еще один равно популярный персонаж хармсовских «взрослых» и «детских» текстов (см.: 1,20,43,49, 52,60,61,63,81,84,94 и т. 1 и 2 наст. собр.);

всё — см.: 1,49,61 и т. 1 и 2 наст. собр.

См. также прим. к тексту 57.

11. Впервые — Чиж. 1930. № 1. С. 10-13. Автограф «первой редакции» (А.Александров) — ЧС.

Написано совместно Хармсом и С.Маршаком.

По описанию А.Александрова, в автографе восемь строф (куплет с припевом); отличия: иной припев 1 строфы —

чиж на подушке
чиж на кадушке
чиж на скамейке
чиж на полу
чиж под буфетом
чиж за портретом
чиж на кровати
чиж под столом

и не вошедшая в журнальную публикацию вторая строфа —

Нынче на пасху
затеяли пляску
сорок четыре
веселых чижа
чиж в рукавичках
чиж в черевичках
чиж в полуш<убке>
чиж в колпаке
чиж в кацавейке
чиж в бумазейке
чиж в макинтоше
чиж в пиджаке

(Александров II. С. 42-45).

По словам Маршака (в воспроизведении Б.Семенова) стихотворение написано на мотив аллегретто из Седьмой симфонии Бетховена (Семенов. С. 261).

Е.М.Левина считает текст ярким примером «небыличного антропоморфизма» (Левина. С. 123).

Учитывая, что 6-й Ленинградский детдом, которому посвящено стихотворение, находился по адресу: Фонтанка,

д. 36, текст возможно интерпретировать, как детский парафраз известного «Чижика-пыжика».

Отметим игру числом четыре, исключительно популярным в нумерологии Хармса вследствие его архаических коннотаций (см.: 12,23,47,49,52,53,57,72,88,94 и т. 1 и 2 наст. собр.), и кратными четырем.

шли на охоту — см.: 2,8 и т. 1 и 2 наст. собр.;

Чиж: тю-тю-тю! — ср. с изображением Хармсом полета мухи в «Разговорах» Л.Липавского (Чинари. Т. 1); см.также наст. т., текст 78.

Обратим внимание в приведенном варианте автографа на *колпак* — еще одно, по определению М.Мейлаха (Мейлах. С. 192) чинарское слово, занимавшее важное место в литературном быту и текстах Хармса (см.: 25 и т. 1 наст. собр.).

12. Впервые — Отд. изд. М., 1931. Повторно — Чиж. 1935. № 9. С. 11; с заменой во 2-м стихе: «Сорок лучших октябрят». Автографы — ИРЛИ и «Чукоккала». Печ. по тексту первой публ. с восстановлением даты по автографу ИРЛИ.

Сохранился издательский договор Хармса на книгу с обязательством представить ее 15 июля 1930 г. (РНБ).

На полях автографа ИРЛИ — подсчеты Хармсом математической точности стихотворного текста.

В показаниях 23 декабря 1931 г. Хармс назвал книгу «политически-вредным», «контрреволюционным» произведением; «тема пионерского движения подменена мною простой маршировкой, которая передана мною и в ритме самого стиха. С другой стороны, внимание детского читателя переключается на комбинации цифр». О том же — в показаниях 1 января 1932 г.: «В этой книжке я сознательно обошел тему, заданную мне, не упомянув ни разу на протяжении всей книжки слово «пионер» или какое-либо другое слово, свидетельствующее о том, что речь идет о советской современности. Если бы не рисунки <...> — то нельзя было бы понять, о чем идет речь в книжке: об отряде пионеров или об отряде белогвардейских бой-скаутов, тем более, что я отделил в содержании книжки девочек от мальчиков, что, как известно, имеет место в буржуазных детских организациях и, напротив, глубоко противоречит принципам пионер-движения». Дополнительная

характеристика И.Андроникова в его показаниях 27 января 1932 г.: «<...> книжка Хармса «Миллион» носит издевательский характер над пионерским движением <...>, представляет собой гнусный поклеп на пионеров, только и делающих, что марширующих, из десятков которых складывается (отдельно мальчиков и девочек) совершенно механически миллион» (Чинари. Т. 2).

Подобное мнение в печати высказала О.Берггольц, назвав книгу Хармса образцом дискредитации пионерской тематики, а самого Хармса «литературным белогвардейцем» (Берггольц); опубликованная в двух номерах газеты «Наступление» статья О.Берггольц должна быть особо отмечена, как наиболее жёсткая (если не жестокая — О.Берггольц не могла не знать, что в это время Хармс уже был осужден) критика творчества Хармса, а также тех, кто посмел одобрительно отозваться о его творчестве в книге: «Детская литература: Критический сборник» (М.;Л., 1931) — А.Бармина и Б.Бухштаба (благодарю А.Кобринского за указание на эту публикацию).

Напротив, Б.Бегак, найдя нужным целиком привести хармсовское стихотворение (по тексту второй публикации), отметил: «Очень своеобразными средствами Хармс создает ощущение коллектива» (Бегак II. С. 45).

В.Тренин назвал «Миллион» вещью, «в которой тема раскрывается в неожиданной цифровой игре. В основе это считалка, ритмизация таблицы умножения, игра, известная всем школьникам. Маршевый ритм этой вещи <...> восходит к фольклору» (Тренин. С. 24).

Наконец, приведем мнение Р.Б.Калашниковой, назвавшей наст. текст «образцом заумной считалки» (Калашникова. С. 93).

Отметим игру Хармса излюбленным им числом 4 и его вариантами — см.: 11,23,47,49,52,53,57,72,88,94 и т. 1 и 2 наст. собр.

13. Впервые — Ёж. 1930. № 24. С. 10-11. Автограф — «Чукоккала» (с незначит. разночтениями).

Современный ему критик так отозвался о тексте Хармса: «Наша страна находится в окружении капиталистических стран. Все дети знают, что нам надо крепить оборону страны, надо готовиться к обороне. Знают, что и на суше,

и на воде, и воздухе, и под водой нам приходится держать стражу, чтобы защитить наши границы от ожидаемого нападения.

Казалось бы, уж поэтому к вопросу надо подойти всерьез, а тут, — не угодно ли? — такая беспардонная, глупейшая, вредная безделушка. Но автору всё нипочем. Он «затронул военизацию» или просто «пошутил». <...> Быть может, это возмутительная неряшливость <...>. Или стопроцентная халтура, обернувшаяся во вражью шкуру? Вполне возможно. Этому веришь» (Патреев-Мещеряк. С. 56-57).

О фольклорных источниках текста см. у Е.М.Левиной: «<...> великолепная поэтическая игра «Врун», построенная также на перверзии и небыли, которая тут же разоблачается, но разоблачается весьма своеобразно» (Левина. С. 123).

Схожие наблюдения — в работе Герасимовой (Герасимова. С. 204-208).

Было сорок сыновей — возможна аллюзия на пушкинскую сказку «Царь Никита и 40 его дочерей»; отметим вариант исключительно популярного у Хармса числа четыре, который еще встретим ниже (52), а также в т. 1 наст. собр.;

научилися летать — см.: 7,40,42,78 и т. 1 и 2 наст. собр.;

скоро будет колесо — о мотиве колеса у Хармса и его индуистских корнях см. т. 1 наст. собр.; см. также: Герасимова. С.205.

14. Впервые — ВЛ. 1981. № 73. 28 марта.

15. Впервые — Александров, Кавин. С. 181. Автограф — ИРЛИ.

16. Впервые — Октябрята. 1931. № 1. С. 12.

17. Впервые — Октябрята. 1931. № 1. С. 21.

18. Впервые — Октябрята. 1931. № 1. С. 24.

19. Впервые — Ёж. 1931. № 19-20. С. 12-13.

По автохарактеристике Хармса в показаниях от 23 декабря 1931 г. «тема о <...> пионерском лагере подменена

мною сознательно темой естествоведческой и внимание ребенка переключается на те предметы, которые необходимо заготовить на зиму». И в показаниях 1 января 1932 г.: «С этой точки зрения я называю эту книжку не только антисоветской, но и вредительской» (Чинари. Т. 2).

Смотрите — // Это новый советский художник — ср. с текстом Хармса 1933 г. «О водяных кругах» (т. 1 наст. собр., текст 190).

20. Впервые — Александров, Кавин. С. 88-89. Автограф — ИРЛИ (2 варианта).

Написано по старой орфографии.

Петька — см.: 1,10,43,49,52,60,61,63,81,84,94 и т. 1 и 2 наст. собр.

21. Впервые — Александров, Кавин. С. 36-37. Автограф — ИРЛИ.

Приводим две вычеркнутые строфы, стоящие в автографе после первой:

Мы кричали ему: посмотри в телескоп!
Посмотри в телескоп астроном!
Он сбегал по ступеням в таинственный сад
И стоял посредине травы
Он смотрел с удивленьем вперёд и назад
Он смотрел с удивленьем вперёд и назад
Он смотрел с удивленьем вперёд.

Мы бежим и кричим, подбегаем к нему
И даём ему в руки бокал
Он обводит глазами таинственный сад
И бокал за подставку берёт
Он глядит с удивленьем вперёд и назад
Он глядит с удивленьем вперёд и назад
Он глядит с удивленьем вперёд.

Александров обратил внимание на сходство наст. текста с хармсовским «выходит Мария отвесив поклон...» (т. 1 наст. собр., текст 38) — Александров I. С. 79.

22. Впервые — Чиж. 1935. № 3. С. 12-15; № 4. С. 21-23.

две собачки — число два в хармсовской нумерологии почти всегда предвещает беспокойство (см.: 41,52,57,60,63,72 и т. 1 и 2 наст. собр.);

Иван Иваныч — см.: 1-4,6,25,44,52,62,72,73,78,87 и т. 1 и 2 наст. собр.;

ровно в пять — см.: 39,52 и т. 1 и 2 наст. собр.

23. Впервые — Ёж. 1935. № 5. С. 21.

Учитывая, что именно в этот период Хармс пишет так называемые «Упражнения в классических размерах», в том числе, насыщенные пушкинскими мотивами (см. т. 1 наст. собр., текст 242 и др.), позволим себе сравнить наст. текст со «Вступлением» к пушкинскому «Медному всаднику».

Четыре года — см.: 11,12,47,49,52,53,57,72,88,94 и т. 1 и 2 наст. собр.;

трамвай шумливый — см.: 25,61,91; отмечено заметное место этого мотива в поэзии начала XX века и, в частности, в поэзии для детей 1920 — 1930-х годов (см.: Тименчик. С. 135-142; Путилова. С. 43-45); у Хармса — место действия многочисленных прозаических текстов (см. т. 2 наст. собр.).

24. Впервые — Александров, Кавин. С. 30-31. Автограф — РНБ.

Образцом конструкции имени и фамилии главного героя послужили любимый композитор Хармса И.-С. Бах или В.-А. Моцарт.

25. Впервые — Чиж. 1935. № 12. С. 11. Автограф — ИРЛИ (вариант с правкой и иным заглавием, который приводим):

ВСЕ БЕГУТ, ЛЕТЯТ И СКАЧАТ

Едет едет
Ваня Мохов
На собаке
Бу бу бу,

А за ним
В аэроплане
Маша умница
Летит.
По волнам
Бежит кораблик
Раздувая паруса.
Едет едет
Из далёка
Храбрый доктор
Гулливер.
Ветер воет,
Воздух свищет,
Быстро мчится
паровоз,
И верхом
на паровозе
Мчится
Коля Петраков.

Поднимая
Пыль клубами
Карл Иваныч
Шустерлинг
На стальном
велосипеде
Мчится
С трубкою
в зубах.

А за ним
Бежит и скачет
Обезьяна
в колпаке

А за ней
бежит хозяин
с толстой палкою
В руке

А за ним
Бежит корова,
А за ней
Бежит петух,
А за ним
Рыча сурово
скачет тигр
Во весь дух.
А за тигром
По дороге
По камням
бежит народ
Я стою
расставив ноги
широко
разинув рот

Это что
скажите
значит
Объясните
Отчего
Все бегут,
летят
и скачат?

Почему
и для чего?

Все бегут
летят
и скачат, —
Отвечает
мне народ, —
Потому что
это значит
наступает
Новый год.

Потому что
Это значит
Новый год
уже настал.
Значит
Все бегут
и скачат
подписаться
На журнал!

Тут и я
Калоши скинул,
От волненья
Задрожал,
Шапку на уши
Надвинул
И как вихорь
Побежал.

Мы летим
бежим
и скачем
Ничего

не видя.
Лишь
мы поём
Кричим
и плачем:
Чиж!
Чиж!
Чиж!
Чиж!
Дайте нам!
Скорее дайте!
Чиж!
Чиж!
Чиж!
Чиж!

Даниил Хармс

После ст. 48 в автографе зачеркнутый текст:

А за кошкой
Скачет мышка,
А за мышкою
Блоха.
Я стою,
Скребу под мышкой,
Заливаюсь:
Ха-ха-ха!
Ха-ха-ха!

Один из ряда хармсовских текстов, способствовавших рекламе журнала. Наполнен преимущественно персонажами сказок бр. Гримм, печатавшихся тогда же в «Чиже».

У трамвайной остановки — см.: 23,61,91 и т. 2 наст. собр.;

в полосатом колпаке — см.: 11 и т. 1 и 2 наст. собр.;

Ваня Мохов с Умной Машей — персонажи текстов, печатавшихся в «Чиже» (см., например: «Чиж». 1934. № 1 и далее; «Чиж». 1935. № 10; «Чиж». 1936. № 10 и др.); по воспоминаниям Н.Гернет: «Машу выдумал Хармс и первую сочинил он, а потом её приключения продолжали разные авторы» (Гернет II. С. 203; см. также: Гернет I. С. 51). Именем Вани Мохова подписан рассказ Хармса — см. текст 75.

В автографе:

На собаке // Бу бу бу — см.: 73,78 (прим.);

Коля Петраков — персонаж с такой фамилией встречается в пяти «взрослых» текстах Хармса (см. т. 1 и 2 наст. собр.); причем, в одном из незавершенных набросков Хармса, писавшихся для «Чижа», находим Петра Петракова из «взрослых» его произведений:

Вдруг с шумом распахнулась дверь и в редакцию Чижа вошёл человек с таким огромным носом, что редактор, помощник редактора и писатель Пробочкин повскакали со своих мест и крикнули хором: что вам угодно?

А человек с огромным носом сказал: Я Пётр Петраков.

— Прекрасно, — сказал редактор, — но что же вам угодно?

— Мне надо видеть редактора Чижа, — сказал Пётр Петраков.

— Редактор это я, — сказал редактор.

— Что? — спросил Петраков.

— Вам нужно видеть редактора, — сказал редактор, — так вот это я и есть редактор.

— Ну и что же из этого, — спросил Петраков

(ИРЛИ; датируем 1933 г. по соседнему тексту).

Карл Иваныч Шустерлинг — см.: 26,72,93; еще один из созданных Хармсом персонажей текстов, печатавшихся в «Чиже» (не все они могут несомненно атрибутироваться

Хармсу — см., например: «Чиж». 1935. № 10; 1936. № 3 и 9); использован им в качестве псевдонима — см.: 26. С.Б.Борисовым отмечен, по-видимому, прототип хармсовского персонажа — Карл Иваныч Шустерл из книги: «Гут морген, Карл Иваныч!: Сборник немецких комических куплетов». Одесса, 1904 (Борисов. С. 151).

26. Впервые — Чиж. 1936. № 5. С. 23.

Карл Иванович Шустерлинг — см.: 25,72,93.

27. Впервые — Чиж. 1936. № 8. С. 24-25.

восемь раз — в кругу друзей Хармса и им самим считалось магическим счастливым числом; см.: 39,60,61,65,69,94 и т. 1 и 2 наст. собр.;

28. Впервые — Чиж. 1937. № 3. С. 18. Автограф — ИРЛИ (2 варианта).

В автографе в стихе 3 первоначальное: «и в длинный путь» зачеркнуто и вписано: «и в путь пошел».

Н.Гернет сообщила о том, что вследствие публикации наст. текста редакции «Чижа» было рекомендовано не печатать произведений Хармса (Гернет II. С.204).

В период посмертного «возвращения» Хармса в литературу интерпретация наст. текста приобрела политический характер. Между тем, он глубоко связан с хармсовской онтологией, имеющей мало общего с его политическими воззрениями.

Мотив выхода за пределы временного (и, значит, принципиально «неправильного») существования в вечность — один из главнейших в творчестве Хармса, имеющий самые разнообразные источники — фольклорные, оккультные, литературные и др. (см. т. 1 и 2 наст. собр.). В связи с сюжетом наст. текста приведем замечание В.Проппа: «В некоторых случаях живой (в большинстве случаев шаман, посвященный, в сказке — герой, причем царство смерти переосмысляется в иное, тридесятое царство) может попасть туда <в царство смерти. — В.С.> при жизни, но тогда он должен симулировать смерть: не спать, не говорить, не видеть, не смеяться» (Пропп. С. 183).

Р.Айзлвуд напомнил о «басне» К.Пруткова «Однажды нес пастух куда-то молоко...» с подобной тексту Хармса просьбой в последнем стихе (Aizlewood. P. 120).

29. Впервые — Сверчок. 1937. № 4. С. 14.

Однажды — распространенный зачин хармсовских текстов, которым он как бы «включает» время — один из важнейших мотивов своих произведений (см. также 91 и т. 1 и 2 наст. собр.).

30. Впервые — Чиж. 1938. № 3. С. 7.

35-го полка — это число встретим еще у Хармса в «Историческом эпизоде» (см. т. 2 наст. собр., текст 143.26).

31. Впервые — Чиж. 1938. № 3. 3 с. обл.

Атрибутируется Хармсу на основании утверждения Л.Юдина, иллюстрировавшего текст для журнальной публ. (Юдин Л. С. 14).

32. Впервые — Чиж. 1938. № 3. С. 15-16.

33. Впервые — Чиж. 1938. № 10. С. 28.

34. Впервые — Чиж. 1938. № 10. С. 29.

35. Впервые — Чиж. 1938. № 11. С. 25.

36. Впервые — Чиж. 1938. № 11. 4 с. обл.

37. Впервые — Чиж. 1938. № 12. С. 6-7 (вместе с нотами музыки Т.Вилькорейской). Автографы — РНБ и ИРЛИ.

38. Впервые — Чиж. 1939. № 4. С. 9 (вместе с нотами музыки С.Заранек).

39. Впервые — Чиж. 1939. № 5. С. 29.

Уж восемь без пяти — см.: 27,60,61,65,69,94;22,52 и т. 1 и 2 наст. собр.

40. Впервые — Чиж. 1939. № 7/8. С. 14.

Невозможно не вспомнить о знаменитой песне на стихи М.Исаковского «Летят перелетные птицы» (1948).

полет — см.: 7,13,42,78 и т. 1 и 2 наст. собр.

41. Впервые — Чиж. 1939. № 9. 4 с. обл.

Володя — один из наиболее популярных детских персонажей у Хармса (см.: 58,68,75,80,86,93; см. также т. 2 наст. собр.);

две собачонки — см.: 22,52,57,60,63,72 и т. 1 и 2 наст. собр.

42. Впервые — Александров, Кавин. С. 34-35. Автограф — РНБ.

После первой строфы зачеркнуто:

И странное солнце
Над странной страною
Смеется над странной луной.
И странные звезды
Веселой толпою
Летают над странной страной.

43. Впервые — Александров, Кавин. С. 57-58. Автограф — ИРЛИ.

Петя — см.: 1,10,20,49,52,60,61,63,81,84,94 и т. 1 и 2 наст. собр.

44. Впервые — Чиж. 1940. № 1. 4 с. обл.

А оно как зарычит! // Как ногами застучит! — цитата из «Мойдодыра» К.Чуковского (1923);

Глянь-ка, Маня! — крикнул Ваня — сочетание в одном тексте уникальных по популярности у Хармса имен персонажей (см.: 1-4,6,22,25,52,62,72,73,78,87; 25,60,67,73).

45. Впервые — Чиж. 1940. № 3. С. 21.

По замечанию Б.Хаимского, весь видимый мир у Хармса здесь (как и в еще некоторых случаях) предстает в виде нуждающегося в расшифровке.

46. Впервые — Чиж. 1940. № 4, С. 11-12. Атрибутируем Хармсу согласно свидетельству Л.Юдина (Юдин Л. С. 14).

старушка — см.: 1,3,48,64 и т. 1 и 2 наст. собр.

47. Впервые — Чиж. 1940. № 5. С. 5.

Е.М.Левина отметила в наст. тексте «небыличный антропоморфизм» (Левина. С. 123).

четыре — см.: 11,12,23,49,52,53,57,72,88,94 и т. 1 и 2 наст. собр.

48. Впервые — Чиж. 1940. № 6. С. 20.

О разнообразной реакции читателей на наст. текст. см.: Семенов. С. 268-269.

По оценке К.Чуковского: «Конечно, озорная игривость в детских стихах — чрезвычайно ценное качество, и Даниил Хармс неоднократно давал прекрасные её образцы, но в данном случае мы имеем дело с антихудожественным сумбуром, который не имеет никакого отношения к юмору, ибо переходит в развязность (Чуковский).

Б.Хаимский отметил, что герой наст. текста ведет себя в соответствии с наставлениями дзэн-буддиста, причем, звуки его смеха подобны священному слогу «му» в дзэнских упражнениях (напомним об увлечении Хармса буддизмом: см. т. 1 и 2 наст. собр.).

старичок — см.: 1,3,46,64 и т. 1 и 2 наст. собр.

49. Впервые — Чиж. 1940. № 10. 4 с. обл.

Коля с Петей — популярные персонажи Хармса, которых нередко встретим у него и порознь и именно в таком сочетании — см.: 3,6,25,52,60,61,66,87,89;1,10,20,43,52, 60,61,63,81,84,94;

четыре года — см.: 11,12,23,47,52,53,57,72,88,94 и т. 1 и 2 наст. собр.;

только три — см.: 1,5,94 и т. 1 и 2 наст. собр.;

Вот и всё — см.: 1,10,61 и т. 1 наст. собр.

50. Впервые — Отд. изд. Л., 1940.

51. Впервые — ЛГ. 1968. № 46. 13 ноября. Автограф — ЦГАЛИ.

52. Впервые — Чиж. 1941. № 3. С. 23.

Принтинпрам — ср.: т. 2 наст собр., в финале текста 76. Обратим внимание на игру разнообразными числами.

Сто — см.: 57 и т. 1 и 2 наст. собр.;

Двести, две — см.: 22,41,57,60,63,72 и т. 1 и 2 наст. собр.;

Четыреста, четыре, сорок — см.: 11,12,23,47,49,53,57, 72,88,94 и т. 1 и 2 наст. собр.;

сундуков — этот мифологический и эротический мотив популярен во «взрослых» текстах Хармса (см. т. 1 и 2 наст. собр.);

клоун Петька; *клоуна Кольку* — см. прим. к тексту 49;

Иван Кузьмич — см.: 1-4,6,22,25,44,62,72,73,78,87 и т. 1 и 2 наст. собр.;

С пятью головами — см.: 22,39 и т. 1 и 2 наст. собр.

53. Впервые — Чиж. 1941. № 3. 4 с. обл.

четыре зайца — см.: 11,12,23,47,49,52,57,72,88,94.

54. Впервые — Чиж. 1941. № 4. 3 с. обл.

55. Впервые — Чиж. 1941. № 4. 4 с. обл.

Своеобразный парафраз пушкинского «Утопленника»?

Шесть часов — см. т. 1 и 2 наст. собр.

56. Впервые — Чиж. 1941. № 6. 4 с. обл.

Девять — см. 27 и т. 2 наст. собр.

ПЕРЕВОДЫ

57. Впервые — Чиж. 1936. № 8. С. 6-9; № 9. С. 7-9; № 10. С. 9-11.; № 11. С. 11-13; № 12. С. 9-11 (с обозначением: перевел с немецкого Д.Хармс); Отд. изд.: М.;Л., 1937 (переработанный и дополненный текст с обозначением: вольный перевод Д.Хармса). Автографы обеих редакций — ИРЛИ.

Переводы разных авторов из В.Буша публиковались с конца XIX в. и были чрезвычайно популярны (в том числе наст. стихотворение), а имена персонажей его произведений — Макс и Мориц, например, — становились нари-

цательными (так называли друг друга поэтессы — соответственно — М.Н.Рыжкина и А.И.Оношкович-Яцына; см.: Путилова. С. 684-686). Такая популярность В.Буша отмечалась и критикой, возможно, в связи с публикацией наст. перевода Хармса: «Буш сумел задеть за живое наших ребят и заставить их от души смеяться, рисуя им картины далекой, мало знакомой и тяжелой жизни» (в разносной статье о детской поэзии А.Введенского: Белахова. С. 13).

Благожелательно отметил появление перевода Хармса Б.Бегак (Бегак I. С. 36).

Текст Хармса, как справедливо обозначено в отд. изд., является достаточно свободным авторским пересказом книжки В.Буша.

Нес под мышкой двух собак; не прошло и двух минут; поумнели в две недели — см.: 22,41,52,60,63,72 и т. 1 и 2 наст. собр.;

за четверых — см.: 11,12,23,47,49,52,53,72,88,94 и т. 1 и 2 наст. собр.;

лучше выдумать нельзя — ср. с последним стихом всех трех строф в тексте 74 т. 1 наст. собр. Воспользуемся случаем, чтобы указать на нашу ошибку: текст, к которому мы здесь отсылаем читателя — скорее всего, хармсовская переработка пародии на него, написанной Е.Шварцем и Н.Заболоцким. Мы публиковали текст 74 по автографу РНБ, в котором предпоследний стих заменен и читается: «<1 нрзб.> чистый на ногах»; нами оказался не учтен другой хармсовский автограф этого текста в РНБ (но всё же несколько отличающийся от опубликованного), над которым самим Хармсом надписано: «Сочинение Шварца и Заболоцкого». Подтверждение этому обстоятельству (правда, с указанием: «пародия Заболоцкого») находим в недавней публикации переписки Б.Житкова (Черненко. С. 16). Этот текст также имеет свои отличия, но ближе к опубликованному нами, нежели к пропущенному; это дает нам основание предполагать собственную хармсовскую «доработку» пародии на него. Что же касается пародируемого текста, то это, скорее всего, не «Иван Иваныч Самовар», как указывает Б.Житков в названной публикации его переписки, а написанные, соответственно, в мае и октябре 1929 г. «Уж я бегал, бегал, бегал...» и «Га-ра-рар!» (см. тексты 7 и 10), причем, первый из на-

званных текстов, хоть и не был опубликован, разумеется, мог читаться в кругу авторов пародии;

Папа Фиттих на ходу // Вдруг схватил сковороду — ср. с «Вот какой рассеянный» (1930) С.Маршака;

сто рублей — см.: 52 и т. 1 и 2 наст. собр.;

«Ну и ну! — воскликнул он, — // Сон ли это, иль не сон? — автоцитата (см. в написанном тогда же: «Шёл Петров однажды в лес...» — т. 1 наст. собр., текст 261).

58. Впервые — Чиж. 1936. № 12. С. 13. Автограф — ИРЛИ.

И в публикации и в автографе нет указания на неоригинальность текста. На то, что это перевод «Die Rutschpartie» В.Буша, впервые указано: Гроб, Жаккар. С. 42. Этот текст, как и предыдущий, тоже переводился до Хармса на русский язык (см., например: «Катанье на салазках» // В.Буш. Забавные рассказы про смелые проказы / Пер. Н.А.Ратомского. СПб., 1912. С. 120-125).

В автографе 9-й стих (и в этом положении — по всему тексту): «Что-то там недоглядели...».

Володя — см.: 41,68,75,80,86,93 и т. 2 наст. собр.

59. Впервые — Чиж. 1938. № 11. С. 18-19.

Переводы из еврейского поэта Л.М.Квитко (1890-1952), до 1936 г. проживавшего в Харькове, в 1930-е гг. часто появлялись в «Чиже» в переводах С.Маршака, С.Михалкова, Н.Заболоцкого и др.

ПРОЗА

60. Впервые — Ёж. 1928. № 1. С. 3-14. Отд. изд. — М.;Л., 1928 (с дополнениями).

Печ. по тексту отд. изд. с воспроизведением подписи журнальной публ.

Возможно, в наст. тексте отразились воспоминания Хармса о недавней учебе в Электротехникуме.

в 8 часов... и далее — см.: 27,39,61,65,69,94 и т. 1 и 2 наст. собр.;

Иван — см.: 1-4,6,22,25,44,52,62,72,73,78,87 и т. 1 и 2 наст. собр.;

Мария — см.: 25,44,67,73 и т. 1 и 2 наст. собр.;

Пнёв — см. также 73;

Пробило 2 часа... и далее — обратим внимание на педантичный счет дней и часов по всему тексту; причем в финале «чудо» происходит на *девятый* день («Что за чудо!») и это не случайно, если иметь в виду осознанное отношение Хармса к символике чисел.

61. Впервые — Ёж. 1928. № 2. С. 1-11. Отд. изд. — М., 1928 и М.;Л., 1930 (с измененным загл. и дополнениями). Автограф — ИРЛИ (фрагмент).

Печ. по тексту последнего изд. с воспроизведением подписи журнальной публ.

Отметим, что называемые здесь «туземцами» — финны (исстари жившие на этой территории), которые изъясняются с Колькой на своем родном языке.

Колька...; *Петька* — напомним о частой сочетаемости этих двух имен в пределах одного текста Хармса наряду с их популярностью и порознь — см.: 3,6,25,49,52,60,66, 87,89;1,10,20, 43,49,52,60,63,81,84,94 и т. 1 и 2 наст. собр.;

денег на трамвай не было — см.: 23,25,91 и т. 2 наст. собр.;

штук восемь аэропланов — см.: 27,39,60,65,69,94 и т. 1 и 2 наст. собр.;

Павел Иванович — не относится ли к одному из многочисленных «гоголевских» наименований персонажей Хармса?

Константин Константинович — такие — популярные у Хармса — двойчатки в наименованиях персонажей относим на счет гоголевского влияния (см. т. 1 и 2 наст. собр.);

всё — см.: 1,10,49 и т. 1 наст. собр.

62. Впервые — Ёж. 1928. № 8. С. 28.

Один из текстов, демонстрирующих математические увлечения Хармса.

17 — см.: 64 и т. 1 наст. собр.;

Иван Петрович — один из четырех персонажей Хармса, имеющих подобное имя и отчество; см. также: 1-4,6,22,25,44,52,60,72,73,78,87.

63. Впервые — Ёж. 1928. № 11. С. 16-19. Отд. изд. — М.;Л., 1929. Автограф — ЧС.

Печ. по тексту отд. изд. с воспроизведением подписи журнальной публ.

В показаниях А.Введенского 26 декабря 1931 г. сказано, что наст. текст «<...>привносит в детскую литературу очевидные элементы бессмыслицы, прививающие ребенку буржуазную идеологию» (Чинари. Т. 1).

Д.Кальм крайне отрицательно охарактеризовал издание книги Хармса: «Гиз культивирует «бессмыслинку». Гиз выпускает непонятные, нелепые, чудовищные вещи, вроде «Во-первых» Д.Хармса, которые ни по формальным признакам, ни тем более по своему содержанию ни в какой мере неприемлемы» (Кальм). В том же номере «Литературной газеты» опубликованы письма возмущенных читателей. Через две недели здесь же появилось ответное письмо детской секции ЛО ВССП (среди подписавшихся — Хармс).

Обратим внимание на педантичную нумерологию, вводимую уже заглавием текста.

Петька — см.: 1,10,20,43,49,52,60,61,81,84,94 и т. 1 и 2 наст. собр.;

шагов на двадцать — см.: 22,41,52,57,60,72 и т. 1 и 2 наст. собр.;

десять шагов — см. т. 1 и 2 наст. собр.;

ведут по улице слона... и далее — сцена из басни И.Крылова «Слон и Моська».

64. Впервые — Ёж. 1928. № 12. С. 11-16. Отд. изд. — М.;Л., 1929. Автограф — ЧС.

Топографически безусловно точный маршрут «путешествия» старушки установить затруднительно; можно лишь указать на конечный пункт — это ред. «Ежа», помещавшаяся по адресу: пр. 25 Октября (Невский), д. 28.

старушка...; *идет старичек* — см.: 1,3,46,48 и т. 1 и 2 наст. собр.;

в доме № 17 — см. 62 и т. 1 наст. собр.;

не больше шкафа — см.: 1,66,94 и т. 1 и 2 наст. собр.

65. Впервые — Ёж. 1930. № 9. С. 21-25.

Известно, что Хармс и сам занимался составлением игр для детей, но конкретные сведения о таких играх не разысканы.

Любопытно соотношение мотива бесполезных изобретений в наст. тексте с разделом «О подарках» в хармсовском «Трактате более или менее по конспекту Эмерсена» 1939 г. (см. т. 4 наст. собр.).

Обратим внимание на нередкую у Хармса игру числами, причем, все они кратны восьми.

самовар — см. 1, 76 и т. 1 и 2 наст. собр.;

ВСНХ — Всероссийский Совет народного хозяйства; фигурирует в книге соавтора Хармса по этому тексту Б.Левина «Полет герр Думкопфа», вышедшей в том же 1930 г.

66. Впервые — Чиж. 1933. № 7. С. 5-7; № 8. С. 16-17; № 11. С.21; № 12. С. 20. Автографы — ИРЛИ и РНБ.

Приводим неопубликованные фрагменты, в том числе, в угловых скобках, вычеркнутые Хармсом части текста, когда без них прерывается смысловая связь (ср.: Александров, Кавин. С. 121-132, где некоторые неопубликованные фрагменты неоправданно сконтаминированы с журн. текстами):

<1>
Профессор Трубочкин в опасности

Профессор Трубочкин знает всё. Но есть один человек, который считает, что профессор Трубочкин ничего не знает. Этот человек Софрон Бобов. <Себя он называет великаном Бобовым. Действительно он очень высокого роста и очень сильный>. Вот портрет Софрона Бобова, нарисованный художником Тутиным. Как видите, портрет очень не ясный, но это потому, что у художника Тутина, когда он рисовал Софрона Бобова, очень тряслись руки. А руки у Тутина тряслись потому, что Софрон Бобов мог каждую минуту разорвать верёвки.

<2>

Я, писатель Колпаков, хожу теперь с повязанной головой. Я уже два месяца не брился, пятнадцать ночей не спал и десять дней не обедал. Я бегал по всему Ленинграду и разыскивал профессора Трубочкина. Но я его не нашёл. Профессор Трубочкин пропал. Зато вчера мне удалось отыскать великана Бобова. Оказалось, что Бобов совсем не великан. Даже я выше его ростом. Но зато Бобов обладает страшным голосом. Когда я спросил его: «где профессор Трубочкин?», Бобов начал мне что-то объяснять, но с таким грохотом, что я ничего не понял. Сначала у меня зазвенело в ушах и закружилось в голове, а потом вдруг стало совсем тихо. Я видел, как Бобов открывал и закрывал рот, и как от этого дрожит на столе посуда, качается на потолке лампа и лежащая на полу катушка с нитками то закатывается под диван, то опять выкатывается из-под дивана обратно. Тогда я понял, что я оглох. Я выскочил на улицу, сел в трамвай и поехал в редакцию. В трамвае передо мной стоял какой-то человек. Я спросил его: «Вы сейчас выходите?» Он мне ничего не ответил. Я подождал немного и спросил опять: «Вы сейчас выходите?» Он опять ничего мне не ответил. Тогда я сказал очень громко: «Да вы выходите сейчас или нет?» Человек повернул ко мне голову и, молча глядя мне в глаза, восемь раз открыл и закрыл рот. Тут я обозлился и закричал на весь вагон: «Да вы выходите или нет!» Вдруг все повернули ко мне головы и стали молча открывать и закрывать

рты и махать руками. Тогда я вспомнил, что я ведь оглох. Я поскорее слез с трамвая и пешком пошёл в ушиную лечебницу. Доктор долго ковырял чем-то у меня в ушах, а потом забинтовал мне всю голову. Теперь я хожу с повязанной головой и ничего не слышу. Но где профессор Трубочкин!? Если кто услышит что-нибудь о профессоре Трубочкине, то пусть немедленно сообщит об этом по адресу: Ленинград, Дом Книги, Редакция журнала «Чиж», писателю Колпакову.

<3>

Профессор Трубочкин лежал на полу, связанный по рукам и ногам толстой веревкой. Рядом, на табурете, сидел очень толстый человек и курил трубку. Это был великан Бобов.

Великанов нет, есть только очень высокие люди. А Бобов даже не был очень высоким человеком. Но сам себя он называл великаном.

— Ты, профессор Трубочкин, знаешь всё, — говорил великан Бобов. — А я ничего не знаю. Почему это так?

— Потому что ты лентяй. Вот почему ты ничего не знаешь, — сказал профессор Трубочкин. — А я знаю так много, потому что я всё время что-нибудь изучаю. Вот даже сейчас, — я лежу связанный, разговариваю с тобой, а сам в голове повторяю таблицу умножения.

— Ох уж эта таблица умножения! — сказал великан Бобов. — Сколько я её ни учил, так и не мог выучить. Одиножды один — четыре! Это

я ещё запомнил, а уж зато больше ничего в голове не осталось!

— Да, наука легко не даётся.

По-видимому, на протяжении публикации историй о профессоре Трубочкине замысел их менялся. Первая часть текста содержит свойственный подобным текстам Хармса мотив дискредитации науки (здесь это мотивировано тем, что за ученого выдает себя ребенок) — см. т. 1 и 2 наст. собр.

Отметим, как в опубликованных так и в неопубликованных фрагментах, разнообразную игру числами.

писатель Колпаков — встречается также в тексте «Хвастун Колпаков» (т. 2 наст. собр., текст 37, датируемый 1934 г.) и в наброске из двух строк (РНБ). Обратим внимание на «говорящую» фамилию персонажа, отсылающую к одному из «чинарских» мотивов (см.: 11, 25 и т. 1 и 2 наст. собр.);

Бобов — одна из «гоголевских» фамилий у Хармса (см. т. 2 наст. собр.);

Петров — этот популярный персонаж «взрослых» текстов Хармса не миновал и «детского» его творчества (см. 91 и т. 1 и 2 наст. собр.);

за шкап — см.: 1,64,94 и т. 1 и 2 наст. собр.

67. Впервые — Чиж. 1934. № 2. С. 20. Автограф — ИРЛИ.

Здесь произошло «рождение» Умной Маши, ставшей впоследствии одной из постоянных героинь «Чижа», приключения которой, помимо Хармса, придумывали и другие авторы журнала (см. прим. к 25). Не исключено, что у Хармса этот персонаж возник по аналогии с Умной Эльзой из сказки бр. Гримм.

68. Впервые — ДЛ. 1966. № 2. С. 25. Автограф — ИРЛИ.

Вова — см.: 41,58,75,80,86,93 и т. 2 наст. собр.

69. Впервые — Костер. 1986. № 12. С. 21. Автограф — ИРЛИ.

Обратим внимание на восьмичастное деление текста — в нумерологии Хармса и его друзей восьмерка, как уже отмечалось, была особо почитаемым числом.

70. Впервые — Александров, Кавин. С. 145-148 (контаминация нескольких вариантов). Автограф — ИРЛИ.

Приводим вариант начала:

— Кто умнее, ёж или заяц? — спросил меня мой знакомый дрозд.

— По-моему, ёж умнее, — сказал я.

— Я тоже так думал, — сказал дрозд. — Но вот я расскажу вам один случай и вы увидите, кто из них умнее.

— Расскажите пожалуйста, — сказал я дрозду.

— Чик! Чирик! Трэк-трук! Дррррр! Фиу-фиу! Вик-вик! Дрррррр! — начал дрозд.

Но я сказал:

— Нет, — сказал я, — я вашего птичьего языка не понимаю. Расскажите мне, пожалуйста, по-человечески.

— Хорошо, — сказал дрозд, перепрыгивая на самую нижнюю ветку. — Я расскажу вам человеческим языком.

И мой знакомый дрозд рассказал мне такую историю.

71. Впервые — Чиж. 1935. № 1. С. 12-13.

72. Впервые — Чиж. 1935. № 7. С. 19-22. Автограф — ИРЛИ.

Сюжеты леночкиных сказок очень похожи по конструкции на истории или случаи «взрослого» Хармса.

Ваня — см.: 1-4,6,22,25,44,52,60,62,73,78,87 и т. 1 и 2 наст. собр.;

«Жил был кузнец...» <...> и положил карандаш — далее в автографе вычеркнутый вариант:

— Ну как же, — сказала Леночка. — Разве ты не знаешь о том, как один кузнец ковал подко-

ву и поднял руку с молотком. Вдруг у него в плече что-то щёлкнуло. Кузнец попробовал опустить руку, а она не опускается. Тогда кузнец попробовал хотя бы молоток из рук выпустить. Но пальцы ни за что не разжимались. Кузнец испугался и побежал к своей жене. Жена увидела, что кузнец бежит к ней с вытаращенными глазами и с поднятой рукой, а в руке держит огромный молоток, — закричала и кинулась бежать.

Карла Ивановича Шустерлинга — см.: 25,26,93;
двух дерущихся котов — см.: 22,41,52,57,60,63 и т. 1 и 2 наст. собр.;
четырех воробьев; *убил четырех голубей* — см.: 11,12,23,47,49,52,53,57,88,94 и т. 1 и 2 наст. собр.

73. Впервые — Чиж. 1935. № 11. С. 28-29. Автограф — РНБ.

Наст. текст предварялся нижеследующим, напечатанным на обложке предыдущего 10 номера «Чижа»:

Жила-была собака. Звали собаку Бубубу. Закричишь «Бубубу!», а собака то из под кровати выбежит, то со стола соскочет, то из под дивана вылезет.

Вот перед вами семь картинок. Посмотрите и скажите, на каких картинках собака есть, а на каких картинках собаки нет. И пока собаку на картинках ищете то, чтобы скорее ее найти, зовите потихонечку: «Бубубу! Бубубу» Бубубу!»

(Автограф — ИРЛИ).

Марья — см.: 25,44,60,67 и т. 1 и 2 наст. собр.;
Иван Иваныч Пнёв — см.: 1-4,6,22,25,44,52,60, 62,72,78,87 и т. 1 и 2 наст. собр.

74. Впервые — Чиж. 1935. № 12. 3 с. обл.

75. Впервые — Александров, Кавин. С. 184. Автограф — ИРЛИ (2 варианта).

Ваня Мохов — см. прим. к 25;

у Володи — см.: 41,58,68,80,86,93;

у Лизаветы — лишь однажды, но все-таки возникает в детском тексте это чрезвычайно популярное у Хармса имя персонажа (см. т. 1 и 2 наст. собр.).

76. Впервые — Александров, Кавин. С. 159-164. Автограф — РНБ.

Возможно, в основе рассказа личные впечатления Хармса, занимавшегося борьбой джиу-джитсу.

77. Впервые — Мурзилка. 1987. № 6. С. 6-9. Автограф — ИРЛИ (несколько вариантов).

Первый лист автографа публикуемого текста (до слов: « — Когда Пушкин был маленький, у него») перечеркнут и сопровожден пометой: «Плохо», но мы его публикуем, поскольку дальнейший текст, непосредственно его продолжающий, оставлен автором в неприкосновенности. Текст в угловых скобках перечеркнут, но имеет помету «восстановить», поэтому мы его и воспроизводим.

Приведем также один из вариантов, записанный на пронумерованных подряд четырех листах:

ПУШКИН

Сто двадцать лет тому назад многие люди думали так, что самый лучший русский поэт — это старик Державин. И сам Державин знал, что он самый лучший русский поэт.

И вот однажды старик Державин сидел в кресле, а перед ним стоял мальчик и звонким голосом читал свои стихи.

С первых же слов Державин насторожился. Мальчик стоял в двух шагах от Державина. Он

читал слегка нараспев, громко и сильно. Голос его звенел.

Державин слушал. Глаза его наполнились слезами. Каждое слово казалось ему прекрасным.

И вот, когда мальчик прочитал свои стихи и замолчал, Державин понял, что перед ним стоит поэт ещё лучший, чем он сам.

С тех пор прошло много лет, и теперь мы все знаем, что тот мальчик, который читал Державину свои стихи — наш самый лучший, самый любимый, самый великий поэт — Пушкин.

У Пушкина было два сына и вот однажды Пушкин сказал про своих сыновей: «Пусть они не будут поэтами, потому что всё равно не напишут стихов лучше, чем писал их отец».

Прошло ровно сто лет с тех пор, как умер Пушкин, но лучше Пушкина ещё никто не писал стихов.

Мы читаем стихи Пушкина и учим их наизусть. И тот, кто знает наизусть много пушкинских стихов, — тот молодец!

И если ты не знаешь ни одного пушкинского стиха, сейчас же достань, где хочешь, какие нибудь пушкинские стихи и выучи их наизусть.

И если ты не знаешь, как зовут Пушкина, то запомни, что зовут его Александр Сергеевич.

Запомни, что когда Пушкин был маленький, у него была няня, Арина Родионовна.

Когда маленький Пушкин ложился спать, няня садилась возле его кроватки и рассказывала ему сказки. Сказки были интересные, страшные, весёлые и смешные. Пушкин слушал няню

и просил её рассказать ещё. Но няня говорила: «Поздно, Саша. Пора спать». И маленький Пушкин засыпал.

Когда Пушкин подрос, ему наняли учителя француза. Француз говорил с Пушкиным по-французски и научил его по-французски читать и писать. Пушкин читал много французских книг, знал наизусть много французских стихов и даже сам попробовал писать свои стихи по-французски.

И вот однажды учителю попалась в руки тетрадь с французскими стихами Пушкина.

Учитель начал читать стихи вслух и громко над ними смеяться.

И вдруг маленький Пушкин пришёл в бешенство, подскочил к французу, вырвал у него из рук свою тетрадь, бросил её в горящую печку, расплакался и убежал.

Пушкин очень любил свою няню. И даже потом, когда он вырос и стал знаменитым писателем, он всякий раз, когда бывал у себя в селе Михайловском, заходил в маленький домик, где жила его старушка няня, садился с ней на крылечко и просил её рассказывать ему сказки.

Пушкин стоял в двух шагах от Державина и читал громко и слегка нараспев. Голос его звенел.

Державин внимательно слушал. Глаза его наполнились слезами. Каждое слово казалось ему прекрасным.

И вот, когда Пушкин кончил читать свои стихи и замолчал, Державин понял, что перед ним стоит поэт ещё лучший, чем он сам.

Державин встал с кресла, чтобы обнять и поцеловать нового поэта, а Пушкин повернулся и убежал.

Его искали по всему лицею, но найти не могли.

А.Александров обратил внимание на близость (иногда вплоть до повторения отдельных фраз) оставшемуся в рукописи тексту очерка Хармса о Пушкине, опубликованного в № 2 «Чижа» за 1937 г. (автор не указан). Возможно, опубликованный в журнале текст — плод коллективного творчества его авторов; не исключено также и то, что в основе обоих текстов — некий общий пересказываемый в них источник.

Пушкинская тема была органичной для Хармса и проявилась как в текстах, где Пушкин впрямую является их персонажем, так и в многочисленных скрытых цитатах, парафразах и мотивах в стихотворных и прозаических текстах Хармса (см. т. 1 и 2 наст. собр.).

Кирилл — так звали приемного сына сестры Хармса; Елизавета Ивановна с мужем и сыном жила в той же квартире, что и Хармс.

ДРАМАТИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

78. Впервые — СД. 1992. № 1. С. 227-238. Автографы и машинопись с правкой — ИРЛИ и РНБ.

Публикуемый текст — машинопись с правкой Хармса и режиссерскими ремарками Л.В.Шапориной (1879-1967), основательницы и режиссера Петроградского Театра марионеток. В начале 1935 г. под руководством Л.В.Шапориной Театр марионеток был создан при Союзе писателей (просуществовал чуть больше года). Для этого театра и был написан наст. текст: на машинописном экз. помета Шапориной: «Пьеса сдана в окончательном виде (но без заключительной песни) 8 августа. Начали репетиции 5 августа 35 г.». Премьера состоялась в октябре 1935 г. Вместе с тем сохранился существенно отличающийся от публикуемого автографический вариант части текста (без начала и окончания) — скорее всего, первая редакция пьесы, которую мы ниже приводим:

Исчезновение Вертунова (конец первого действия)

Д и р е к т о р. Сейчас выступит знаменитый факир Хариндрона́та Пиронгроха́та Чери́нгромбо́м бом ха́та! Он приехал из Индии и привез с собой страшную ядовитую змею. Сейчас он покажет вам удивительные индусские фокусы. Смотрите на него.

На сцену под музыку выходит Вертунов. Директор бросается на Вертунова.

Что! Вы опять тут! Держите его! Убью!

Вертунов, а за ним директор, убегают. На сцену с другой стороны выходит факир. Начинаются номера факира. На сцену выходит директор. Глядя на искусство факира, директор время от времени восклицает: «Замечательно! Удивительно! А, как это поразительно!» *Под конец факир дудит в дудочку. На сцене появляется ящик. Факир открывает ящик, показывает, что он пустой, и говорит директору:*

Ф а к и р. Бангалибамба усурсенкус тетер граха́!

Д и р е к т о р. А! Хорошо, хорошо, сейчас объясню. Дорогие зрители! Факир Хариндрона́та Пиронгроха́та Чери́нгромбо́м бом ха́та просит сказать вам, что сейчас он покажет индусский фокус с волшебным ящиком. Факир Хариндрона́та Пиронгроха́та Чери́нгромбо́м бом ха́та просит обратить ваше внимание на то, что ящик совершенно пустой.

Факир закрывает ящик и говорит заклинание, потом открывает ящик и играет на дудочке. Из ящика выползает змея. Начинается номер со змеей. По окончании номера змея опять залезает в ящик. Факир закрывает ящик, произносит заклинание, открывает ящик опять и показывает, что он пустой.

Директор. Ах, а где же змея?

Факир. Грахá.

Директор. Грахá! Исчезла! Вот здорово! А что, если в ящик (*стучит по ящику*) положить, ну скажем... ну... ну вот эту табуретку! (*Стучит по табуретке*). Если ее сунуть в ящик, она тоже исчезнет? Тоже грахá?

Факир. Грахá.

Директор. Вот это интересно! Ну-ка, попробуем! (*Сует табуретку в ящик и закрывает крышку*). Что теперь надо делать?

Факир подходит к ящику, отстраняет директора и произносит заклинание. Потом открывает ящик. Ящик пустой.

Факир. Грахá!

Директор (*заглядывая в ящик*). Действительно грахá! Вот это ловко!

Вертунов (*выходя на сцену*). Дозвольте выступить!

Директор (*кидается к Вертунову и рычит. Потом вдруг останавливается, хлопает себя рукой по лбу и говорит*). Ааа-а! Вот это я ловко придумал! Вертунов! Вы хотите выступить?

Вертунов. Очень бы хотелось выступить-то!

Д и р е к т о р. Сейчас! Обождите минутку! (*Подходит к факиру*). Гражданин факир Хариндроната Пиронгрохата Черингромбом бом хата, скажите мне, пожалуйста, вот если этого вот человека, вон, Вертунова, сунуть в ящик, он тоже граха?

Ф а к и р. Граха!

Д и р е к т о р. Вот это здорово! Наконец-то я от него избавлюсь! Ура! Вертунов! Идите скорее сюда! (*В публику*). Волшебное исчезновение Вертунова! (*Вертунову*). Полезайте в ящик!

В е р т у н о в. Зачем же в ящик?

Д и р е к т о р. Ну скорее, скорее!

Ф а к и р (*подталкивает Вертунова и начинает говорить заклинание*). Гырабам Дырабам Ширабам Дундири! Гырабам Дырабам Ширабам Пундири!

В е р т у н о в. Зачем в ящик! Не хочу в ящик! Пустите!

Факир закрывает за Вертуновым крышку и еще раз произносит заклинание. Сначала из ящика слышны крики Вертунова «Пустите! Не хочу! Ой, спасите!» *Но когда факир произносит:* «Граха! граха, граха!» *крики смолкают. Факир открывает ящик. Ящик пустой.*

Ф а к и р. Граха!

Д и р е к т о р. Граха! Исчез! Вертунов граха! Исчез Вертунов! Ура-а-а!

Конец первого действия

Директор. Ну вот, начинаем наше второе отделение. Вертунова больше нет, и никто не будет нам мешать. Смотрите! Вы видите на арене стеклянный аквариум. Так вот, артисты наденут водолазные костюмы, спустятся в аквариум и будут под водой проделывать свои номера. Это очень опасно: аквариум может разбиться, и тогда вода зальет весь цирк. Но Вертунова нет, нам никто мешать не будет, и потому все пройдет благополучно! Сейчас выступит канатная балерина Арабелла Мулен-Пулен. Музыка. (*Увидя ящик*). Вот безобразие! Не убрали ящика! Иван Иванович! (*На сцену выбегает клоун*). Этот ящик надо убрать. (*Директор уходит*).

Клоун подходит к ящику и пробует его сдвинуть с места. Но ящик с места не двигается.

Клоун. Ой-ой-ой! Какой тяжелый ящик! Ваня Крюкшин, пойди-ка сюда!

Выходит Ваня Крюкшин.

Клоун. Ну-ка, помоги мне сдвинуть этот ящик.
Ваня. Сейчас.

Оба пробуют сдвинуть ящик, но ящик не двигается.

Ваня. Почему же он такой тяжелый!
Клоун. Знаешь что? Давай откроем ящик и посмотрим, что там внутри.

В а н я. Правильно! Давай откроем!

Открывают ящик. Ящик пустой.

В а н я. Вот так штука! Пустой, а такой тяжелый!

Закрывают ящик. В ящике стук.

К л о у н. Что это?
В а н я. Что это?
Г о л о с из я щ и к а. О! Выньте меня из ящика!
Клоун и Ваня отбегают в сторону.

К л о у н. Кто там?
Г о л о с из я щ и к а. Это я! Вертунов!
К л о у н. Где же ты?
В е р т у н о в. В ящике!

Клоун и Ваня смотрят в ящик.

К л о у н. Ты видишь Вертунова?
В а н я. Нет.
К л о у н. И я не вижу!
Г о л о с. Ой, спасите! Ой, помогите!

Дно ящика выламывается и оттуда выглядывает голова Вертунова.

В а н я. Вот так штука!
К л о у н. Как же это так?
В е р т у н о в. Ой! Да меня тут какой-то факир, что ли, в этот ящик посадил. А в ящике-то

два дна. Я под второе-то дно и провалился. А потом меня что-то сверху прижало, и оказался я в темноте. Я слышал, как тут говорили, что будто я куда-то пропал, а никуда я не пропал! Все время тут и сидел! Ой! А теперь мне руки и ноги свело, и спина даже болит! Ой! Помогите мне вылезти из ящика!

К л о у н. Сейчас, сейчас! (*Тянет Вертунова из ящика*). Ваня Крюкшин! Помоги мне!

Тянут вдвоем Вертунова.

В е р т у н о в. Ой, больно! Ой-ой-ой-ой!

К л о у н. Ничего, ничего! Потерпи немного! Сейчас мы тебя вытянем!

Тянут Вертунова. У него вытягивается шея, руки и ноги. Наконец Вертунов вылезает из ящика и становится на пол.

К л о у н и В а н я. Ай-ай-ай! Что это с ним?

В е р т у н о в. Что же это со мной? А? Что вы со мной сделали?

К л о у н. Да мы вас вытаскивали из ящика и немножко растянули.

В е р т у н о в. Немножко растянули! Я вам покажу, как меня растягивать! Куда же я таким покажусь? Какой я был раньше красивый! А теперь на кого же я похож?

К л о у н. Успокойтесь, товарищ Вертунов! Вы вовсе уж не такой смешной, как вы думаете. Посмотрите на себя в зеркало.

В е р т у н о в. Где у вас тут зеркало?

К л о у н. А вот посмотритесь в аквариум.

Вертунов смотрится в аквариум.

В е р т у н о в. Что! Это я такой! Нет! Нет, нет! Это зеркало врет! Это зеркало врет! Врет! врет!

Вертунов разбивает аквариум. Звон разбитого стекла. На сцену течет вода. Играет музыка.

В е р т у н о в. Караул! Вода!
В а н я. Вода! Вода!
К л о у н. Аквариум разбился! Спасайтесь!
В е р т у н о в. Вода! Караул! Тонем! Спасите!

Затопление цирка. Сцена затоплена водой. Выплывает директор.

Д и р е к т о р. Брр. Брр. Пуф. Пуф. Вот так история! Этот Вертунов (чтоб ему пусто было!) появился, говорят, опять и разбил аквариум. Пуф. Пуф. Цирк залило водой.

Выплывает дрессировщица Зоя Гром.

З о я. Ах, ах! Что такое случилось! Я, кажется, под водой!

Д и р е к т о р. Да. Вертунов (чтоб ему пусто было!) разбил, говорят, аквариум, и вода залила весь цирк.

З о я. Ах, какой ужас. (*Уплывает*).

Д и р е к т о р. А мы не успели надеть водолазные костюмы!

Выплывает факир.

Ф а к и р. Директор! Директор!

Д и р е к т о р. А! Это вы, факир Хариндрона́та Пиронгроха́та Чери́нгромбо́м бом ха́та!

Ф а к и р. Какой я факир! Какой я бом бом ха́та! Где моя змея!

Д и р е к т о р. Как же это, вы индус и вдруг по-русски говорите?

Ф а к и р. Какой я индус! Не индус я! Да не в этом дело! Где моя змея? Ведь если она вырвется из ящика, она всех съест! Где моя змея? (*Уплывает*).

Д и р е к т о р. С одной стороны вода, с другой стороны змея. Что делать?

Выплывает Лепехин верхом на лошади.

Л е п е х и н. Тпр... Нноо! Тпр... Говорят тебе тпрр! Эй! Что такое случилось?

Д и р е к т о р. Мы все утонули!

Л е п е х и н. Что?... Тпрр!... Что такое?... Тпрр, говорят тебе! Тпр! (*Лошадь уносит Лепехина*).

Д и р е к т о р. Значит, я утонул. Но тогда, значит, я умер!

Выплывает Силач кверху ногами.

С и л а ч. Объясните мне, что это значит?

Д и р е к т о р. Это значит, что мы все утонули и умерли.

С и л а ч. Ничего не понимаю! (*Уплывает*).

Д и р е к т о р. Я тоже ничего не понимаю! Если я умер, то я не могу двигаться. А ну-ка пошевелю рукой. Шевелится! Ну-ка, пошевелю

ногой! Тоже шевелится! Ура! Значит, я жив!... Но как же так?... Аааа! Начинаю понимать. Ура! Все понял! Мы находимся под водой, но от воды с нами ничего не делается, потому что мы деревянные!

Выплывает балерина.

Б а л е р и н а. Ах! Ах! Ах! Ах! Я, кажется, утонула!

Д и р е к т о р. Да, мы все утонули, но так как мы деревянные, то с нами от воды ничего не делается.

Б а л е р и н а. Фу, какие вы глупости говорите! Нет! Нет! Нет! Какая же я деревянная, если я такая красивая!

Д и р е к т о р. А вот голова моя тоже деревянная, а очень, очень умная!

Б а л е р и н а. Ах! Смотрите! Что это такое плывет сюда?

Д и р е к т о р. Где? Это? Ой-ой-ой-ой-ой! Спасайся, кто может! Это индусская змея! Она вырвалась из ящика, и теперь она нас всех съест!

Б а л е р и н а. Змея! Спасите! Спасите!

Балерина и директор убегают налево. Справа на сцену выплывает, шипя и извиваясь, змея. Потом уплывает налево. Справа выбегает факир.

Ф а к и р. Где моя змея? Где змея? Не видали вы мою змею? Где моя змея?

Факир убегает налево. Справа на ящике верхом выплывает Вертунов.

В е р т у н о в. Где этот халдей, или факир, или как его там! Попадись он только мне! Я его самого в ящик засажу! Ведь какой я был раньше красивый! А теперь на что я стал похож? Ну что это за ноги? Тпфу! Смотреть на них не могу! А рука? Тпфу! Еще хуже, чем нога! Ооооо! Попадись мне только этот факир! (*Уплывает налево*).

Справа выплывает змея, извиваясь проплывает через всю сцену и уплывает налево. Справа выходит директор с ломом в руках.

Д и р е к т о р. Хоть голова у меня и деревянная, а очень, очень умная! Я выдумал, как освободиться от воды и от змеи! Вот этим ломом я пробью в полу дырку, и вода через эту дырку вытечет в подвал. А потом я этим ломом убью змею! Вот как я ловко придумал своей деревянной головой! Ну-с, начинаю. (*Стучит ломом по полу*). Раз... два... три... четыре... пять... Ура! Вода пошла в подвал! Ну теперь пойду искать змею!

Выплывает Вертунов.

В е р т у н о в. Где этот факир? Попадись мне этот факир!

На сцену выплывает змея.

Вертунов. Ой! Что это? Никак змея! Ой, спасите! Ой-ой-ой-ой-ой! (*Змея хватает Вертунова и уплывает с ним наверх*).

Играет музыка.
Сцена: «Спуск воды».
Музыка.
Сцена пуста. На сцену выбегает факир.

Факир. Где моя змея! Где моя змея!

Сверху слышен страшный крик, и на сцену падает Вертунов, обвитый змеей.

Факир. Вот она! Вот она! (*Играет на дудочке. Змея оставляет Вертунова. Факир продолжает играть на дудочке, и змея заползает в ящик. Вертунов встает, расправляется и подходит к факиру*).

Вертунов. А! Вот ты где!

Факир. Что вам угодно?

Вертунов. Ты факир?

Факир. Да, я факир!

Вертунов. Это твой ящик?

Факир. Да, это мой ящик.

Вертунов. А! Вот тебя-то мне и нужно! Это ты меня в этот ящик посадил?

Факир. Я по-русски не понимаю.

Вертунов. Нет, это, брат, врешь! Только что по-русски говорил, а сейчас вдруг сразу и не понимаю! Полезай в ящик!

Факир. Ой, я не виноват!

Вертунов. А кто же виноват?

Ф а к и р. Это директор велел мне вас в ящик посадить.

В е р т у н о в. Врешь?

Ф а к и р. Честное слово.

В е р т у н о в. Хм... Пойду поймаю директора. (*Уходит*).

Ф а к и р. Пока Вертунов ищет директора, удеру-ка я домой! (*Хватает ящик и хочет убежать, но сталкивается с директором*).

Д и р е к т о р. Куда это вы спешите?

Ф а к и р. Да вот поймал змею в ящик и спешу ее поскорее домой отнести.

Д и р е к т о р. А змея уже в ящике?

Ф а к и р. Ну да, она чуть Вертунова не задушила.

Д и р е к т о р. Как Вертунова?

Ф а к и р. Ну да, она обвилась вокруг Вертунова и чуть-чуть его не задушила. Но я ее дудочкой в ящик заманил и Вертунова спас.

Д и р е к т о р. Да зачем же вы Вертунова спасли! Значит, он опять тут!

Ф а к и р. Тут, тут и вас разыскивает.

Д и р е к т о р. Вертунов опять тут! Опять будет нам мешать! Да подайте мне Вертунова! Я его в бараний рог изогну!

Факир с ящиком уходит. На сцену выбегает Вертунов.

В е р т у н о в (*увидя директора*). А, вот вы где!

Директор, увидя Вертунова, вскакивает и падает на пол.

В е р т у н о в. Товарищ директор! Товарищ директор!

Директор молчит.

В е р т у н о в. Что это с ним?

Д и р е к т о р (*приподнимая голову*). Это вы Вертунов?

В е р т у н о в. Вот то-то и оно-то! Теперь меня и узнать нельзя! А все это из-за вас! Запихали меня в ящик! Я там чуть не задохнулся! А потом меня ваши клоуны вытаскивали из ящика и вон как вытянули! Ну, на кого я стал теперь похож! А какой я был раньше красивый!

Д и р е к т о р. Да ведь вы теперь в тысячу раз интереснее стали! Ведь вы теперь стали великаном. Вы теперь перед публикой выступать можете! Хотите выступить?

В е р т у н о в. Знаем, как это выступить! Вы меня опять в ящик посадите!

Д и р е к т о р. Да нет же! Теперь вы можете выступить по-настоящему. Выступите, пожалуйста!

В е р т у н о в. Не хочу!

Д и р е к т о р. Ну, пожалуйста! Я прошу вас! Выступите!

В е р т у н о в. Ой, не знаю. Надо подумать.

Д и р е к т о р. Вот хорошо. Пойдите, подумайте, а потом и выступите.

В е р т у н о в. Ну хорошо, я пойду подумаю! (*Уходит*).

Д и р е к т о р. Вот ведь чудеса. Какой был плюгавенький, а теперь какой интересный стал. Обязательно упрошу его, чтобы он выступил. А сейчас выступит...

Помимо приведенного, дополнительным свидетельством об общем замысле пьесы может служить фрагмент текста (автограф), имеющий авторское заглавие:

К ЦИРКУ ШАРДАМ

вставные номера

Директор: Жила была Эстер Бубушвили. И вот села она однажды на верблюда и поехала через пустыню в гости к своей тёте. (*Выезжает Эстер на верблюде*). Солнце палит. Вокруг песок. Дует горячий ветер. Дует горячий ветер. Вокруг песок. А солнце палит. Эстер Бубушвили смотрит направо, смотрит налево. Ей хочется пить. Запас воды кончился. Вокруг песок. Воды нигде нет. Ай ай ай!

Клоун: Ай ай ай!

Др.:
Клоун: } Воды нигде нет! ай ай ай!

Кл.: Так хочется пить!

Др.: Так хочется пить!

Кл.: А знаете что?

Др.: Что?

Кл.: Я принесу ей воды!

Др.: Вот это хорошо! (*Клоун убегает*).

Др.: Сейчас! Подождите немного. Вам сейчас принесут воды. Да подождите же! Сейчас вам принесут воды. (*Прибегает клоун с водой*).

Др.: Ну вот выпейте воды. (*Кл. и Др. поят Эстер и верблюда*).

Эстер садится на верблюда, раскланивается и уезжает.

Д р.: Пустыня! Солнце! Песок! Горячий ветер! Эстер Бубушвили едет в гости к своей тёте.

Сохранились также автографы плана первоначального варианта пьесы, незначительно отличающегося от вышеприведенной автографической части текста, и небольшой фрагмент второго варианта, почти не отличающийся от публикуемого нами по машинописи (РНБ).

См. также: Александров III. С. 222-226.

По-видимому, работа Хармса над пьесой была достаточно длительной, о чем свидетельствует не только наличие двух вариантов текста, но и упоминание в статье Б.Бегака (1936): «Сравнительно давно ушли, например, из поэзии в драматургию очень своеобразные авторы детских стихов — ленинградцы Евгений Шварц и Даниил Хармс» (Бегак. С.36).

Мотиву цирка в русской литературе, особенно 1920-1930-х годов, еще предстоит быть рассмотренным в его многообразных проявлениях. Как видим, Хармсу он тоже не был чужд (см. наст. том, текст 52).

Кажется, что немка Матильда с её акулой появились у Хармса не без влияния «Крокодила» Достоевского — текста, занимавшего, по-видимому, в сознании Хармса совершенно особое место: использовав в общей сложности 31 имя персонажей разных произведений Достоевского в своих текстах, Хармс взял из «Крокодила» имена почти всех: четырех из пяти его персонажей.

Отметим также финальную идентификацию актов глотания и любви (М а т и л ь д а. О, мой Пиньхен кушаль вас. Он любиль вас. И я тоже буду любиль вас),имеющую обширную фольклорную и литературную традицию (см. тот же «Крокодил», например).

Шардам — псевдоним Хармса, которым подписаны: в наст. т. текст 72 и в т. 1 тексты 241 и 242;

Вертунов — Хармс здесь вспомнил своего героя с такой же фамилией (и таким же беспокойным характером) из «Комедии города Петербурга» (1927 г.) — см. т. 1 наст. собр., текст 133;

поднимусь от пола и полечу — ср. т. 2 наст. собр., текст 190;

Роберт Робертович — одна из множества хармсовских двойчаток, распространенность которых у него относим на счет гоголевского влияния;

Полное впечатление полета мухи... и далее — ср. в «Разговорах» Л.Липавского (Чинари. Т. 1) и наст. т., текст 11;

Володя Каблуков — см. 80 и два текста в т. 1 наст. собр.;

Сережа Петраков — см. прим. к 25;

Ваня Клюкшин — см.: 1-4,6,22,25,44,52,60,62,72,73,87;

Сцена «Затопление цирка». Словесная партитура — отсутствует;

Сцена «Спуск воды». Словесная партитура — приводим её по автографу Хармса:

I сопрано II альт III тенор IV бас ой, ой, ой,ой	Мой Пиньхен. Мой Пиньхен.	 ой, ой, ой, ой акула, спасайтесь!
I$_{ж}$ Мой Пиньхен, дорогой! II III$_{м}$ IV	 ах, ах, ах, ах А, Е, И, О	 мымымы что такое? что такое? что такое? что такое?
I и-и-и-и- II а-а-а-а- III Тяу тяу тяу тяу IV	 сяу сяу сяу сяу о-о-о-о	 кяу, кяу, кяу$_{е}$ кяу э-э-э-э-э-э
I мяу мяу мяу мяу II III IV о-о-о-о	 нно... тпрр... ноо, тпрр...	(без музыки) категорически ничего не понимаю!

I тяу тяу тяу тяу II тяу тяу тяу тяу III тяу тяу тяу тяу IV тяу тяу тяу тяу	сяу сяу сяу сяу сяу сяу сяу сяу сяу сяу сяу сяу сяу сяу сяу сяу	кяу кяу кяу кяу кяу кяу кяу кяу кяу кяу кяу кяу кяу кяу кяу кяу	мяу мяу мяу мяу мяу мяу мяу мяу мяу мяу мяу мяу мяу мяу мяу мяу

Чистая музыка

А.Александров обратил внимание на продуктивность сопоставления «потопа» у Хармса с «мировым потопом» в «Мистерии-Буфф» Маяковского — пьесе, которую также хотела поставить в своем театре Шапорина (Александров III. С. 225).

В первой редакции текста:

Иван Иванович! — оказывается, что безымянный клоун второй редакции первоначально имел самое распространенное у Хармса имя и отчество; см.: 1-4,6,22,25,44,52, 60,62,72,73,87;

У него вытягивается шея — ср.: «Человек с тонкой шеей...» и в том же положении (т. 2 наст. собр., текст 143.9)

В тексте «К Цирку Шардам вставные номера»:

Эстер — скорее всего, это имя навеяно воспоминанием об Эстер Русаковой — первой жене Хармса (1925-1932); см. т. 1 наст. собр., прим. к тексту 3;

Бубушвили — ср. в текстах того же года: 25 и 73.

НЕЗАВЕРШЕННОЕ И ОТВЕРГНУТОЕ

79. Впервые — Александров, Кавин. С. 181-184. Автограф — ИРЛИ (несколько вариантов; перечеркнуты).

80. Автограф — ИРЛИ.

Топоним, в данном случае, по-видимому, не имеет значения, поскольку у Хармса есть наброски и еще двух вариантов этого текста, где фигурируют Фонтанка 27 и Фонтанка 101.

Володя — см.: 41,58,68,75,86,93.

81. Впервые — Александров, Кавин. С. 133-134 (контаминация нескольких вариантов). Автограф — ИРЛИ (5 вариантов, все датированы 20 сентября 1933 г.).

Приводим наиболее содержательные варианты:

<1>

П р о ф е с с о р:

Прекратите этот крик
я профессор и старик
я с галдёжем не в ладу
я от крика упаду.

Р е б я т а:

Тихо!
тихо!
тихо!
ша!

П р о ф е с с о р:

Я сижу едва дыша!
Вьется кончик бороды.
Дайте мне стакан воды.
Р е б я т а:

Тихо!
Тихо!
Тихо!
ша!

П р о ф е с с о р:

Я сижу едва дыша
в ухе звон
в глазах круги
Боже Боже помоги!

Этот текст частично зачеркнут.

<2>

П р о ф е с с о р Т р у б о ч к и н
входя:

Здравствуйте!
Здравствуйте!
Здравствуйте!
Здравствуйте!

Р е б я т а:

Здравствуйте!
Здравствуйте!
Здравствуйте!
Здравствуйте!

327

П р о ф е с с о р Т р у б о ч к и н:

Я к вам приехал
Из страны котлет.
Р е б я т а:

Такой страны как будто нет.

П р о ф е с с о р Т р у б о ч к и н:

Тогда я был в стране
где в озере стерляжья уха.

Р е б я т а:

Но это тоже чепуха

П р о ф е с с о р Т р у б о ч к и н:

Позвольте,
я однако видел сам,
как пар от озера
клубами поднимался к небесам
И жители той местности
уху хлебали ложками
и заедали
вынутыми из воды картошками.
Я сам попробовал уху.
Уха была на букву ять.

Р е б я т а:

Всё это занимательно,
Но чепуха опять.

Против этого текста помета Хармса: «Плохо!»

<3>

П р о ф е с с о р Т р у б о ч к и н:

Здравствуйте!
Здравствуйте!
Здравствуйте!
Здравствуйте!

Р е б я т а:

Здравствуйте!
Здравствуйте!
Здравствуйте!
Здравствуйте!

П р о ф е с с о р:

Я знаменитый профессор наук
прибыл из Южной Америки я
сяд<ь>те ребята скорее вокруг
вам расскажу об Америке я.

Р е б я т а:

Расскажите!
Расскажите!
Расскажите!
Расскажите!

П р о ф е с с о р:

Тихо! Тихо!
Не кричать!
Задавайте мне вопросы
я вам буду отвечать.

Дети:

Расскажите нам о том
Расскажите нам о сём
Расскажите расскажите
Расскажите обо всём.

Профессор:

Тихо! Тихо! Тихо! Тихо!
Не шуметь и не кричать!
Задавайте мне вопросы
я вам буду отвечать.

Петя:

Что такое бегемот?

Профессор:

Это вот...
Это вот...
Это вот такого роста
не пройти ему и в дверь,
это... это, это просто...,
это просто страшный зверь.

Как видим, в 1933 г. Хармс интенсивно работал как над прозаическими, так и над стихотворными текстами о профессоре Трубочкине, из которых лишь малая часть была опубликована.

Конструкцию текста с трех- и четырехкратным повторением одних и тех же слов встретим у Хармса в тексте «Математик и Андрей Семенович» того же 1933 г. (см.: т. 2 наст. собр., текст 13).

82. Автограф — РНБ (наброски нескольких вариантов).

Слева от текста фрагмент, точное место которого затрудняемся определить:

Вот вагон, в нем бак с водой,
Бак с водой проточной,
Чтоб не высох чудный сад
Чудный сад цветочный

83. Впервые — Александров, Кавин. С. 183-184. Автограф — ИРЛИ (зачеркнут).

столяр — см.: 9 и т. 1 и 2 наст. собр.

84. Автограф — ИРЛИ.

Петя — см.: 1,10,20,43,49,52,60,61,63,81,94 и т. 1 и 2 наст. собр.

85. Впервые — Александров, Кавин. С. 193-195. Автограф — ИРЛИ.

86. Впервые — Александров, Кавин. С. 184. Автограф — ИРЛИ (3 варианта; зачеркнуты и помета: «Плохо»).

Володя — см.: 41,58,68,75,80,93.

87. Автограф — ИРЛИ.

Возможно, наст. текст является планом неосуществленного (или несохранившегося) произведения.

Коля Кокин и Ваня Мокин — типичная хармсовская двойчатка, напоминающая, впрочем и персонажей А.Введенского — Колю Кочина и Мочина.

88. Автограф — ИРЛИ (по-видимому, часть текста утрачена).

В 1930-е гг. была популярна т.н. «Деловая книга» — игровая форма ознакомления детей с научно-техническими сведениями. Рассказ Хармса принадлежит к этому роду популярной тогда литературы.

четыре здоровенных парня — см.: 11,12,23,47,49, 52,53,57,72,94 и т. 1 и 2 наст. собр.;

Нельзя вместе с водой из ванны выплёскивать наборщика — парафраз известной идиомы.
89. Впервые — Александров, Кавин. С. 185-186 (контаминация наст. текста с зачеркнутым).

Приводим зачеркнутый текст:

— Ну ладно, сказал Коля, — тогда ты, Нина, будешь крепостью, а я буду пушкой и буду снежком в тебя стрелять.

— Хорошо, — сказала Нина, — но что же я буду делать?

— А ты, — сказал Коля, — будешь стоять на одном месте. Ведь ты крепость, а крепости не двигаются.

— Ерунда, — сказала Нина, — теперь нет больше крепостей. Я лучше буду танком, а ты будешь неприятельским маяком и я буду стрелять в тебя снежками.

— Нет, — сказал Коля, повернулся и пошел домой.

90. Автограф — ИРЛИ.

91. Впервые — Александров, Кавин. С. 185 — 190 (контаминация нескольких вариантов). Автограф — ИРЛИ (несколько вариантов).

Вот однажды — см.: 29 и т. 1 и 2 наст. собр.;
по фамилии Петров — см.: 66 и т. 1 и 2 наст. собр.;
к трамвайной остановке — см.: 23,25,61 и т. 2 наст. собр.

92. Впервые — Александров I. С. 77. Автограф — ИРЛИ.

93. Впервые — Александров, Кавин. С. 187-189 (контаминация нескольких вариантов). Автографы — ИРЛИ (несколько вариантов) и РНБ (фрагмент).

Приводим наболее значительные варианты:

<1>

Человечек посмотрел прямо на Володю и нахмурил брови.

— Кто вы такой? — спросил Володю человечек.

— Я Володя Петушков, ученик 1-го класса, 1-ой ступени, — сказал Володя.

— А-а-а! — сказал человек с черной бородой, протягивая Володе руку. — Разрешите с вами познакомиться. Зовут меня Карл Иванович Шустерлинг. Вот это мой домик, в котором я живу. Пойдемте ко мне, я вам покажу интересные книжки с картинками.

Володя вошёл в домик. В домике было две комнаты. В комнатах стояли столы и стулья, а на столах

<2>

— А это мой домик, в котором я живу. Пойдемте ко мне в домик, я покажу вам интересные вещи.

Володя сделал к домику несколько шагов и хотел уже взойти на крылечко, как вдруг земля задрожала, вокруг что-то загудело, подул страшный ветер и через володину голову полетели огромные комки.

— Скорее! Скорее! — закричал Карл Иванович. — Скорее бегите за мной! Начинается землетрясение!

Карл Иванович схватил Володю за руку и побежал с ним в поле.

Небо потемнело и покрылось тучами. Из туч

блистали яркие молнии и грохотал такой гром, что у Володи заломило в ушах и заныли зубы.

— Куда мы бежим? — крикнул Володя Карлу Ивановичу.

— А-о-а! — прокричал что-то Карл Иванович. Разобрать слов было невозможно, так вокруг звенело, свистело и грохотало.

— Что-о-о? — крикнул Володя.

— И-и-э-э-у-у! — отвечал что-то Карл Иванович, продолжая бежать вперед и таща за собой Володю.

Володя — см.: 41,58,68,75,80,86;
Карл Иванович Шустерлинг — см.: 25,26,72.

94. Впервые — Александров, Кавин. С. 195-204 (контаминация вариантов). Автограф — РНБ.

Автограф содержит обширную правку и вычеркивания красным и синим карандашом. Мы в отдельных случаях сохраняем в публикации фрагменты, зачеркнутые красным, когда без них текст теряет связность (возможно, Хармс не нашел им необходимой замены).

Приводим наиболее значительный фрагмент, зачеркнутый красным карандашом.

... *не удастся занять ущелья* — далее следует:

Но вдруг с задней парты поднялась рука.

— Свистунов, — сказал учитель немецкого языка, — ты зачем руку поднял?

— Позвольте выйти, товарищ учитель, — сказал Свистунов.

— Иди, — сказал с раздражением учитель и, повернувшись к доске, стал пояснять, как образуется прошедшее время глаголов.

Свистунов пошёл к двери, нагло посматривая на Галлапуна. Свистунов был товарищем

Гришки Тулонова и самым сильным из бледнолицых. Если он займёт Ущелье до конца урока, то придётся в эту же перемену начинать войну, не обсудив военных действий. Остаться без подзорной трубы и без ущелья, это позор индейцам и торжество бледнолицым. А Свистунов уже вышел из класса.

Галлапун вскочил со своего места, чтобы кинуться за Свистуновым, но Чин-гак-хук удержал его за руку.

— Постой, — сказал Чин-гак-хук, — когда учитель отвернётся к доске, ты незаметно под партой подползи к двери и беги за Свистуновым.

Учитель же, как нарочно, стоял лицом к классу и говорил о неправильных глаголах.

— Товарищ учитель, разрешите мне выйти, — закричал Галлапун, не вытерпев ожидания.

— Да вы что? — удивился учитель, — один за другим. Сейчас будет звонок и тогда иди, а пока сиди себе на месте.

— Не могу ждать. Пустите, товарищ учитель, — умоляющим голосом сказал Галлапун.

— Ну ладно, иди, но смотри: завтра я спрошу тебя урок и чтоб ты знал!

Галлапун не слушал, что говорит ему учитель. Он кинулся к двери и выскочил в залу. Тут он бегом пустился к Ущелью Бобра. У шкапов с физическими приборами стоял Свистунов. Галлапун, увидев Свистунова, остановился и тяжело дыша от быстрого бега, уставился в лицо бледнолицего врага. Оба молчали, смотря друг на друга с грозным видом. Свистунов был выше Галлапуна и шире его в плечах. Но Галлапун

славился своей ловкостью и цепкими пальцами, а Свистунов знал это и молча стоял, сжав свои кулачища.

— Ущелье Бобра принадлежит нам, — сказал Галлапун, трясясь от напряжения.

— Кому это вам? — спросил Свистунов, хмуря брови.

— Нам индейцам, — сказал Галлапун.

— А мне плевать на индейцев, — сказал Свистунов и хихикнул.

— Если ты сейчас же не уйдешь отсюда, то я...

Галлапун не знал, что сказать, и замолчал.

— Ты не треплись, — сказал Свистунов, боком подходя к Галлапуну, — и ступай-ка обратно в класс.

Свистунов совсем близко подошёл к Галлапуну и даже касался его своим плечом. Галлапун не пошевелился и только не спускал глаз с правой руки Свистунова.

— Я отсюдова никуда не уйду, — сказал Галлапун.

— Нет уйдёшь, — проревел Свистунов, толкая плечом Галлапуна.

— Пожалуйста не толкайся, — сказал Галлапун и оттолкнул Свистунова.

Свистунов подался плечом назад, но ноги его остались на месте.

— Ты ещё сам толкаться вздумал! — крикнул Свистунов и так толкнул Галлапуна, что тот на два шага отскочил в сторону. Галлапун взмахнул руками, чтобы не потерять равновесия, и кинулся к Свистунову.

— Пусти меня в ущелье! — крикнул он, хватая Свистунова за плечо. Но Свистунов резким движением вырвался из рук Галлапуна и прыгнул к входу в ущелье.

— Пошёл вон! — сказал он и встал в позу боксёра.

Но недаром Галлапуна звали именно Галлапуном, Звериным прыжком! Не успел Свистунов и глазом моргнуть, как Галлапун уже обхватил руками его шею и гнул её книзу. Руки Свистунова болтались по воздуху, стараясь поймать Галлапуна, но все усилия были напрасны. Галлапун извивался всем телом и с каждой секундой всё ниже и ниже пригибал Свистунова. И вдруг оба повалились на пол! Падая, Галлапун разжал свои руки и в тот же момент был сдавлен как тисками. Теперь он был во власти бледнолицего силача. Никакая ловкость не могла освободить его от этого железного объятия. Галлапун чувствовал, что ему не хватает воздуха, но всё ещё крепился, не желая сдаться перед Свистуновым. Свистунов сопел, как медведь над самым ухом Галлапуна, и Галлапун слышал, как это сопение перешло в какой-то рокот, будто со всех сторон хлопали дверями и топали ногами. Шум всё рос, но в глазах Галлапуна пошли чёрные круги. Он напряг последние силы и вдруг совершенно неожиданно почувствовал облегчение.

Кругом, куда ни глянешь, виднелись ноги и руки, всё быстро двигалось и толкалось. Галлапун ещё не успел придти в себя и смотрел с удивлением вокруг. Кто-то помог Галлапуну встать на ноги и подойти к шкапу.

— Стой здесь, а я пойду нашим на помощь, — сказал ему голос Чин-гак-хука.

Только тут Галлапун догадался, что наступила перемена и подоспевшие индейцы стащили с него ошалевшего Свистунова. Теперь шёл бой за овладение Ущельем Бобра. Индейцы оттеснили бледнолицых и Ущелье на этот раз осталось в руках у индейцев. Галлапун увидал среди противников Свистунова и, стыдясь своей слабости, кинулся в самую гущу сражения. Первым в ущелье вошёл Чин-гак-хук.

— Ой-гоге! — крикнул он оттуда.

— Вперёд, ребятки! — крикнул ему в ответ Гришка Тулонов.

— Ура! — поддержал Тулонова Свистунов и бледнолицые с новыми силами полезли к входу в ущелье.

Этого индейцы не ожидали, и неизвестно, чем бы всё кончилось, но над всем этим шумом раздался крик часовых:

— Сова летит! Сова летит!

Это значило, что приближалась опасность со стороны преподавателей или заведующего школой.

В одно мгновение бой утих. Свирепые лица воинов превратились в самые невинные рожицы. Свистунов из грозного силача бледнолицых превратился в обыкновенного пятнашку и краснокожие индейцы рассыпались в разные стороны, вдруг испугавшись Свистунова.

По коридору прошёл Петр Иванович, учитель арифметики, и, посмотрев на весёлую игру мальчишек, улыбнулся.

Золотой Орел — персонаж некоторых волшебных сказок (Зеленин. С. 420).

за шкапами — см.: 1,64,66 и т. 1 и 2 наст. собр.;

восемь с половиной — см.: 27,39,60,61,65,69 и т. 1 и 2 наст. собр.;

осталось ещё три минуты; *Три яблока* — см.: 1,5,49 и т. 1 и 2 наст. собр.;

четырех шагов — см.: 1,12,23,47,49,52,53,57,72,88 и т. 1 и 2 наст. собр.;

Пётр Иванович — см.: 1,10,20,43,49,52,60,61,63,81,84;

11 человек — см. т. 1 и 2 наст. собр.;

Пирогов — эта «гоголевская» фамилия встречается у Хармса в трех «взрослых» текстах и еще в двух набросках текста о Платоне Пирогове (ИРЛИ):

<1>

Страшная буря бушевала на море. Волны и ветер бросали маленькую лодочку. А в лодочке сидел Платон Пирогов и спокойно курил свою короткую трубочку.

Платон Пирогов сел в поезд и поехал за город, чтобы погулять среди полей и лесов и подышать свежим воздухом.

Вот уже тридцать лет не бывал Платон Пирогов нигде за городом, и даже забыл как выглядят лес или поле.

Содержание

СТИХОТВОРЕНИЯ

ПЕРЕВОДЫ

ПРОЗА

ДРАМАТИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

НЕЗАВЕРШЕННОЕ И ОТВЕРГНУТОЕ

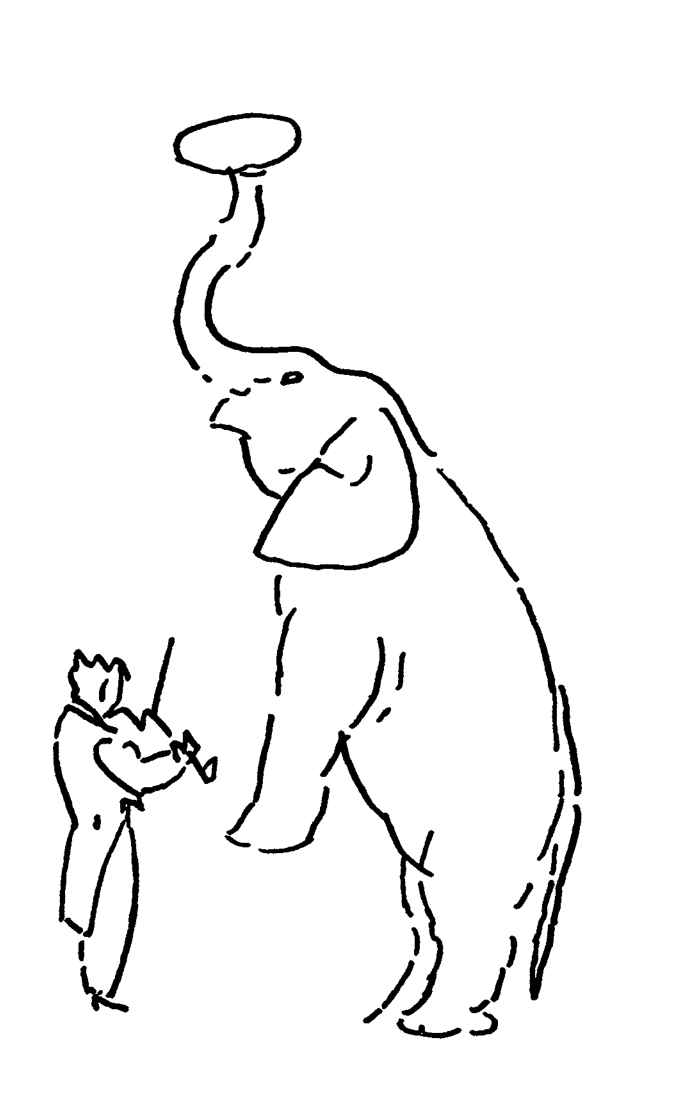

Хармс Д. И.

Полное собрание сочинений. Том 3: Произведения для детей / Подг. текста А.В.Коскелло, В.Н.Сажина, Д.В.Сажина. Составление и примечания В.Н.Сажина. - СПб.: Академический проект, 1997. — 351 с.

ISBN 5-7331-0060-5

Собрание сочинений Д.Хармса подготовлено на основе его архива в Российской Национальной библиотеке и Пушкинском Доме и является первым в России полным собранием его произведений, выполненным на серьезном текстологическом и научном уровне. Третий том включает произведения, написанные Хармсом для детей.

Даниил Иванович Хармс
Полное собрание сочинений. Том 3

Художник В.В.Бродский
Художественный редактор В.Г.Бахтин
Компьютерная верстка В.В.Эпельштейн

Подписано в печать 04.09.97. Формат 84×108 1/32.
Печать высокая. Тираж 5000 экз. Заказ № 833.

Гуманитарное агентство «Академический проект».
199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4.
ЛР № 062679 от 07.06.93.

Отпечатано с диапозитивов в ГПП «Печатный Двор»
Государственного комитета РФ по печати.
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

